

122
50
САН ДАКЛАД
ИЗ ФОНДА РЕДКОЙ И СТАРОЙ
КНИГИ

ДСАРИ- ДАГЕСТАН

ИСТОРИЧЕСКИЕ
СВЕДЕНИЯ
О ДАГЕСТАНЕ

ПЕРЕВЕДЕНА
АЛИ ГАСАНОВА
(ДАКЛАДИ)

СССР

2692
ИЗДАНИЕ ДАГЕСТАНСКОГО
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА

МАМАЧ-КАЛА

ИЗ ФОНДА РЕДКОЙ И СТАРОЙ
КНИГИ

САН. УИ. ЗИЛ

Muellifi: HAZAN ALQADARI

ASARI DAQIYSTAN

(Daqıystan haqqında tağxh ma'lumat)

Ruscaja tercuma edəni:

ABDUL-ALI HASANOF

Daqıystan ilmi və tatabbu
institutiniq nəsiyyati

MAHAC — 1929 — QALA

3(A)

75-

ИЗ ФОНДА РЕДКОЙ И СТАРОЙ
КНИГИ

ЭТАЛЬОН
ЗАЛ

Гасан-Эфенди АЛКАДАРИ

АСАРИ ДАГЕСТАН

(Исторические сведения о Дагестане)

Перевод и примечания

АЛИ ГАС. ГАСАНОВА

(Алкадари)

Издание Дагестанского
Научно-Исследовательского Института

X
26935

806

26944

МАХАЧ. — 1929 — БАЛА

Терокрипто № 2046.
Тираж 500 экз.
Пятигорск. Типо-лит.
изд. „Терек“
Терокрисполкома.
Заказ № 2533.
1928 г.

Книга
Асари-Дагестан.

(Исторические сведения о Дагестане).

Составил Мирза Гасан-Эфенди,
сын Гаджи Абдулла-Эфенди Алкадари Дагестани.

От автора.

Сведения о Дагестане *Благословенном*¹⁾.

Во имя творца земли и неба,
Владыки милостивого и руководителя милосердных.
Начинаю задуманный мною труд,
Хваля аллаха за его благодеяния,
Прося его помочь мне окончить его
Так, чтобы улемы²⁾ были им довольны.
Поистине он славен, лучший покровитель.
Он научил людей тому; чего они не знали.
Он из них одну группу наделил благочестием,
И та поднялась на высокую ступень,
И справедливость его решила оставить
Некоторых несведущих в состоянии слепоты.
Так он судья справедливый во всем.
Он велик в своих решениях праведных.
Он послал великих мудрых пророков
Людям, включая вождя последнего³⁾,
Славнейшего избранного, лучшего из вестников,
Который передал от него то, что он ниспослал.
Боже, благослови их, а также
Их народы и их последователей почтенных.
Спаси и помилуй раба твоего Мемнуна⁴⁾
И тех, кто относится к нему сочувственно.
Боже, обнажи его мысль и облегчи ему
Труд, который дал бы писателям хоть кое-что.

Затем я недостойный⁵⁾ Гасан Алкадари Дагестани, сын покойного богослова Гаджи Абдулла Эфенди, начну речь и объясню свою цель следующим образом.

Газель⁶).

Повод к этому труду дал мне некто гордость Дагестана
Эмир⁷) бесподобный, сведущий и приятный,
Земель Табасаранских, владетельного дома,
Усовершенствовавшийся в превосходстве среди сородичей,
Скромный, веселого нрава, приятной наружности, хо-

роший собеседник,
Житель Гимейды⁸) Бейбала бека сын Ахмед-хан.
Да даст бог постоянный почет ему с его близкими.
Да даст ему успех в добрых делах всю жизнь.
Если сведения эти окажутся смутными, а речь моя
печальною,
То не удивительно, ибо и меня судьба смутила и опе-
чала.
Каждый может дать лишь то, что имеет; по хозяину
и вещь его⁹):

Эти верные поговорки подходят ко мне.
В начале этого труда Мемнун написал дату
Года Гавани без ляма¹⁰) месяца Шаввала благоприятном.

1307 (1890).

Краткое указание содержания Асар¹²).

Моя цель—сообщить лишь заочным друзьям
Некоторые сведения о Дагестане, стране забытой.
Пусть знают, как здесь подвергались мукам
И потонули в море милости божьей¹³) честные и све-
дущие лица,
Сколько сподвижников пророка создало последователей,
И как от хазар пострадали эти края чистые¹⁴),
Как имя завоевателя страны получил Абумуслим,
Да будет он поминаться добром во-веки,
Сколько шамхалов, ханов, уцмиев, майсумов и кадиев
Укрепило в народе здесь веру истинную,
Сколько мечетей водвигли они ради аллаха,
Сколько школ, крепостей и часовень построили,
Сколько веков управляли они округами,
Хотя деяния эти теперь не вполне известны.
Были они под протекторатом властителей Аббасидских,
Пока Тимур-калека¹⁵) не покалечил их слегка.
То здесь главенствовали шахи Персии,
То распоряжались здесь некоторые хункяры¹⁶),
То в десятом веке Гиджры¹⁷)
Вырвались лезгины на свободу, потревожили весь свет,
Погирая тленный мир своей революцией,

Рассыпались как дикари, всюду проливая кровь:
Кто повел войска на Ширван, Гянджу и Ардебиль,
Кто вытоптал конницей Джары и Грузию.
То Крымские султаны бросили сюда войска,
То здесь скитался отряд татарский,
То выступил здесь шейх Мансур возобновить веру,
То Гази-Магомед, то Гамзат возвысились,
То Шамиль-эфенди распространил здесь свою власть,
Приказом набрал отовсюду мобилизованные войска.
Хвала аллаху, дошла теперь очередь до России,
Создался контроль над справедливостью в народе,
Для дагестанцев открылись двери к просвещению,
И открылось поприще для честного мирного труда.
Но лезгины теряют время, лежа
Беспечно в постели¹⁸), не просыпаются от сна.
Не скажут: боже, теперь и мы ведь люди на свете.
Будем же учить детей, пусть знают, что есть, чего нет;
Пусть обучаются грамоте под сенью сей державы.
Пусть позадумаются над своим человеческим бессильем.
Пусть откроются их глаза и увидят, что нужно в жизни,
И пусть они совершат поездки на пароходах и по железн-
ным дорогам.

Остались братья-лезгины в запустеньи и скудости,
Подумаешь, им с неба пища падает с дождем.
Правда, есть среди них некоторые понимающие,
Осведомленные о нуждах и запросах эпохи,
И они стараются дать образование детям.
Но ведь несколько раз не превратят степей в цветник.
Необходимо о будущем серьезно подумать
И не пропустить удобного случая ветренно.
Есть пословица—умному довольно намека, а глупец не
поймет,
Если даже повторно прочесть ему Тору, Евангелие и
Псалмы.
До посева зерна нужно возделывать поле!
Нужен уход за деревьями, чтобы фрукты были хороши.
Да ниспошлет бог своим рабам стремление к добру.
Такова молитва Мемнуна, пусть услышит ее всепрощающий

Для облегчения охвата Асари-Дагестан, составление
коего я предпринял, я решил разделить его на предисло-
вие, двенадцать глав и заключение, а именно:

Вступление—о группах населения Дагестана и ок-
ругах в настоящее время, о распространенных здесь языках

и известных наречиях, а также о верованиях населения, жившего здесь до ислама.

Глава первая. О событиях после распространения мусульманской религии в области до прихода сюда Тамерлана.

Глава вторая. О жизни и событиях после появления Тамерлана до распространения на область влияния и власти Оттоманской империи и Сефевидской Кизилбашской державы.

Глава третья. О событиях между появлением этих двух мусульманских держав и первым приходом сюда войск Российской империи.

Глава четвертая. О событиях, произошедших в промежутке между первым приходом сюда и обратным уходом русских войск.

Глава пятая. О событиях в период после ухода из Дагестана русских войск до прихода сюда императора Петра Великого с войском своим.

Глава шестая. О событиях после ухода из Дагестана Петра Великого до появления Надир-шаха.

Глава седьмая. О событиях после появления в Дагестане Надир-шаха до его убийства.

Глава восьмая. О событиях после смерти Надир-шаха до прихода сюда русских войск в третий раз.

Глава девятая. О событиях после третьего прихода в Дагестан русских войск до их ухода отсюда.

Глава десятая. О событиях, произошедших в Дагестане после третьего ухода русских войск до возникновения Каджарской державы и четвертого появления здесь русских войск.

Глава одиннадцатая. О событиях после появления Каджарской династии и четвертого прихода сюда русских войск до заключения между этими двумя государствами Гюлистанского мира.

Глава двенадцатая. О событиях, произошедших в Дагестане после заключения между упомянутыми державами Гюлистанского мира до настоящего времени.

Заключение. О нравах и обычаях дагестанских народностей и о некоторых умерших и частью живых правителях и ученых.

Вступление.

Положение, наименование, деление.

Известно, что страна, называемая Дагестаном, считается счастливым краем, занимающем на земном шаре место

между 63 и 66 градусами восточной долготы и между 42 и 44 градусами северной широты¹⁹⁾. У некоторых арабских историков эта страна известна под именем Лан. Наименование Дагестан дано стране вследствие того, что большей частью она покрыта горами. Первоначальные границы Дагестана—с востока Хазарское море, с севера река Терек, с запада Осетия и Кабарда и с юга Грузия и Ширван. Но в этой территории Джарский²⁰⁾ округ выделен в Тифлисскую губернию, а Кубинский уезд в Бакинскую губернию. Остальная территория обращена в одну губернию, известную под именем Дагестанской, и находится под управлением господина военного губернатора, пребывающего в городе Темир-Хан-Шуре. Губерния эта разделена на следующие округа:

1) Темир-Хан-Шурицкий округ, куда входит кроме этого города еще Петровск, расположенный на берегу Хазарского моря и очень удобный для стоянки судов, затем селение Тарки, бывшее в последнее время столицей дагестанских шамхалов (это самое Тарки перед эпохой ислама было очень укрепленным хазарским поселением, и у древних историков ему присвоено было название Баланджар, а у некоторых тюркских историков он назывался Семендер) и такие известные селения, как Буйнак, Нижний и Верхний-Казанищ, Кафир-Кумык, Нижний и Верхний-Дженгутай, Карабудахкент, Губден, Гелли, Параул. Большинство населения этого округа говорит на джагатайском тюркском языке, а некоторые селения говорят на даргинском, т. е. акушинском языке²¹⁾.

2) Даргинский округ, куда входят Акушинский, Цудахарский, Сюргинский и Мекегинский участки. Язык у них —даргинский.

3) Округ Кайтага и Табасарани, куда входят Нижний и Верхний Кайтагские участки и Северо-Табасаранский участок. Сюда же входит и селение Кубачи, родина мастеров (это селение у древних историков упоминается под именем Зирахгеран). В этом округе селения Терекемейского магала и из Северо-Табасаранских селений Марага, Мугатырь, Дарвах и Хучни говорят на азербайджанском тюркском языке, а жители селений Джалган, Рукель, Кемах, Зидьян, Гимейди, Митаги и Бильгади говорят на татском языке, который, подобно языку местных евреев, относится к ветвям персидского языка. В этом же округе селения Нижнего и Верхнего Кайтага в большинстве говорят на джагатайском тюркском языке, а некоторые на даргинском языке. Общество сел. Кубачи говорит на особом язы-

ке, на котором в этом округе ни одно общество, кроме этого, не говорит. Лишь в Казикумухском округе общество селения Кумух говорит с Кубачинцами на их языке²²).

В этом же округе верхние селения Табасарани, т. е. общества горного района, говорят на табасаранском языке называемом кабганским²³).

4) Кюринский округ, куда входят селения магалов Кюра, Южная Табасарань, Агул, Кушан, Ахмар и Улус. Здесь в Улусском магале 9 селений говорят на азербайджанском тюркском языке. Магалы Кюринские говорят на кюринском языке, а также некоторые селения Южной Табасарани и селения магала Ахмар говорят на кюринском языке. Остальные селения Табасарани говорят на кабганском языке. Магалы Агул и Кушан говорят на своем особом языке. В этом округе в трех селениях живут евреи, которые говорят на своем еврейском языке.

5) Самурский округ, куда входят магалы Ахты-Пара, Алты-Пара, Докуз-Пара, Рутул, Цахур и Борч. В этом округе многие общества говорят на кюринском языке. Рутульские и цахурские общества имеют самостоятельные языки, а также самостоятельный язык имеет магал Борч.

Здесь же общество Катрух говорит по-азербайджански²⁴), а также есть некоторые общества, говорящие на казикумухском языке.

6) Казикумухский округ, куда входит прежде всего город Кумух, старая резиденция поставленных в начале ислама правителей Дагестана, называемых шамхалами. В некоторых арабских источниках этот город называется Лан, подобно тому, как весь Дагестан назывался Ланом, как указано выше. В некоторых тюркских источниках он называется Кумук, а в некоторых Куймук. Население этого округа издревле себя называет именем лак, а кюринцы изстари промеж себя называют казикумухцев именем яхул. В общем, когда арабы пришли сюда распространять ислам, казикумухцы не противились принятию этой религии и ради ее распространения среди аварцев и в других местностях вели войны и агитацию, сопряженную с опасностями. Поэтому они в то время получили прозвище гази кумух²⁵) и до сих пор сохранили это имя.

Большинство населения Казикумухского округа говорит на кумухском, или иначе лакском, или еще иначе яхульском языке. Часть селений говорит на аварском языке, часть на агул-кушанском языке. Селение Кумух с кубачинцами говорит на их специальном языке²⁶). В том же округе жители одного селения по имени Арчи говорят на

своим специальным самостоятельным языке (Аллах великий!). Название этого селения Арчи в некоторых старых источниках написано, с искажением букв,—Арчуб, а в некоторых Гарчуб.

7) Гунибский округ, куда входят селение Гуниб (или также без буквы б—Гуни), известное, как место сдачи последнего из имамов, выступавших в последние времена для установления в Дагестане шариатской власти, Шамиль-эфенди Российской державе; затем магал Андалаял и другие. Население этого округа говорит на аварском языке, который они называют маарским языком²⁷).

8) Аварский округ, куда входят: селение Хунзах, которое до прихода сюда ислама и после того до покорения аварцев Россией было их столицей и родиной храбрецов: селение Гимры, бывшее родиной Кази Магомада и Шамиль-Эфенди; затем бывшее родиной Гамзат-бека селение Гопатль. Среди населения аварцами называют всех, говорящих на аварском языке. Жители этого округа говорят на аварском, или иначе, на маарском языке.

9) Андийский округ, население коего частью говорит на аварском языке, а частью на чеченском²⁸).

10) Владение города Дербента, управляемое как самостоятельная волость. Этому городу в арабских источниках присвоено название Бабуль-Абвоб, или Бабуль-Хадид, а в некоторых тюркских источниках название Демир-Капу, или Темир-Капу²⁹). Жители этого города говорят: мусульмане на азербайджанском тюркском языке, евреи на еврейском и армяне на армянском языке.

Примечание. Население входившего раньше в состав Дагестана, а теперь присоединенного к Баку Кубинского уезда говорит: в Хазрийском магале на кюринском языке, в Караяском магале на особых языках, а остальные: мусульмане на азербайджанском тюркском, евреи на еврейском, армяне на армянском языках. В Кубинском уезде есть также некоторые селения мусульманские, говорящие на татском языке.

Численность населения Дагестанской губернии в настоящее время и размер ее поверхности.

По выяснившимся результатам переписей и подсчетов, произведенных на Кавказе в 1888 году по распоряжению г. Кавказского наместника генерал-адъютанта кн. Дундукова-Корсакова, население Дагестанской губернии, мужчин и женщин всего, определялось в 592.533 души, а поверхность земли определялась в 25.122 версты (квадр. Перев.). Таким образом, в среднем на 1 версту приходится 23 человека. В то же время на всем Кавказе насе-

ление, мужское и женское вместе, определялось в 7.307.819 душ, а поверхность земли в 408.411 верст, так что на 1 версту приходится 18 душ.

Большинство населения Дагестана мусульмане и большею частью суинитского шафитского исповедания. Только большинство населения Дербента, а также некоторые селения Улусского магала и селение Мискинджи, Самурского округа, состоят в шиитском имамском исповедании. Некоторые лица в Терекемейских селениях относятся к ханефитскому исповеданию. Несомненно, предки здешних мусульман произошли от смешения и скрещения групп, живших здесь издревле до прихода ислама, с арабами, пришедшими с исламом, и с другими, ибо преданием доказывается, что вожди и правители, назначенные здесь в начале ислама, были назначены из арабов, а также что от них осталось потомство, и что с ними извне иммигрировали арабские и прочие войска, необходимые для защиты горных проходов, крепостей и для функций управления.

Что же касается вопроса о том, составляли ли все один народ, и какую религию исповедывали группы, жившие здесь до прихода ислама, то в этом отношении из исследований вытекает, что они раньше не были одним народом, и религия у них была не одна, так как раньше того эта область была спорной между иранскими шахами и хазарами, и при победах то одной стороны, то другой, каждая поселяла здесь своих соплеменников и свои войска для охраны границ и проходов. Иранские шахи в то время были огнепоклонники и, будучи очень сильны, оставили здесь удивительные памятники старины, поражающие зрителя, как, например, оставшиеся от них в городе Дербенте крепость и сооружения, большая стена, возведенная вокруг города, и продолжение северной стены от морского берега на запад, по направлению к Черному морю, с крепостями³⁰⁾ там и сям среди гор. Даже большинство историков эти удивительные остатки уверенно считают стеной Зуль-карнейна³¹⁾. Так вот возведшие эти сооружения и озабоченные охраной границ от хазар поселили у этих границ и горных проходов своих единоверцев огнепоклонников. Точно также и хазары, бывшие сначала идолопоклонниками, а под конец, как достоверно указывается, бывшие иудеями, много раз совершив здесь завоевания, устанавливали свою власть, и вероятно тоже поселяли здесь своих единоверцев. Точно также остались в Дагестане из древних групп евреи и армяне, не приняв ислама, уплачивавшие выкуп. Между прочим предание гласит,

что табасаранский народ раньше был иудейским. Хотя это предание нельзя отнести ко всему тому населению, но можно отнести к тем сельским обществам, которые в настоящее время говорят на еврейском языке. Затем устное предание о том, что жители селения Гапца Кюринского округа раньше были христианами, подтверждается обнаруживающимися иногда под землею в том селении вещами и изделиями. Точно также в Самурском округе в отношении селения Микрах обнаружены обстоятельства вроде сообщенных относительно селения Гапца. Также по преданию говорят, что правившие в Аварии до ислама предки Хунзахских ханов были христиане, так же как и некоторые селения того округа и Кумухского³²⁾. Точно так же здесь во многих местах при обнаружении старых могил выяснилось, что покойника хоронили в могиле некоторым образом в положении сидящего человека и около него клали кое-какую посуду для пищи. Но известно, что мусульмане, евреи и христиане покойника в могилу укладывают, но не оставляют в сидячем положении. Из этого, а также из наличия многих народов и языков и из общего признания историков очевидно и несомненно, что население Дагестана составлялось из потомков групп различных вероисповеданий и потомков многих народностей³³⁾:

В настоящее время в Дагестане кроме групп, говорящих на азербайджанском и джагатайском тюркских языках, остальные все мусульмане называются лезгинами, и все их языки называются лезгинскими языками. Известно также, что слово лезги употребляется и с перестановкой букв *г* и *з* в форме *ле гзи*, так как в арабских словарях это имя приведено в последней форме. В настоящее время у населения, говорящего на азербайджанском языке, письма и книги пишутся на том же языке, но у остальных дагестанских групп все письма и книги ведутся по-арабски. Хотя на джагатайском тюркском языке письменно изложить мысль легко, но до сих пор это не вошло в обыкновение. На всех лезгинских языках, кроме табасаранского (или кабганского) языка, имеются все виды благозвучных стихов и красивых песен, но некоторые звуки нельзя изобразить арабскими и тюркскими буквами, они относятся к разряду грудных и жужжащих звуков, для которых арабские и тюркские буквы оказываются несоответствующими и недостаточными. Поэтому ими до сих пор не пользуются для письма. Хотя, после покорения Дагестана Россией, лингвист, начавший изучать кавказские языки, генерал барон Петр Карлович Услар изобрел для аварского, казикумухского, кюринского

и табасаранского языков самостоятельные письмена, собран необходимые буквы из русского и европейских алфавитов и даже составил первоначальные грамматики, тем не менее изобретенная им новая письменность до сих пор не получила распространения. Когда этот генерал в 1885 году умер, после того не нашлось другого, который бы так потрудился над другими языками и наречиями или довел бы до конца его солидные изыскания.

Тем не менее лезгины развивают свои языки, составляют на них песни, стараются изучить их хоть словесно и, таким образом, уделяют своим языкам должное внимание. Только табасаранцы своему языку (кабганскому языку) не оказывают никакого внимания и всячески пренебрегают им. Уж не говоря о сочинении на нем цельного сказания или песни, даже говорить на нем избегают и большинство народа говорит на кое-как изученных чужих языках—кюринском и тюркском. Даже женщины на свадьбах и при оплакиваниях умерших не поют на своем языке веселых и печальных песен, а выражают свои чувства некоторые на ломанном тюркском, некоторые на куринском языке. При всем том кабганский язык, подобно остальным лезгинским языкам, вполне пригоден для сказаний и песен и упомянутый выше генерал очень удивлялся этому обстоятельству и осуждал табасаранцев.

Дагестанские лезгины, говорящие на различных языках при встрече друг с другом, не зная языков друг друга говорят на азербайджанском или джагатайском тюркском языке и кое-как обходятся и довольствуются этим. Но когда некоторые говорят по—тюркски, слушатель получает удовольствие, например: „как ты поживаю?“, или „ты откуда идешь?“. Точно также некоторые полуграмотные муллы, умеющие лишь отпевать покойников, будучи разноязычными, и, не находя общего языка, прибегают к арабскому языку и коверкают этот несчастный язык.

Автор Гюлистан-Ирем Абас-Кули-ага в своей книге пишет, что если принять во внимание характер, черты лица и говор казикумухцев, то можно подумать, что они русские. Например, они храбры, как русские, они телом здоровы, а когда встречаются друг с другом, то младший старшему говорит „изров“ и снимает шапку. Слово же „изров“ похоже на русское слово „здорово“. Точно также некоторые историки пишут, что кубачинцы—народ, пришедший из Франции и потому они больше остальных дагестанцев развивались и усовершенствовались в знании ремесел. Но, не соглашаясь с этими мнениями, я позволю

себе сказать, что и казикумухцы не русского происхождения, и кубачинцы не французского происхождения. Они, как и другие лезгинские группы, являются поселившимися здесь группами неизвестного происхождения. В подтверждение своего мнения привожу следующие соображения. Прежде всего, другие дагестанские племена—аварцы и даргинцы—точно также воинственны и храбры и у них лица также красные. Но казикумухцы, в виду отсутствия у них пахотных земель, достаточных для жизни, ежегодно, начиная с сентября месяца, в течение семи месяцев отправляются на заработки в отдаленные путешествия, даже в Россию, Турцию и Персию. Они воспитываются, усваивая языки и нравы разных стран и делаются беззастенчивыми. С таким трудом заработанные деньги они, по возвращении сюда, тратят в течение двух—трех месяцев на кутежи и, выпив чрезмерно бузы, раскраснеются и гуляют. Тоже самое в следующем году. В настоящее время ежегодно из Казикумухского округа на заработки далеко отлучается более десяти тысяч человек, кои на месте отлучки занимаются, кто слесарным мастерством, кто золочением, лужением, кто сапожным ремеслом, а большинство как чернорабочие. Если они не будут так странствовать, то на родине не сумеют прожить. А если бы слово „изров“ у них осталось от русских, как у происходящих от них, то не осталось бы одно это слово, осталось бы много слов. Ведь население из евреев, принявшее ислам, и теперь говорит на своих языках, а в Грузии грузины, перешедшие в ислам, сохранили свой язык. Чествование же младшим старшего посредством снятия шапки, не есть свойство одних казикумухцев, а есть обычай, издревле сохранившийся в Дагестане в каждом округе, но у каждого народа есть свои выражения чествования вроде „изров“. Например, у аварцев при встрече младший старшему для оказания почета снимает шапку и приветствует, произнося „варчами“, если встреча происходит до полудня, подобно тому, как казикумухцы говорят „изров“, а если после полудня, то, снимая шапку, говорят „кади-нахи“, взамен чего казикумухцы говорят „карабуз“. Также и даргинцы, снимая папаху, до полудня говорят „валхунди“, а после полудня „чарукатди“ и этим оказывают почет, подобно тому как в группах, говорящих в Дагестане на джагатайском тюркском языке, младший старшего приветствует, снимая шапку и говоря—до полудня „танг-яхши-болсун“, после полудня—„тюш-яхши-болсун“, а вечером—„геч-яхши-болсун“. Тоже самое и в других округах. Что касается кубачинцев, то доказательством их не фран-

кузского происхождения служит то, что, если бы они действительно были народом, пришедшим из Европы, то там не могло бы не найтись их корня или признаков, а также приезжавшие сюда из французских и русских ученых и исследователей не могли бы до сих пор не обнаружить этого, а обнаружив, сочли бы для себя приобретением огласить подобное удивительное явление. Если бы подобно этому мастерство и знание переходило по происхождению, то вместе с кубачинцами доля наследства в мастерстве досталась бы также одноязычным с ними кумухцам, тогда как эти бедняки в своей изолированной долине живут, пренебрегая мастерством. Причина же, почему кубачинцы мастера, в том, что окрестности их селения неудовлетворительны для посевов и потому они издавна отказались от земледелия и занялись производством оружия и золотых дел мастерством, а их жены научились изготовлять хорошие сукна. В прежние времена правители и население, нуждаясь в оружии, выказывали им уважение, а в отношении цен за изделия удовлетворяли их с избытком. Даже от всевозможных тягот и повинностей кубачинцы освобождались и изаблялись, и, таким образом, все члены общества, один в подражание другому, стали мастерами. Когда-то персы в этих странах, нуждаясь в кубачинцах, заказывали им оружие, седла, кольчуги и пр. На персидском языке кубачинцы получили имя „Зирехгеран“³⁴.

В общем, у нас, если кто-либо усовершенствуется в производстве, то про него говорят, что он настоящий француз. В этом смысле про кубачинцев можно сказать, что они французы. При этом человеку свойственно развивать знание, и если подобно кубачинцам кто-нибудь из остальных дагестанцев станет стараться в приобретении мастерства, разве не достигает цели, или нет таких фактов? Сейчас в Казикумухском и других округах есть металлисты и золотых дел мастера, работающие лучше кубачинцев. Даже в нашем Кюринском округе в селении Койсун был оружейник и золотых дел мастер, обладавший искусством, по имени Гаджи-Магомед-Али и ружье, сделанное этим покойным, нельзя было отличить от ружья покойного Гаджи-Мустафы, пользовавшегося в одно время славой в Крыму. Он в золотых дел мастерстве превосходил кубачинцев, а также делал очень хорошие „револьверы“ — шестизарядные пистолеты. Аллах лучше знает³⁵.

О событиях в Дагестане после появления Ислама и до эпохи Хромого Тимура,

О том, когда именно истинная религия мусульманская пришла в Дагестан, между арабскими историками возникло некоторое разногласие, а именно: историк Ибн-Кесир в „Истории начала и конца“ пишет, что проникновение ислама в Дагестанские окраины началось по одному рассказу в царствование Омара Ибн Хаттаба, да будет он угоден аллаху, в 22 году Гиджры, 643 году руссом, а по другому рассказу в царствование Османа Ибн-Аффана, да будет он угоден аллаху, в 32 году Гиджры. Когда бы ни было начало, но по приказу халифа того времени Сурака бен Амр, по прозвищу Зуннун, двинулся сюда с мусульманским войском со стороны Армении. Командиром авангарда был Абдурахман бен Раба, и этот Абдурахман также имел прозвище Зуннун. Командиром одного крыла войска был Хузайфа бен Асид, а другого Бекир бен Абдулла. Заведующим снабжением был брат упомянутого Абдурахмана Салман бен Раба. Когда в таком порядке Сурака достиг границ Армении, то между ним и царем Армении Шахрияром начались мирные переговоры и был составлен мирный договор, который был послан халифу того времени и им утвержден. В этом отношении поистине неизвестно: на каких условиях он был заключен, но Сурака оттуда прошел без боя, двинулся в сторону Дагестана, завладел Дербентом и начал войну с племенами и группами, жившими к северу и к западу от его окраин, в особенности с хазарами, которые, будучи могущественны и владея теми странами, имели большие силы в Баланджаре (в Тарки³⁶) и его окрестностях. Между тем от халифа того времени прибыло войско из Сирии на помощь еще некоторое количество войска из сирийцев. Командиром этого отряда был сириец Хабиб бен Маслама. И вот здесь главнокомандующий, упомянутый Сурака, умер и на его место по приказу халифа главнокомандующим был назначен Абдурахман бен Раба. По прошествии значительного времени в битве с хазарами около сел. Тарки Абдурахман пал в бою и там же пали многие мусульмане; но уцелевшие воины того отряда уложили тело Абдурахмана в гроб и похоронили в той стране, так это впоследствии его могила для мусульман стала местом поклонения. Однако Ибн-Кесир не пишет определенно, где могила, а также и в этих краях нет достоверно известной могила. Вероятно, он тогда был похоронен на северной стороне

Дербента на кладбище павших за веру, известном под названием „Кирхляр“, и затем, когда здесь же были погребены мусульмане, павшие за веру впоследствии, он очутился на одном с ними кладбище, ставшем священным саркофагом и местом поклонения для мусульман.

После того как Абдурахман умер, из уцелевших воинов сирийцы, прибывшие позже в подкрепление со своим Хабибом, захотели, чтобы главнокомандующим стал Хабиб, но воевавшие здесь раньше них куфийцы захотели, чтобы главнокомандующим стал бывший здесь брат Абдурахмана, вышеупомянутый Салман бен Рабиа. На этой почве в мусульманском войске произошел раскол, дошедший до сражения одной партии с другой. Время этого раскола историки приурочивают к эпохе царствования почтенного Османа, так как это явствует из стихотворения, написанного одним куфийцем во время этой усобицы сирийцам³⁷⁾:

Если вы нападете на Салмана, то мы нападем на
вашего Хабиба.

Если вы вернетесь к Ибн-Аффану³⁸⁾, то и мы вер-
немся.

Если судить по справедливости, то фронт этот
есть фронт нашего вождя.

И он вождь, к которому прислушиваются племена.

Мы владеем границами, мы их защитники,

Ночами сражавшиеся за каждый порученный
нам проход.

Почтенный Ибн-Кесир рассказывает, что, когда, наконец между мусульманскими отрядами оказалось возможным примирение, главнокомандующим над ними стал Салман бен Рабиа. Он пишет также, что этот раскол, произошедший здесь между сирийцами и куфийцами, был первым из расколов, возникавших среди мусульман. В общем, когда Салман стал главнокомандующим, между мусульманами и хазарами произошли ожесточенные битвы около сел. Тарки и здесь Салман и с ним многие воины пали за веру. Уцелевшие мусульмане, потерпев жестокое поражение, бежали оттуда назад, но взяли с собой тела Салмана и его товарищей и похоронили их на северной окраине Дербента на известном священном кладбище Кирхляре, да будет к ним милостив аллах. Рассеявшиеся остатки войск разбрелись оттуда, некоторые мимо Армении вернулись в Сирию, а большинство ушло в Туркестан, Джирджан и Джилан (Джирджан и Джилан арабизированные Гиркания и Гилян). В числе последних находились из лиц, достой-

ных уважения, мир им, Абу Хурейра и Салман Фарис³⁹⁾, да будет к ним милостив аллах.

Примечание: В Гюлистан-Ирем, а также в некоторых турецких источниках и в Дербент-наме написано, будто на Дербентском Кирхлярском кладбище похоронены Салман и Рабиа с другими павшими за веру. Но это ошибка, потому что Рабиа—отец того Салмана и Абдурахмана, и он не приезжал в эти края. Надо было вместо того написать, что похоронен Салман бен⁴⁰⁾ Рабиа, или же, пропустив слово сын на персидский и турецкий манер, похоронен Салман Рабиа, так как пропуск слова сын у них общепринят. Напр., Саада бен Вакаса называют Саад Вакас, а Рустема бен Зала—Рустем-Зал.

После ухода из Дагестана войск Салмана хазары, достигнув своей цели, установили в этих краях свою власть. Затем до 42 г. Гиджры (662) нет известий о приходе сюда войск мусульманских халифов. А в этом году, по словам Ибн-Кесира, прибыл в эти края мусульманский отряд, который имел сражения с хазарами и вернулся отсюда в Сирию с богатой добычей. Это произошло в царствование Моавия бен Абу-Суфьян.

После этого события вплоть до 89 (708) года нет известия об отправке сюда войск со стороны мусульман. В последнем же году в царствование Валида бен Абдул-Мелика сюда по его приказу совершил поход с большим войском Кутейба бен Муслим, который, как пишет Ибн-Кесир, отнял здесь у хазар многие города и крепости, а потом вернулся обратно с богатой добычей⁴¹⁾.

Также Ибн-Кесир пишет, что 91 (710) году упомянутый Валид бен Абдул-Мелик послал с войском в Дагестан своего брата Масламу бен Абдул-Мелик, но и этот Маслама на этот раз после побед, одержанных в этих краях в битвах с хазарами, вернулся отсюда в Сирию с большой добычей.

Также Ибн-Кесир пишет, что в 105 (724) году, в царствование Язида бен Абдул-Мелика, сюда по его приказу был совершен поход под предводительством Джарраха бен Абдуллы Хакеми. Но и на этот раз мусульманские войска, собрав добычу, вернулись отсюда в Сирию.

Также Ибн-Кесир пишет, что, когда власть над мусульманами перешла к Гишаму бен Абдул-Мелику, то по его приказу упомянутый его брат Маслама бен Абдул-Мелик прибыл сюда с войском, повоевал немного, и с большой добычей вернулся в Сирию. После того хазары со своими войсками направились из Дербента на юг и, покоря все округа, дошли до Ардебилля. Между бывшим там в то время Джаррахом бен Абдуллой и хазарами произошло сра-

жение около Ардебилля. В этой битве Джаррах был убит и его войска рассеялись. Когда слух об этих событиях дошел до Гишам бен Абдул-Мелика, он снова заставил собрать большие отряды и с ними в 112/ (730) году послал сюда упомянутого своего брата Масламу бен Абдул-Мелик. На этот раз Маслама прошел через Дербент и отнял у хазар все округа и города вплоть до Баланджара (Тарки). В происходивших при этом сражениях был убит также сын хазарского царя. На этот раз Маслама бен Абдул-Мелик, желая превратить Дагестан в мусульманскую страну, позаботился поставить здесь в разных местах мусульманские отряды, назначить комендантов и принять меры к выполнению необходимых распоряжений. В итоге в 115 (733) году благодаря целесообразным распоряжениям и проницательным мероприятиям этого самого Масламы, покорение Дагестана было закончено⁴²⁾. По его же приказанию были назначены кадий и ученые для обучения исламу населения деревень и городов, а также правители и старейшины для управления ими, и были построены мечети и минареты. Хвала Аллаху великому за это, и да будет бог милостив к нему, к сражавшимся с ним за веру и к их верным спутникам во веки веков.

Примечание. Как выше выяснилось, завоевателем Дагестана был Маслама бен Абдул-Мелик. Но по молве, распространенной среди мусульман и не-мусульман, этому завоевателю присваивается имя Абу-Муслим. По поводу присвоения ему этого прозвища критики разноречивы: некоторые объясняют, что-де этот почтенный Маслама в действительности имел также прозвище Абу-Муслим, под каковым он и стал известен в этих странах, а некоторые пишут, что здесь ему с самого начала было, несомненно по ошибке, присвоено имя Абу-Муслим, которое так и сохранилось в предании. Во всяком случае завоевателем Дагестана был этот почтенный Маслама бен Абдул-Мелик. Умер он в 121 (739) году в Сирии в местности Ханут, да будет к нему благодать и милость. Историк Ибн-Кесир пишет, что упомянутый Маслама был великий полководец, обладавший совершенством, известный храбростью и равный почтеному Халиду бен Валиду. да будет к нему милостив бог.

Если говорят, что помимо него другой Абу-Муслим является завоевателем, то это неверно, так как кроме него было выступавших два лица по имени Абу-Муслим, но ни один из них не мог в то время отправиться в Дагестан. А именно один—это тот Абу-Муслим, который в 129 (747) году, выступив из Хорасана, содействовал переходу власти от Омейядов к Аббасидам. Его походы ограничились теми краями, а в Дагестан ни одного его похода не было. Другой же тот Шейх Абу-Муслим, который в пятом веке Гиджры⁴³⁾ прибыл сюда с семьей из Аравии, занялся в Дагестане обучением религии и распространением шариата и под конец умер в Аравии в центральном селении Хунзахе, где его могила стала известным местом поклонения.

Исключительное известие

Автор Гулистан-Ирем, заимствуя из истории Кятиб Челеби⁴⁴⁾ рассказывает, что когда Абу-Муслим (почтенный Маслама) был занят покорением Дагестана, мусульманский падишах того времени и брат упомянутого завоевателя—Гишам бен Абдул-Мелик прибыл в Дагестан, лично наблюдал происходившие здесь события, и что по просьбе лиц, принявших здесь новую религию ислам⁴⁵⁾, Гишам оставил у них на хранение свою саблю и велел ее положить в какую-то пещеру, чтобы она была памятью о нем. Поэтому те лица и их потомки почитали ту пещеру и охраняли там ту саблю.

Я позволю себе сказать, что теперь подтверждением этого известия может служить то, что в Северной Табасарани в Кыракском магале в селении Чордаф есть пещера, в которой находится какое-то оружие вроде кинжала. Местное население говорит, что это кинжал Абу-Муслима завоевателя и они всегда свою поминальную милостыню приносят туда во имя Абу-Муслима и раздают. В настоящее время этот кинжал хранится в доме одного благонадежного жителя селения Чордаф, дабы кто-нибудь его не украл из пещеры. Кроме этого случая здесь почитания сабли нет. Покойный Абас-Кули-Ага, в порядке толкования, пишет, что, вероятно, Кятиб-Челеби сообщает это услышав о кинжале, как о сабле.

Мероприятия завоевателя Абу-Муслима в Дагестане.

Взяв Дербент, Абу-Муслим построил там великолепную бесподобную соборную мечеть, сохранившуюся до сих пор и, кроме того, в отдельных магалах построил маленькие мечети. В Кайтаге и Табасарани он построил мечети в разных местах. Тоже самое и в Даргинском округе, и в частности, как передают, в городе Акуше большая мечеть была построена во имя его. Также в Кюринском округе он приказал построить мечеть в селениях Рича, Фита и Кучхю и эти мечети в настоящее время известны среди населения и упоминаются, как связанные с именем самого Абу-Муслима, как построенные его именем. Также и в Самурском округе он построил мечети, причем в большом селении Ахты построенную от его имени мечеть называют мечетью Абу-Муслима. В том же округе в селении Кар-Кюрта есть великолепная мечеть, построенная в его время и его именем. Также в Казикумухском округе, в частности в городе Кумухе большая соборная мечеть построена и названа его

именем. И также в остальных районах Дагестана, как-то: Аварском, Сюргинском, Цудахарском и других¹⁶⁾.

В Дербент-наме написано, что, когда Абумуслим, взяв Дербент, построил мечети и утвердил религию ислам, то он разбил город на 7 магалов и в каждом магале поселил группы из мусульман, приведенных им с собой. Кроме большой соборной мечети каждая мечеть, построенная в магале, была названа сообразно происхождению поселенных в том магале воинов. Например, в одном магале были поселены мосульцы, и их мечети присвоено было наименование мосульской. В магале, в котором поселены были палестинцы, мечеть названа была палестинской. В магале, где поселены были дамасские выходцы, мечеть была названа дамасскою. В магале, где поселены были хамсы, мечеть была названа хамскою. В магале, где поселены были иорданцы, мечеть была названа иорданской. В магале, где поселены были месопотамцы, мечеть названа была месопотамской. Соборная же мечеть, бывшая в одном из магалов, так и названа соборной мечетью. Кроме того Абумуслим, сделав в Дагестане в разных местах необходимые распоряжения, назначил для всей Дагестанской страны на должность правителя одного бывшего при нем в этом походе потомка почтенного Аббаса, да будет милостив к нему аллах, уважаемого дяди великого нашего пророка, да будет над ним и его народом благословение и благоденствие. Этот правитель известен под именем Шамхала и он сын Абдуллы, сына Касыма, сына Абдуллы, сына Аббаса. В отношении упомянутого его имени историки разноречивы. Некоторые пишут, что имя того правителя было Шахбал, а с искажением букв стало Шамхал. Некоторые пишут, что первоначальное его имя было Шах-лал, с искажением стало Шамхал. Некоторые же пишут, что так-как это лицо было жителем Сирии (Шам) селения Хал, то оба эти названия были соединены и, таким образом, ему присвоено было имя Шамхал. В результате вошло в обыкновение этим именем называть после него всякого из его потомков, занимавшего должность правителя Дагестана и, таким образом, его имя превратилось в название должности.

Этому правителю Абумуслим назначил резиденцией город Казы-Кумух. Причина, почему Абумуслим Казы-Кумухскому народу дал прозвище кази, в том, что как выше было указано, они не отказались соупотреблять ему и воевали с аварским народом для распространения религии, так-как до того времени царствовавшие в Аварии лица, имевшие резиденцией своей Хунзах, а старший из них именовался прозвищем „нуцал“, были христиане и

выступили войной, не желая принять ислам. В виду этого Абумуслим остерегся дать из них даже принявшим ислам какую-либо в Дагестане большую должность вроде правителя. Из них он нашел возможным оставить только правителя собственно в Аварии в звании нуцала и распорядился, чтобы нуцалы во всяком деле повиновались Шамхалу¹⁷⁾.

Также Абумуслим назначил из своего племени Амир-Гамзу старшим правителем в Кайтагский район, а при нем поставил других лиц и отряд из арабов. Первоначальное их местожительство и теперь называется „Кара-Корейш“, или иначе „Кала-Корейш“, причем первое название есть сокращенное из слов Карьяи-Корейш, а второе из Кал'ай-Корейш¹⁸⁾. По преданию рассказывают, что кайтагцы также без войны приняли религию ислам и Абумуслим с ними тоже обошелся хорошо. И вошло в обыкновение присваивать прозвище Уеми каждому назначавшемуся правителем в этот район из потомков упомянутого Амир-Гамзы. Относительно причины присвоения этого прозвища некоторые пишут, что оно произошло от изменения слова иеми, а иеми в арабском языке, будучи производным от ием¹⁹⁾, относится к обозначениям похвалы, вроде именитого и известного.

Также Абумуслим в Табасаранском районе назначил правителем одного из состава бывших при нем почтенных старейшин Магомед, известного под именем Майсум, и вот всякого, кто из его рода становился там правителем, вошло в обыкновение называть прозвищем Майсум. По значению слово Майсум, как известно, относится к похвальным эпитетам²⁰⁾. Точно также Абумуслим назначил в Табасаранский район из ученых, прибывших с ним из Аравии, двух лиц кадиями для обучения народа предписаниям ислама и для решения дел по шариату и установил, чтобы Майсум правил делами по соглашению с этими кадиями. Прозвище кади, которое стали давать впоследствии лицу, достигавшему власти в Табасарани из рода тех кадиев, произошло от слова казий²¹⁾ путем искажения. Также Абумуслим назначил кадиями в Акушу, Цудахар, Сюрги, Казы-Кумух и Андалаял подходящих лиц из бывших при нем ученых²²⁾. И впоследствии из их потомков также получились старейшины с прозвищем кади. Рассказывают, что в Сюринском округе, в селении, теперь называемом Кура²³⁾, Абумуслимом был поставлен один ученый и правитель, называвшийся Халифа; другое имя его неизвестно. В настоящее время в том селении из его предметов одеяния осталась обувь на одну ногу, нечто вроде одной галоши, и эта вещь

хранится с уважением, как памятник. В этом селении есть также следы построек вроде старой крепости. Но никто не слышал, чтобы там из его рода ктонибудь был известен, как ставший правителем. Даже о его собственном существовании, кроме кюринцев, никто из жителей других районов не рассказывает, или какой-либо достоверный историк не пишет.

Также Абу-муслим, назначив правителя города Дербента, оставил при нем отряд из воинов и, наложив в Дагестане подати на население каждого района, приказал, чтобы все сборы доставлялись и расходовались по распоряжению Шамхала, и чтобы население и правители упомянутых районов повиновались Шамхалу, а каждого, кто ему воспротивится, пусть дербентский правитель, взяв с собой необходимое количество войска, усмирит и приведет в повиновение Шамхалу ⁵¹).

Рассказывают, что селение Арабляр, находящееся в окрестностях Дербента, было местожительством стоявших здесь в то время арабов. Точно также есть несколько таких же селений, называемых Арабляр, в Кубинском, Шемахинском и Нухинском уездах. Также в Самурском округе было местожительством арабов селение Куруш, название коего Куруш произошло от искажения названия племени Корейш. Даже в северной Табасарани предки жителей селения Дарвах были арабы, и до начала последнего столетия у них был в употреблении своеобразный арабский язык, который затем был заброшен и забыт. Но аллах лучше знает.

(Вышеприведенные известия взяты из Дербент-наме) ⁵⁵).

В книгах истории написано, что в 118 году Г. (736) Гишам бен Абдул-Мелик послал в Дербент новое войско под предводительством командира по имени Асад бен Зафар и таким образом усилил в этих краях мусульманское могущество. Также точно и в эпоху Валида бен Язид бен Абдул-Мелик, царствовавшего после Гишама, в эти края был послан с войском Мерван бен Мухаммад. Этот Мерван, перейдя с отрядом, до двадцати тысяч воинов, в наступление против хазар, рассеял их, а из их подданных многих заставил принять ислам ⁵⁶).

Но когда Мерван был здесь, упомянутый Валид умер и власть над мусульманами досталась его сыну Язиду, который также через шесть месяцев умер. После чего власть должна была достаться Ибрагиму бен Валид. Когда это известие из Сирии дошло сюда, Мерван отсюда быстро отправился в Сирию и присвоил лично себе власть халифа. В 132 (750) году этот Мерван был убит, власть над мусульманами перешла от Омейядов к Аббасидам и сан халифа получил

Абдулла Саффах, сын Мухамада, сына Али, сына Абдуллы, сына Аббаса. И этот Саффах, послав войско в Дагестан, укрепил Дербент.

Также пишут историки, что когда упомянутый Саффах, процарствовав три года и девять месяцев умер и власть халифа досталась его брату Абу-Джафару Ал-Мансуру, то и он послал войско в Дербент, при чем правителем в Дербент послал Язида бен Асада. Когда этот Язид был правителем Дербента, в 146 (763) году, хазары, придя с большими силами, осадили Дербент и между ними и мусульманами произошли большие сражения. Однако хазары не достигли цели и вернулись в свои владения на север. Затем упомянутый халиф Ал-Мансур вызвал к себе Язида и в результате совещания с ним между прочим нашел необходимым, чтобы в окрестностях и на окраинах Дербента были поселены мусульмане, переселенные туда из других мест, дабы хазары не могли во всякое время переходить сюда в наступление ⁵⁷). Поэтому из Сирии, Месопотамии и Мосульского округа сюда было выслано семь тысяч мусульман с семьями и Язид их поселил в окрестностях Дербента и велел построить крепости в Рукеле, в Кала-Суваре, в Митаги, в Мугатыре, в Мараге и в Бильгади (Бильгади произошло от Бабуль Хадид) ⁵⁸), так что у них и теперь известны остатки крепостей. В частности в селении Бильгади теперь остаются крепостные башни и стены, выстроенные из красного кирпича и камня, а также известен его водный колодец. Историки пишут, что когда в 170 году Гиджры, в 787 году христианской эры, сан мусульманского халифа достался Гаруну аль-Рашиду, то он сильно укрепил Дербент и послал сюда правителем человека по имени Джеюн бен Наджм. Но когда этот человек оказался жестоким тираном, и дербентское общество послало Рашиду на его притеснения жалобы, Рашид, установив в этом отношении истину, послал сюда другого правителя по имени Рабиа-ал-Бахли, а упомянутого жестокого правителя велел арестовать и вернуть отсюда в Багдад.

В 173 году, в 790 христ. эры, Гарун аль-Рашид послал в Дербент правителя по имени Хузейма бен Хазим с отрядом до двух тысяч воинов. Этот новый правитель Хузейма, заставив прорыть канаву из реки Рубаса, провел воду на дербентские земли, дал развести ниже этой канавы сады, огороды, пашни и построить мельницы. Даже Гарун-аль-Рашид сам приехал в Дербент и, пробыв здесь до семи месяцев, обсуждал необходимые мероприятия и потом вернулся в Багдад. По преданию рассказывают, что с ним в эту поездку прибыла сюда его жена Зубейда, дочь

Абу Джафара ал-Мансура, и что в городе Дербенте умерло двое сыновей Рашида и они похоронены на северной стороне от ворот Кирхлярского кладбища на площадке, окруженной каменной стеной, и называемой в настоящее время „местом молитвы“. Рассказывают, что Рашид в 180 году Гиджры, в 797 христ. эры, послал в Дербент правителя по имени Хафеа бен Амр.

Примечание. Автор Гулистан-Ирем, покойный Абас-Кули-Ага, заимствуя из истории Катиб-Челеби, пишет в своей книге, что в 180 (797) году хазарские войска, совершив набег, покорили Дагестан, Дербент и другие страны до Ширвана, перебили много мусульман, причем многие лица, принявшие было ислам, снова стали отступниками, и что хазарами причинены были здешним мусульманам такие несчастья и унижения, какие никогда не постигали мусульман.

Я позволю себе сказать, что должно быть это предание верно, так-как, если бы такое событие совершилось, и хазары бы, завоевав Дагестан, Дербент и даже Ширван, смогли набивать мусульман и делать их ренегатами, то в этих краях они бы разрушили все мечети и минареты, построенные здесь до того времени мусульманами, подобно тому, как арабы, придя сюда, совершенно разрушили бывшие здесь до того времени мошетьи различных религий и никакого следа их не оставили. Кроме того, они упразднили бы должности правителей, назначенных здесь Абумуслимом, — Шамхала, Удмня, Майсума и Кадиев и из них здесь никого не оставили бы. Между тем, здесь до сих пор остались в разных местах мечети и минареты, построенные в эпоху Абумуслима, а также должности тех правителей, их наследники и потомство дошли здесь до настоящего времени по наследству и путем размножения в таком состоянии, какое соответствует исламу.

Впрочем, бог лучше знает правду⁵⁹).

Историки пишут, что в 270 году Гиджры, 884 г. христианской эры, когда в сане мусульманского халифа был Мутамид-Алаллах, по его приказанию, некоторое количество доходов от месторождений нефти и соли в окрестностях Баку было назначено и передавалось мусульманскому войску, бывшему в Дербенте и в этом деле был специальный агент — некто по имени Мухаммад бен Уммар.

Кроме перечисленных, о других мероприятиях, имевших место в этих краях в дни халифов Аббасидов, или о других происшествиях ни одного сведения, занесенного на страницы истории, мы не нашли, причем теперь, по прошествии многих веков, обнаружить те события посредством словесных преданий нет возможности.

Историки пишут, что, когда халифат Аббасидов пришел в упадок и расшатанность и их вельможи и правители, наружно на словах выражая повиновение им, в сущности, каждый в своем углу основывали политически самостоятельные владения, в это время из стран Средней

Азии, из группы татар, из племени потомков некоего по имени Сельджука, названного его же именем, выступило несколько мусульманских царей, и что их власть затем дошла и до окраин Дагестана. Первым из этих царей был Тогрул-Мухаммад, сын Микаила, сына Сельджука. Когда он вступил на престол в городе Хамадане, то бывший в то время Аббасидским халифом в Багдаде Каим Биамриллах его утвердил во власти, и тот, со дня на день увеличивая свое могущество и затем, женившись на дочери того халифа, в сущности захватил бразды правления. После его смерти сын его брата султан Альп-Арслан-Мухаммад, став царем, завоевал Грузию и все персидские владения. Начало этого Сельджукского царства было в 332 году Гиджры, а по христианской эре 1040. Как происходило в их времена управление Дагестаном, никакого достоверного письменного известия мы не нашли.

Историки пишут, что в 656 году Гиджры, а христианской эры в 1258 г., Аббасидский халиф Мутасим-биллах, сын халифа Мансур-ал-Мустансир-биллаха был убит и над мусульманами власть Аббасидов пресеклась. Обстоятельства дела вкратце таковы. Вступивший на престол в китайских странах Чингисхан покорил персидские владения, отнял их у султана Алаэддина Сельджукского, а также разгромил Хорезмшаха и его сына. В это время визирь халифа Мутасим-биллаха Муид-еддин-Иб-Алками, занявшись подготовкой передачи власти от Аббасидов к почтенным потомкам Али, да облагородит аллах их лица, начал втайне переговоры с потомками Чингисхана и предложил им прийти в Багдад, перебить Аббасидов и передать халифат одному из потомков Али. Те сделали вид, что согласны на это дело и приготовились всячески хитро завладеть Багдадом. Затем Гулагу-хан, сын Тулы-хана, сына Чингисхана, в месяце мухарраме означенного года в десятый день, в двухсоттысячном войском пошел и окружил Багдад. Когда халиф, застигнутый врасплох, растерялся, визирь Иб-Алками успокоил его и сказал, что мол „я пойду и заключу мир с ними“. Затем визирь отправился, повиделся с Гулагу-ханом, условился с ним истребить всех Аббасидов, а вернувшись, сказал халифу, что мир оказался легким. „Гулагу выдаст свою дочь за сына вашего, сам присягнет вам и во власти будет вашим соправителем. И совершенно необходимо без кровопролития заключить мир на этих условиях“. В общем, визирь таким образом обманул халифа и всех его придворных и родных, вывел их из Багдада и повел к Гулагу-хану. Гулагу сначала встретил халифа с почетом, потом пригласил с его

родными и придворными на обед и подобающим угощением привел их в хорошее настроение. Потом под предлогом разговора наедине, он повел халифа и его сына в другое внутреннее помещение и дал их убить. Также предал он смерти бывших там вельмож мусульманских, уводя по очереди со словами: „вас халиф зовет вовнутрь“. Затем, приказав поспешно соорудить мост через Тигр, он ввел в Багдад свои войска и учинил такое общее истребление мусульман, какого не наблюдалось никогда. Там Гулагу назначил правителя из своей свиты и этим доказал, что его соглашение с визирем было хитрой ложью.

Историки пишут, что Гулагу не спешил убивать там визиря Иб-Алками. Он лишь арестовал его там и в течение двух лет держал для унижения в тюрьме, а потом убил. Впрочем, аллах знает.

Историки пишут, что Гулагу-хан сделал своей столицей Тавриз, и что границы государства он довел до Сирии, Дербента и Дагестана. По его смерти в 663 году Гиджры, а по христианской эре в 1265, власть перешла к его сыну Ибак-Хану⁶⁰). По смерти этого Ибак-хана власть перешла к его брату Никудару, сыну Гулагу-Хана. Этот Никудар-хан был первым из их рода, принявшим ислам, причем, он был назван Ахмедом, и приобрел известность под именем султана Ахмед-хана.

Глава 2-я.

О событиях в Дагестане после появления Тамерлана и до появления в этой стране войск Турции и Сефевидской Кизилбашской империи.

Так-как в сущности наше желание заключается в том, чтобы изложить из событий в Дагестане то, что свидетельствуется историей или стало достоверным из преданий, то мы не могли выяснить, как управлялся Дагестан в период царствования Чингизидов. Оказывается возможным изложить лишь некоторые события, связанные с правителем Тамерланом⁶¹). Этот правитель Тимур, сын правителя Туракая, бывшего в составе правителей Чингисхана, стал под конец очень могущественным царем. Родившись в 736 году Гиджры, по христианской эре в 1335 году, он выступил в 771 году Гиджры, по христианской эре в 1369 году, и умер в 808 году Гиджры, по христианской эре в 1405 году. Столицей его был город Самарканд. О нем один царь сложил следующее стихотворение:

Властитель Тимур, коему не было равного шаха,
Появился на свет в семьсот тридцать шестом,
Выступил в семьсот семьдесят первом,

Покинул мир в восемьсот восьмом.
Другой сложил такой стих:
Он носил имя Тимур, т. е. железо.
Кто порастет до него в злодеяниях?

Этого царя дагестанцы называют хромой Тимур. Из его деяний в сборнике Лоулетшаха⁶²) и в Гюлистан-Ирем приводится между прочим, что, когда он после завоевания Грузии совершил поход в Ширван, бывший в то время правителем Ширвана некто Ибрагим, вынужденный обстоятельствами, устроил ему почетный прием, выстунив со своей свитой на встречу царю. Тимур-шах дал этому Ибрагиму титул Ширваншаха и утвердил его в тамошних его владениях. Пробыв в тех краях значительное время, Тимур со своим войском двинулся в сторону Дагестана.

В 797 году Гиджры, соответствующем христианскому 1394 году, весной вступив в Дербент и завоевав эти края, он двинулся отсюда в страны при Тереке, а с ним было такое организованное и многочисленное войско, какого не наблюдалось раньше того никогда. Оттуда он отправился на Астрахань и Российские владения и, одержав в разных местах победы, снова вернулся в Дагестан через черкесские земли, причем, во всех попутных местах выявлял жестокость и насилие над обществами и племенами, не выражавшими ему повиновения и разорил их укрепления и селения. Автор Гюлистан-Ирем пишет, что царь Тимур, покорив группу кумыков, живших между реками Тереком и Сулаком, вторгся отсюда в Чечню и разгромил бывший там город Алмак, имевший семь—восемь тысяч домов. Оттуда он направил свои войска на Салатавию через горы; по дороге, которая теперь называется Тимуршахской, разрушил с бою укрепления, бывшие в местностях под названиями Берктау, Алхастау, Чопантау и Батлук; оставшихся в живых из их жителей выселил в другие места. В частности, поселив большинство их на место теперешнего селения под названием Чиркей.—он основал это селение, так как там до тех пор селения не было, а место это было пустое, известное под названием Чиркаб.

Историки пишут, что царь Тимур при своем возвращении в Дагестан, переправился через Койсу и напал на город с населением в семь-восемь тысяч домов, стоявший на месте селения, теперь называемого Кадар. Но так-как местность того города была недоступной, а его население было искусным в войне, то Тимур не мог его взять, но схитрил, сделав вид переговоров о мире, и обманул тамошних старейшин. Он предпринял действия, как будто

посылает им в подарок товары в сундуках, а в сундуки посадил вооруженных людей, причем, когда их кое-как переправили через городские ворота, те изнутри открыли дорогу бывшим снаружи, а те снаружи вторглись внутрь, завладели городом и тотчас же разрушили и разгромили город и перебили его население. После того город этот, не приходя в прежнее состояние, превратился в небольшое селение.

Пишут также, что когда Тимур-шах воевал с бывшим в тех краях кумыкским населением, один из вождей кумыкского племени по имени Губден, бывший кривым на один глаз, был осажден со своим отрядом и, не найдя другого выхода из беды, известил шаха, что мол „я тебя самого хочу видеть“. В виду этого Тимур-шах послал ему ответ, чтобы этот вождь Губден пришел и повидал его. Тогда Губден сел верхом на быка и, прибыв к шаху, сказал в форме шутки, что, мол, „я кривой имею тебе хромому задать один вопрос: что мы за люди, и что из себя представляют наши владения и наше богатство, чтобы такому завоевателю и могущественному царю, как ты, подобало, придя сюда, переносить лишения и воевать с нами? И что именно ты можешь пожелать от нас получить?“. Тимур-шаху понравились его слова. Он его одарил, отряд его пощадил, даже самого его сделал владельцем всех земель и угодий, приуроченных теперь к селению Губден, заставил там основать это селение и поселил его там. И селение то названо его именем. Остающиеся там теперь неродовитые беки относятся по происхождению к потомкам того Губдена. Также и неродовитые беки теперешнего селения Карабудагкент относятся к потомкам того же лица по имени Губден.

Из следов пребывания Тимура в Дагестане и рассказов о нем заслуживает внимания между прочим то, что в Терекемейском магале есть холмы, которые, проходя по землям Утамыша и простираясь под селением Буйнак и мимо Тарки, доходят до места, называемого Тимур-кою⁶³), а оттуда продолжают далее, а именно в сторону Эндери. И молва, как бы называя эти холмы именем Тимура, гласит, что их соорудил из земли Тимур-шах, когда проходил в тех местах с войсками туда и обратно. В общем после такой прогулки по Дагестану Тимур в 798 Гиджри, 1395 христианской эры, отправился из Дербента в Ширван, а оттуда в Грузию и Персию и больше не имел случая вернуться в эти края.

Историки пишут, что Тимур-шах, как бы жестоко ни карал сопротивлявшихся и воевавших с ним, однако, не

отказывал в должной справедливости и снисходительности покорному и послушному населению. Он завоевал более четверти населенной территории земного шара, включая владения Индии, Кашгара, Китая, Сирии и Египта, взял в плен из османских султанов Илдиirim-Баязида и оказывал милость и почет таким суннитским ученым своего века, как сеид Шериф Джорджани и Садеддин Тафтазани.

Рассказывают, что почтенный шейх великий Хафиз Ширазский был вызван к Тимур-шаху, который сказал ему:

„Ты в своих стихах говоришь:

„Если бы та ширазская турчанка полюбила меня,
За родинку на ее щеке я подарил бы и Самарканд
и Бухару“.

„Как же это так? Я силой меча покорил больше четверти населенной земли, разрушил несколько тысяч крепостей, обстроил свою столицу Самарканд и мать городов Бухару, а ты такие большие города даришь за родинку на щеке какой-то возлюбленной жительницы Шираза“.

Тогда почтенный старец Хафиз, указав на бывшую на нем грубую, заплатанную одежду, доложил шаху:

„Вот именно такие неуместные⁶⁴) подарки должны были довести меня до этого несчастного состояния одетого в лохмотья“...

Шаху понравились его ответы и он оказал ему подобающую милость и уважение.

Впрочем, аллах лучше знает правду. ✓

Глава 3-ья.

О событиях после начала возникновения Сефевидской Кизилбашской державы и появления турецких войск в Дагестане до первого появления здесь русских войск.

Историки пишут, что в 851 году Гиджры, соответствующему 1447 христианской эры, некий ученый благочестивец по имени Шейх-Джунейд, который теперь похоронен в селении Хазри⁶⁵), выступил из города Ардебилля с некоторым числом своих мюридов и учеников, перешел через Ширван и направился сюда. С ним было до тысячи человек последователей. Собственно Шейх Джунейд объявил, что он отправится в страну черкесов воевать за веру, но тогдашний ширваншах Султан-Халил, боясь, что, если Шейх-Джунейд в Дагестане приобретет силу и власть, то и Ширванская область также перейдет к нему, послал в Дагестан своих людей и подготовил табасаранцев и др.

гих, чтобы они вступили в войну с Шейх-Джунейтом и не дали дороги гуда.

Тогда в Кюринском округе около селения Гапца, на левом берегу реки Самура, дагестанцы перерезали дорогу Шейх-Джунейду, сразились с ним и убили его там, при чем оставшиеся в живых из его последователей и учеников перенесли его тело через Самур на Кубинскую сторону и похоронили в селении, теперь называемом Хаэри.

Этот Шейх-Джунейд происходил из потомков Имама Мусы Казима, да будет благословение и благоденствие над его предками и потомками, из рода шейха Сефиюддина. Когда в Ардебиле около него стало группироваться население и тамошний правитель того времени Кара-Коюнлу Джихан-шах, заподозрив его, что он отнимает у него власть, стал мешать ему и притеснять его, упомянутый шейх двинулся сюда, но здесь встретил еще большее сопротивление.

Историки также пишут, что сын того шейх Джунейда, шейх-Гайдар, подобно своему отцу, увеличив число своих мюридов и вооруженных людей, тайно еговорился с ними, чтобы они в назначенное им для них время собрались и захватили власть. Шейх Гайдар велел своим приверженцам для узнавания друг друга изготовить из красного сукна однообразные уборы для головы, вроде папахи, с тем, чтобы на них было двенадцать знаков, как указание на то, что они приверженцы двенадцати имамов. Относительно этого нововведения Шейх-Гайдар объявил, что он во сне получил такой приказ свыше. Бывшему во время этих его действий в Ардебиле царем, его двоюродному брату со стороны матери, Аккоюнлу султану Якубу это не понравилось, и когда последний стал ему мешать, Шейх-Гайдар со своими приверженцами из Ардебилля двинулся в Нухинский уезд, а оттуда направился в Дербентский район. Его приверженцы и сам он по причине красных головных уборов получили прозвище Кизилбаг⁶⁶). Когда Шейх-Гайдар с большими вооруженными силами подошел к Дербенту, население Дербента не пустило их и между сторонами произошли сражения. Потом дербентцы были осаждены и попросили помощи от Ширваншаха. Но шах Ширвана по имени Ферухсияр, сообщив об этих обстоятельствах Ардебильскому шаху Султану Якубу, попросил помощи с его стороны, и Султан Якуб выслал из Ардебилля в Ширван четыре тысячи всадников под командой Сулейман-бека Биджен-оглы. Шах Ширвана спешно выслал с ними в помощь дербентцам также и с своей стороны немного войска. Когда эти подошли, то снаружи эти, а изнутри дербентцы

повели атаку на Шейх-Гайдара и его приверженцев, разбили и рассеяли их. С обеих сторон пало много людей, при чем Шейх-Гайдар, бежавший с уцелевшими приверженцами из под Дербента в сторону Табасарани, был убит на левом берегу реки Рубаса в местности, называемой теперь Шейх-Гайдаром. Тело его было похоронено в селении Тинит, стоящем примерно на один фарсах⁶⁷) выше оттуда. Это событие произошло в 895 году Гиджры, а христианской эры в 1189.

Историки пишут, что, когда после этого случая с Шейх-Гайдаром прошло около двадцати лет, и шах Исмаил Сефевидский вторично прибыл в Ширван, то он велел перевести тело Шейх-Гайдара из Тинитской его могилы, а там лишь для обозначения места погребения остались склеп и надстройка, но что в могиле ничего не осталось из его тела. Впрочем, бог лучше знает.

Предание гласит, что сыновья упомянутого шейх-Гайдара, по именам Султанали, Исмаил и Ибрагим, остались в Ардебиле, что из них старший по имени Султанали, подобно своему отцу, начал собирать вооруженные силы, и что вышеупомянутый Султан-Якуб заключил их всех под арест в крепость Истахар вместе с их матерью, которая была сестрой Султана-Якуба, а после пребывания там в тюрьме в течение четырех с половиной лет, они были освобождены и вернулись в Ардебиль. Но через некоторое время, когда Султанали здесь занялся собиранием мюридов, Ардебильский шах, найдя это дело предосудительным, выслал Султанали и его братьев в Тавриз и распорядился, чтобы там за ними наблюдали. Когда же и в Тавризе около них стали собираться мюриды, Тавризский правитель, по имени Рустем-Мирза, захотел распустить их отряд. Тогда Султанали, взяв тех двух братьев своих, бежал из Тавриза с мюридами в числе до семисот человек в сторону Ардебилля. В погоню за ними Рустем-Мирза послал одного военачальника по имени Абия-Султан с четырехтысячным войском. Это войско настигло отряд Султанали в местности близ Ардебилля, где между сторонами произошел жестокий бой, при чем Султанали был там убит, а оставшиеся были рассеяны. Тогда некоторые из мюридов Султанали дали возможность его младшим братьям Исмаилу и Ибрагиму бежать оттуда и, после того, как в течение сорока дней скрывали их в Ардебиле, наконец тайком отвезли их оттуда в город Гилян. Называвшийся Исмаилом был в то время шестилетним мальчиком. Впоследствии Исмаил, выросши в тех краях, начал осуществлять завет своих отцов и собирать мюридов. Но собрав там немного людей и прибыв с ними в Ардебиль,

он не мог здесь ничего сделать и двинулся отсюда в Талыш. Одну зиму он оставался в Талыше, оттуда снова поехал в Ардебиль, оттуда двинулся в Карабах, и здесь у него собралось много войска. С ним Исмаил двинулся в Ширван, и тогдашний шах Ширвана Ферухсияр, собрав до двадцати тысяч человек населения Ширвана, выступил войной против того повстанца, причем после большого сражения между двумя партиями выше Шемахи, в местности, называемой Киз-Каласи ⁽⁶⁸⁾, ширванцы были побеждены. Ферухсияр со своими главными военачальниками был там убит, а его сын Ибрагим-ших шах бежал из Ширвана к морскому берегу, а оттуда на судне спасся в Гилянское владение. Покорив Ширван и завладев тамошними шахскими ценностями и сокровищами, Исмаил оттуда двинулся на Баку. Бакинское население, пробыв немного времени в осаде, наконец, покорилось ему, и Исмаил отсюда также собрал много ценностей и имущества. Затем отсюда двинувшись в сторону Ирана и везде одерживая победы, Исмаил покорил те края и, сделав город Тавриз столицей, сел там на престол и стал шахом Исмаилом. Дата его воцарения 911 Гиджры и 1505 христианской эры.

В 930 году Гиджры Исмаил-шах умер, и на Иранский престол вступил его сын Шах Тамасп первый. По приказанию этого шаха на могиле их предка Шейх Джунейда, похороненного в селении Хазри, построены склеп, около него мечеть, как место молитвы для мусульман, и кельи. В 984 году Гиджры, в 1576 г. христианской эры Шах Тамасп первый умер, и власть досталась его сыну шаху Исмаилу второму, и когда и этот умер, и власть перешла к его брату Султану Мухаммеду Худа-бенде, то в Дагестанской стране произошло одно новое событие.

А именно: население Ширвана, будучи обижено различного рода притеснениями и угнетением со стороны Сефевидского государства, решило сбросить с этой провинции Сефевидскую Кизилбашскую власть и поставить ее под защиту высокой Оттоманской державы. С этой целью Абубекр-Мирза Бурган-Мирза оглы, происходивший из рода Ширваншахов, спасшись перед тем от кизилбашцев бегством в числе других лиц, и проживая в Дагестане, познакомился с местными старейшинами и вождями и просил их оказать помощь населению Ширвана, когда оно захочет поднять восстание против Сефевидской державы. Дагестанские старейшины дали Абубекр-Мирзе в этом деле обещание. Абубекр-Мирза отправился даже в земли черкесов и таким же образом привлек тамошних старейшин к своему предприятию. Кроме того, из влиятельных жителей Шир-

вана несколько человек отправилось в Стамбул, доложили о своих планах Султану Мурад-Хану и просили у него помощи, вследствие чего его величество с своей стороны назначил в Ширван Лала-Мустафа-Папу со стотысячным войском. С одной стороны до трех тысяч вооруженных лезгин с Абубекр-Мирзой и население Ширвана, соединившись, напали на агентов Сефевидской власти и их войско, а с другой стороны подоспел Лала-Мустафа-Паша, и в результате после многих битв Ширван и Грузия, включая Тифлисский и Нухинский уезды, оказались присоединенными к владениям Оттоманской державы. Затем, когда Лала-Паша, состоя временно в должности верховного правителя Ширвана, назначил местных правителей в каждое из тех владений и сделал необходимые распоряжения, все старейшины и правители Дагестана подчинились ему, причем некоторые, лично отправившись туда, а другие, отправив своих послов с письмами, связались с тем пашой узами единения.

Между тем, один из агентов Сефевидской державы, бывший правитель Нухинского уезда, Иса-хан спасся бегством отсюда в Персию. Также спасся бегством бывший бейлярбеком в Ширване со стороны Персии — Арасхан. В результате все земли по сию сторону реки Куры были полностью покорены Турцией.

Лала-Мустафа-Паша, осуществив необходимые мероприятия в Ширване и укрепив Шемахинскую, Арешскую и Бакинскую цитадели, поставил в Ширване на должность бейлярбека Абубекр-Мирзу, при нем оставил немного турецкого войска, а сам вернулся в сторону Малой Азии.

Затем персидский шах Султан Магомед Худа-бенде, узнав, что Лала-Паша ушел отсюда и что в Ширване при Абубекр-Мирзе из турок осталось немного войска с Осман-Пашой, сделал распоряжение своему сыну, наследнику престола, Гамза-Мирзе, переправиться с войском через Куру и завладеть Ширваном. Когда этот Гамза-Мирза прибыл в Карабаг, бывший персидский бейлярбек Ширвана Арасхан, который перед тем спасся бегством из Ширвана на ту сторону и стоял на берегу Куры со своими приверженцами и правителями, коих мог собрать, не ожидая принца, решил до его прибытия отправиться и восстановить в Ширване свою прежнюю власть. С этим намерением Арасхан со своим отрядом осадил Шемаху и запер там турецкое войско, а также Осман-Папу, Абубекр-Мирзу и других.

Султан Мурад-Хан, отправляя сюда Лала-Мустафа-Папу, предложил также крымскому губернатору Магомеду Гирей-Хану, чтобы он отправил в Ширван через Дагестан

своего брата с таким отрядом, какой только может послать, дабы в нужный момент вступить в бой с персидским войском. В этом отношении Магомед-Гирейханом дано было обещание и его войско выступило оттуда и находилось в пути в эти края, причем оставшийся в Ширване Паша Осман, благодаря переписке, знал, когда именно крымское войско прибудет туда. Полагаясь на эти сведения, Осман Паша в соответствующий день сделал вылазку с бывшим в Шемахинской цитадели войском и вступил в бой с Арасханом. Когда с обеих сторон побоище дошло до разгара, вдруг прибыл туда брат крымского правителя Адиль-Гирей-Султан с двадцатитысячным крымским войском и с лезгинами, присоединившимися к ним из дагестанцев, и вот они с двух сторон окружили Арасхана и его сторонников и перебили их. Лишь немногие лица из персидских сторонников спаслись там едва живы, бежали оттуда и переправились через Куру на ту сторону.

Между тем Осман Паша после гибели Арасхана вернулся в Шемахинскую цитадель с оставшимся при нем турецким отрядом, а Адиль-Гирей-Султан, Абубекр-Мирза со своими отрядами, а также бывшие там лезгины решили отправиться на берег Куры и разграбить лагерь, в котором раньше стоял Арасхан, так-как там было собрано много имущества и ценностей. С этой целью они двинулись туда, а принц Гамза-Мирза, получив известие об этом, распорядился, чтобы Талышинские правители со своими отрядами немедленно позаботились защитить тот лагерь и чтобы они разрушили мост, возведенный ими на Куру. Но Адиль-Гирей-Султан и Абубекр-Мирза с частью своих отрядов, дойдя до реки Куры и видя, что мост снят, вехали на лошадях в реку и с трудом переправились на ту сторону, после чего охранявшие на той стороне лагерь бежали и рассеялись, а эти разграбили все собранное там имущество и снаряжение и даже взяли в плен персидских женщин и детей, которые не могли бежать и оставались там. Затем они направились к удобному броду, переправились обратно через реку и двинулись в Ширван с багажом, имуществом, женщинами и детьми.

Между тем со стороны принца Гамза-Мирзы двинулись в Ширван и пришли туда по другой дороге визирь Мирза-Салман-хан и другие командиры с войском. Они, узнав, что Адиль-Гирей-Султан и Абубекр-Мирза ездили на грабеж и возвращаются, предприняли в этом отношении меры, чтобы, назначив часть своих войск для осады Шемахинской цитадели, с остальными силами организовать на-

падение на возвращавшихся из набега. Сделав такие распоряжения, Мирза-Салман-Хан с большими силами двинулся навстречу возвращавшимся из набега Адиль-Гирей-Султану и Абубекр-Мирзе и встретился с ними на берегу Аксу в местности, именуемой „поселок Молла-Гасана“, где и произошло между ними сильное сражение. Здесь Адиль-Гирей-Султан, будучи ранен острием копья, упал с лошади и кизилбали взяли его в плен, а все бывшие здесь крымские войска, лезгины и прочие бежали и рассеялись, причем взятое ими в набеge имущество и снаряжение персы отняли у них с избытком. Даже Осман-Паша, взяв с собой оставшийся при нем в Шемахинской цитадели турецкий отряд, двинулся оттуда в сторону Дербента. Персидский отряд, пустившийся преследовать его, отбил кое-что из его артиллерии и обоза, но не мог настичь ни его, ни отряда, так-как лезгины быстро привели их к Дербенту по безопасной дороге. Спасшиеся бегством крымцы также пришли в Дербент и отсюда возвратились в Крым.

Персы сначала как будто решили держать попавшего к ним в плен Адиль-Гирей-Султана под охраной в соответствующем помещении, но потом убили его под предлогом, будто ему было предложено перебраться в другое помещение, а он не принял этого предложения и начал спорить.

Абубекр-Мирза после сражения бежал в Ширван, оттуда в Нухинский уезд и там также не отказался от собиранья около себя лезгин. Таким образом вся территория Ширвана снова подпала под власть Персидской державы, причем со стороны шаха Султан-Магомеда Худабенде правителем этой территории был назначен некто по имени Магомед-Кули-Халифа и было там поставлено персидское войско.

Крымский правитель Магомед-Гирей-Хан, получив известие, что его брат попал в руки персов, и что они держат его под охраной, написал письмо персидскому шаху и с подобающими подарками послал к нему людей своих, с которыми отправилась сюда также и мать Адиль-Гирей-Султана с целью по прибытии в Ширван повидать своего сына. Но когда они прибыли в Дагестан и достигли подвластного Шамхалу селения Кумык, то узнали достоверно, что Адиль-Гирей убит и что нет смысла ехать дальше. Когда при этих условиях они стояли в том селении несколько дней, собираясь оттуда вернуться обратно, общество этого селения отобрало у них взятые для шаха подарки и другие их вещи и обидело их. На это они принесли жалобу Шамхалу и в ожидании получения от него

окончательного ответа оставались там, причем мать их хана умерла в этом селении Кумык и была там похоронена. Могила ее находится в местности, теперь называемой „Татар-син“. Так как эта пленница по причине нанесенной ей такой обиды назвала это селение Кафир⁶⁹) Кумык, то Шамхал и другие дагестанцы, найдя также это имя для них подходящим, дали наименование Кафир-Кумык, и это имя осталось за ними и до настоящего времени.

После этого происшествия, со стороны султана Мурад-Хана снова последовало распоряжение Крымскому правителю, и отсюда снова выступили в поход братья Адиль-Гирей-Султан Гази-Гирей-Султан и Сафи-Гирей-Султан с крымским войском в направлении Дагестана, чтобы идти на Ширван. Вместе с тем султаном Мурад-Ханом было приказано вышеупомянутому Лала-Мустафа-Паше предпринять поход в Ширван. И также Осман-Паша, прибывший в Дербент, с этой стороны собрал Дагестанских старейшин и их войска для этой же цели. Также и Абубекр-Мирза организовал отряд из жителей Нухинского уезда и из Джарских лезгин. Между тем, для защиты Ширвана визирь Мирза-Салман-Хан с персидскими отрядами двинулся в Шупинский уезд, но до его прибытия Ширванский правитель Магомед-Кули-Халифа, услышав, что со стороны Дербента идут крымские и лезгинские отряды, поспешил со своим войском им на встречу с целью дать сражение. Встреча обеих групп была на правом берегу реки Самура и между ними произошел беспримерный бой. (Здесь Магомед-Кули-Халифа и большинство его войска были убиты, а их имущество и обоз перешли к татарам и лезгинам. Из персидского отряда воины, сумевшие бежать, бежали в Ширван и спаслись. Затем лезгины, наполнившие свои вьюки добычей, услышав, что с той стороны в Ширван идет с Мирза-Салманом свежее персидское войско, побоялись и не пошли туда, и большинство их вернулось по домам. Султаны⁷⁰) Гази-Гирей и Сафи-Гирей с частью своих отрядов расположились в городе Дербенте при Осман-паше, а также многие из жителей Ширвана пришли к нему и расположились с ним в городе Дербенте, а Абубекр-Мирза со своим отрядом расположился в селении Хачмаз. Мирза-Салман-Хан, вступив в город Шемаху, убедился, что там не осталось ни Магомед-Кули-Халифы, ни его приверженцев, и что его войска погибли. С другой стороны он увидел, что Ширванское население помогает его врагам, что со стороны Дербента подготавливается большое войско, и что в отношении провизии в

Ширване голод и безмерно высокие цены. Принимая во внимание эти обстоятельства, он взял бывшее с ним войско и все бывшие в Ширване предметы снабжения, вернулся в Тавриз и о происшедшем доложил Шаху.

Затем Шах вновь собрал и организовал войска и сам отправился на берег Куры, где в местности под названием Хамашере на берегу Куры было сосредоточено очень большое войско, стоявшее там в ожидании дальнейшего увеличения снаряжения. Вместе с тем и со стороны Дербента султаны Гази-Гирей и Сафи-Гирей с татарами и лезгинами вступили в Ширван, прошли его, достигли берега Куры, а там, переправившись на другую сторону реки Куры, напали на персидское войско и в один очень дождливый и грязный день обратили в бегство и рассеяли это войско, причем разграбили много имущества и груза и при содействии населения Ширвана переправились через Куру по безопасному броду, перешли на эту сторону и вернулись в Ширван. Персидские войска, рассеявшиеся после этого события, вновь собрались и некоторое время стояли там в местности под названием Кизил-Агач, а тем временем из Дербента Осман-Паша с бывшим при нем турецким войском прибыл в Шемахинскую цитадель, часть войска оставил здесь, а часть послал в Бакинскую крепость для ее укрепления.

Далее, когда визирь Мирза-Салман-Хан с бесчисленным войском двинулся на Шемаху, Осман-Паша и крымские султаны со своими отрядами выступили им на встречу в местность, называвшуюся поселком Молла-Гасан, но увидели, что на этот раз на стороне персов значительное превосходство сил. Поэтому вернувшись оттуда, Осман-Паша и крымские султаны не задержались в Шемахе, а поспешили в Дербент. Мирза-Салман-Хан без боя овладел Шемахой; оттуда двинулся на Бакинскую крепость и держал эту крепость в осаде в течение восемнадцати дней. Однако, когда взять ее не удалось, Мирза-Салман-Хан оставил ее в покое, вернулся с войсками обратно в Ширван и видя, что войско очутится в тяжелом положении в отношении продовольствия, перебрался оттуда в Карабаг. В Карабаге он собрал тех, кто выражал верность Персидской державе из Каджарской группы и из других племен и родов, и возложил на них обязанность защиты Ширвана, причем управление Ширваном он поручил беглярбеку Карабага Каджару Имам-Кули Зияд-Оглы. Этот беглярбек, волей или неволей приняв эту должность, переехал в Шемаху вместе с назначенными состоять при нем правителями и их отрядами.

Получив эту весть, Осман-Паша и крымские султаны Гази-Гирей и Сафи-Гирей, с бывшими при них войсками, двинулись в Ширван, при чем, со стороны Иман-Кули-хана были против них высланы Пейкяр-Хан и остальные вожди племен Каджар, Чакярлу, Кирманлу и других. Они встретились с Осман-Пашой и крымскими султанами между Шемахой и Шабраном. Между ними произошел ожесточенный бой, при чем Гази-Гирей-Султан в пылу битвы упал с лошади и попал в плен к персам, а Сафи-Гирей-Султан спасся бегством. Гази-Гирей-Султана персы отправили оттуда в крепость Аламут, которая находится между Казвином и Гилянском и содержали там до 997 года Гиждры, 1588 христианской эры, когда он был освобожден, выслан в Турцию и оттуда вернулся в Крым.

Осман-Паша вернулся в Дербент и стал там выжидать прибытия нового войска и резервов. Лишь в 991 году Гиждры, 1583 христианской эры, из Дербента двинулись в Ширван прибывшие в Дербент из Турции новые турецкие войска во главе с Осман-Пашой, Джафар-Пашой, Гайдер-Пашой, Шамсидеем и Пияла-беем и присоединившиеся к ним дагестанские старейшины со своими отрядами.

Против них со стороны персов выступили с войском Имам-Кули-Хан Каджар, командир вспомогательного отряда Карадаглы и другие. Обе армии встретились недалеко от реки Самура, в местности под названием Паласа, при чем, как только битва началась, персы были разбиты. Имам-Кули-Хан Каджар и другие персидские военачальники были там убиты, а остатки вооруженных сил бежали оттуда, и, не задерживаясь в Ширване, вернулись в Иран. Территория Ширвана совершенно очистилась от персидских отрядов, а Осман-паша со своими товарищами отправился в Шемаху и занялся мероприятиями по ее укреплению. Таким образом, Ширван, Куба, Дербент и Дагестан целиком подпали под протекторат Османской империи.

Между тем упомянутый выше Абубекр-Мирза, вследствие невнимания к нему со стороны турок, восстал против них и послал своего сына Бурган-Али-Мирзу в Персию для выражения своей верности этой державе. В это время шах Султан Магомед-Худа-бедне, отрекшись от власти, уже передал ее своему сыну Шаху Аббасу Первому. Этим шахом даны были Абубекр-Мирзе обещания, в виду чего Абубекр-Мирза с нухинцем по имени Шах-Мир Хан старался среди дагестанцев найти верных сторонников Персии, которые бы, изменив Турции, восстали против нее. И вот, в 1010 году Гиждры, 1601 году христ. эры, они нашли себе сторонников и товарищей из

Кюринского округа, из Табасарани и прочих районов Дагестана и собрали их в Кубинском уезде в местности Паласа, около селения Агбал. Тогда Ширванский губернатор Ахмед-паша прибыл туда со своим войском и между ними произошла битва, в которой сторонники Абубекр-Мирзы и Шах-Мир-Хана были побеждены и рассеялись. Шах-Мир-Хан оттуда бежал в Нухинский уезд, а оттуда перебрался в Иран. А куда ушел Абубекр-Мирза после бегства оттуда и что с ним стало, неизвестно, и он исчез бесследно. Потом губернатор Ахмед-паша опустошил Кубу⁷¹⁾, велел построить крепость в сел. Кусары и поставил там гарнизон.

Изложенные выше события заимствованы из Гюлистан-Ирем.

Замечательное известие.

(В 986 году Гиждры, 1577 году христ. эры, в селении Буйнак, по смерти Дагестанского шамхала Чопан-Шамхала осталось пять сыновей его, а именно: Эльдар, Магомед, Андия и Гирей, коих мать была дочерью Султан-Ахмеда Уцмиева, и пятый сын по имени Султанмут, мать коего не была бекшей. Так вот первые четыре брата обездолили пятого, Султанмута, не дав ему части отцовского владения, так-как его мать мол не бекша. Обозлившись по этой причине на братьев, Султанмут отправился во владения черкесов и через некоторое время пришел оттуда с войском против своих братьев. Те, убедившись в его силе, пожелали помириться с ним и дали ему из наследственных владений земли, принадлежавшие Чопан-Шамхалу, только между Сулаком и Тереком, а также окраины Чеченского магала и Салатавский магал, вплоть до границ Гумбетовского магала. Султанмут поселился в селении Чир-Юрте, взял под свою власть те земли и население и основал для себя управление отдельно от других братьев.)

Перечень нововведений правителя Султан-Ахмеда, уцмий Кайтагского.

Автор Гюлистан-Ирем, покойный Абас-Кули-Ага в своей книге пишет, что вышеупомянутый порядок, при котором те из бекских детей, коих мать не бекша, не получают наследства из имущества отца, противоречит справедливости и лишь установлен в Дагестане уцмием Султан-Ахмедом, так как он в делах мирских и в управлении населением был опытен и ловок и в соответствии с обстоятельствами⁷²⁾ установил несколько подобных нововведений, чем и выделился из ряда остальных уцмиев. Эти нововведения составляют:

1) Прежде всего тот самый порядок, чтобы сын бека, если его мать не бекша, не был равноправен с детьми, матери коих бекши, а именно, чтобы ему не давать из отцовского наследства доли управления, владения и прав над раятами, а также, чтобы в имущественном наследовании он не был приравнен к тем.

2) Он велел записать обычаи и распоряжения, одобренные прежними уцмьями и касающиеся управления делами населения и передал копию сборника главному кадию магала, чтобы в судах решали народные дела, руководствуясь таковым (это большая дерзость).

3) Место, где теперь находится селение Маджалис, было пустопорожним. Лишь жители окрестных селений во время совещаний собирались там и устраивали заседания совета, а потом расходились по домам. Этот уцмий велел основать там селение и наименовал его Маджалис⁷³).

4) Земли, теперь находящиеся во владении селений Теркемейского магала, все принадлежали обществам селений Урчамиль и Башлы⁷⁴). Они за те земли повинностей не платили, но уцмий наложил на эти земли повинности и послал своего сына по имени Хан-Магомед взимать за них налоги с баплинцев и жителей Урчамиль. Однако общество ссл. Урчамиль выказало презрение этому Хан-Магомеду и не послушалось его, а Хан-Магомед отправился к шамхалу, приходившемуся ему дядей по матери, взял у него помощь и убил одного старшину из Урчамильцев. После этого значительное время спустя уцмий под каким-то предлогом собрал старшин того общества и перебил их, земли те отнял и обратил в свое владение, а позднее там были поселены жители из населения Ширванского Теркеме и возникли селения. Упомянутый уцмий Султан-Ахмед умер после того, как еще при жизни в 996 году Гиджры, 1587 году христ. эры, вручил власть уцмья сыну своему Хан-Магомеду.

Глава 4-я.

О событиях после первого появления в Дагестане войск Российской империи до первого их ухода отсюда.

Когда хазарская группа, со времени первого появления ислама нападавшая на дагестанцев с севера, нашла себе врагов в лице русского народа и других племен и когда, вследствие многочисленных войн и периодических переворотов, хазары стали слабыми и их власть в Приволжских краях постепенно ликвидировалась и исчезла, то с той стороны появились другие враги, предпринимавшие завоева-

тельные походы в сторону Дагестана, в том числе и Российская держава. В 1002 году Гиджры, 1593 христ. эры, русский царь Федор Иванович послал в Дагестан свои войска. Это событие, судя по обстоятельствам, изложенным в Гюлистан-Ирем, произошло таким образом, что означенный царь, послав до тридцати тысяч русского войска, заставил построить на берегу реки Сулака город, получивший название Койсу и поселил там свое войско. Затем эти русские пожелали таким же образом поселиться в другом месте недалеко от Тарки, но тогда сыновья Чопан-Шамхала, собрав войска в Дагестане, в кумыкских и черкесских землях, помешали русским возводить здесь постройки.

Так прошло значительное время, а потом, когда престол русского царства достался Борису Федоровичу Годунову, то по его приказанию в Дагестан пришли его войска, построили в трех местах три крепости: в местности недалеко от Тарки, затем в Эндери и еще в одном месте, и поселились в них. В 1012 году Гиджры, 1603 христ. эры, упомянутый выше сын Чопан-Шамхала Султанмут, живший в Чир-Юрте, собрал из черкесских и других краев до тринадцати тысяч войска для нападения на живших в тех крепостях русских. Точно также бывший в то время в Дагестане в должности шамхала Гирей-Хан-Шамхал, бывший тоже сыном Чопан-Шамхала, собрал из дагестанцев большое войско для нападения на те крепости. Кроме того от крымских ханов на помощь им прибыло сюда войско. Когда все это союзное мусульманское войско осадило русские крепости и начало войну, русские выступили из крепости, оказали сопротивление и долгое время продолжали давать сражения. Наконец, русские согласились бросить крепости и покинуть те земли с тем, чтобы им была дана дорога спокойно выйти из крепости, вернуться в Россию. Мусульмане согласились на эти условия и успокоили русских, но когда русские, выйдя из крепостей, направились в путь, мусульмане нарушили соглашение и стали их забирать в плен. Тогда русские открыли сражение и бились, пока все не были убиты, при чем с обеих сторон много народу было убито. Между тем, часть русских подождли город Койсу и спаслись бегством оттуда, но остальные погибли у крепостей или на дорогах после выхода из них. После этого события Султанмут выехал из Чир-Юрта и поселился со своим отрядом в селении Эндери. Там он построил дом и там остались фамилии его сыновей Айдемира и Казаналипа, так что живущая там теперь группа беков составляет из потомство.

Глава 5-ая.

О событиях после ухода русских из Дагестана в первый раз до появления императора Петра Великого. Большинство этих событий составляют сказания о царе Шах-Аббасе.

После 1015 года Гиджры (1606) Персидский шах, его величество Шах-Аббас, приступил к мобилизации войск для похода в Ширван, Дербент и Дагестан и осуществил в этих краях много мероприятий. Как сообщают Гюлистан-Ирем и другие персидские хроники, Шах-Аббас обнаружил благорасположение к правителю Грузии Александр-Хану и к его сыну Константин-Мирае и склонил их на свою сторону. Александр-Хану шах пожаловал почетную корону, золотой пояс и прочие царские знаки отличия, а его сыну дал титул хана и должность бейлярбея⁷⁵) Ширванской провинции, которую предполагалось завоевать. Точно также некоторых правителей и влиятельных лиц в Карабаге и Ширване Шах-Аббас расположил к себе лаской и, таким образом, приобрел в этих краях большое влияние. Упомянутый выше правитель Грузии Александр-Хан приехал со своим сыном Константин-Ханом к Шах-Аббасу, заключил с ним союз и вернулся в Грузию, но оставшийся здесь наследник Грузинского правителя, другой его сын, Георгий-Мирза, не одобрил условий соглашения, склонил отца на свою сторону и вывел его из повиновения шаху. И они двое стали на одну сторону, а Константин-Хан стал на сторону шаха и между ними произошли большие распри до того, что Константин-хан донес шаху о положении дел, привел от него большое войско в Грузию, открыл войну против отца и другого брата и затем казнил их обоих. Сам же Константин-Хан принял ислам и стал правителем Грузии, причем Шах-Аббас оставил в его распоряжении необходимое количество персидского войска. Затем в 1015 году Гиджры, 1606 христ. эры, Константин-Хан, взяв с собой грузинское войско и бывший в его распоряжении персидский отряд в две тысячи человек, вторгся в Ширван. В это время Ширванские и Нухинские владения были под властью правителей Турецкой державы. Большинство из Ширванских и Нухинских правителей вошло в союз с Константин-Ханом и они прежде всего убили в Кабалинском магале тамошнего правителя, поставленного Турцией, Магомед-Амин-Пашу и осадили в крепости Кабала остатки бывших при нем войск. Когда на помощь им сюда двинулся бывший бейлярбеем Ширвана Махмуд-паша с бывшими при нем войсками, то Константин-Хан встретил его на берегу реки Аксу, и между ними произошло боль-

шое сражение. Персы начали было отступать, но Константин-Хан своими распоряжениями изменил положение, и войско Махмуд-паши было разбито, причем, большинство его было перебито или взято в плен, а с уцелевшим меньшинством Махмуд-Паша вернулся в Шемаху. Константин-Хан, преследуя его, приблизился к ним, но в него, т. е. Константин-Хана, попала стрела, и он, раненый, не мог дальше идти, так что Махмуд-паша с бывшим у него турецким отрядом заперся в Шемахинской цитадели. Запершиеся в крепости Кабала турки потом как-то выступили оттуда, пришли, присоединились к отряду Махмуд-паши и поселились в Шемахинской цитадели. Также и в Бакинской и Дербентской крепостях остались из турецкого войска небольшие крепостные гарнизоны, но кроме них из турецких сторонников вне крепостей не осталось никакого войска, могущего выступить против Персии и Константин-Хана. Затем Константин-Хан послал в Тавриз к шаху Аббасу голову турок, убитых в боях в Ширване и Нухинском уезде, послал попавших в плен и двенадцать отнятых знамен их и получил от него знаки отличия вроде короны и золотого пояса.

Константин-Хан, вылечившись от раны, занялся опять осадой Шемахинской цитадели и для этой цели от шаха Аббаса к нему прибыли артиллерия, войско и прочее необходимое. Но главари бывшего с ним грузинского войска, будучи недовольны им, сговорились поступить по своему, чтобы его всячески устранить от должности правителя, а правителем Грузии сделать бывшего там с ними внука Александр-Хана. По такому решению они тайно сговорились в назначенную ночь напасть на палатку Константин-Хана, убить его и потом с тем внуком вернуться в Грузию.

Причины такой степени недовольства грузин Константин-Ханом следующие: во-первых, он отрекся от своей веры и стал мусульманином, во-вторых, он не оказывал внимания лицам, пользовавшимся почетом при его предках. В третьих, близких к нему людей, с которыми он раньше каждый день виделся и советовался, теперь он считал недостойными, чтобы видеть их даже через десять дней один раз, и вообще, усвоив поведение царского величия, он внушал своим приверженцам страх.

В назначенную по заговору ночь грузины с оружием напали на палатку Константин-Хана, но хан, обнаружив их движение раньше времени, вышел сзади палатки, вбежал в находившуюся на той стороне палатку одного хана по имени Алихан и спрятался. Грузины же, обшарив палатку Константин-Хана, перебили находившихся там его слуг и

решили, что в их числе убит и сам хан, а потому, взяв с собою находившегося в лагере внука Александр-Хана, поспешно направились оттуда в Грузию. А когда Алихан скрыл хана в своей стоянке, и оттуда раздался сборный сигнал, все персидское войско собралось, причем, узнав о неврединности хана, все группы, кроме грузин, там и сям поставили наряды охраны. На утро Константин-Хан с оставшимся при нем войском отправился преследовать грузин, догнал их и хотел учинить над ними расправу, но те заявили ему, что мол ты стал мусульманином, нам нужен христианин правитель, тебя мы не хотим. В результате хан нашел неподходящим воевать с ними и вернулся в Шемаху. Между тем укрепившиеся в цитадели турки, найдя случай удобным, сделали вылазку и разграбили оставшиеся в лагере вещи и обоз Константин-Хана, а также все оставшееся там войсковое имущество. Все это они унесли в цитадель и даже в городе розыскали местных персидских кушцов и разграбили также их имущество.

Константин-Хан написал о происшедшем Шах-Аббасу, просил его помощи и долгое время ждал прихода подкреплений. Однако, видя, что приход подкреплений запаздывает, хан собрал в Шемахе от торговцев немного денег и с оставшимся у него войском двинулся в Грузию. При этом тогдашний Нухинский хан Шамир-Хан собрал из нухинцев и лезгин войско и отправился на помощь Константин-Хану. Но грузины решили не пускать к себе Константин-Хана и, выступив, жестоко сразились с ним на берегу Канык-чая. Здесь Константин-Хан был убит, причем с обеих сторон пало много людей, а уцелевшие персы частью отправились с Шамирханом в Нуху, частью же с большими лишениями пробрались в Иран.

Затем Шах-Аббас вступил с большим войском в Грузию и завладел Гянджой, Тифлисом и крепостью Туманис⁷⁶). Расположившись в Карабаге, он в 1015 г. Гиджры, 1606 христ. эры, в начале зимы отправил в Шемаху своего приближенного по имени Магомед-бек и предложил бывшим в цитадели Ахмед-паше и другим лицам турецкого гарнизона очистить ее и вернуться в Турцию. Но те ответили, что теперь зима, идти не могут, и пусть им дадут три—четыре месяца отсрочки. Между тем, Магомед-бек тайком разузнал от жителей Шемахи, что турки думают отправиться в Дербент, а не возвращаться в Турцию, что они надеются на помощь дагестанцев, что также из Константинополя туда недавно прибыл эмиссар по имени Шамсудин-паша, который дал знать, что им на помощь скоро придет из Константинополя несколько тысяч янычарского

войска по крымской дороге через Дагестан, что кроме того от крымского правителя Гази-Гирей-хана придет крымский отряд, а также придет войско из Эрзерума. Магомед-бек отправился к Шах-Аббасу и передал ему эти известия.

Тогда Шах-Аббас безотлагательно двинулся сюда с войском и расположился лагерем в местности на расстоянии в четверть перехода от Шемахинской крепости, каковая местность теперь называется Шахской ставкой, а родник около нее теперь называется Шахским родником. Здесь шах приказал осадить крепость и теснить турок. Но так как осажденный четырехтысячный турецкий отряд оказывал изнутри упорное сопротивление, то осада затянулась до шести месяцев, причем, вследствие очень холодной зимы и обилия грязи шахское войско долго не могло приступить к необходимым операциям вроде закладки подкопов и мин. Лошади и другие животные очень страдали из-за фуража. Случалось даже, что, когда их гнали на подножный корм, осажденные выходили и тайком похищали их. В общем, Шах-Аббас, оставив под осадой население крепости, умиротворил и благоустроил остальное население Ширвана и назначил над ними правителем и бейлярбеом Кирманца Зульфукар-Хана. В это время турецкие гарнизоны крепостей Баку и Дербента были арестованы и взяты в плен жителями этих городов. Бакинское население видело, что у Шах-Аббаса большое могущество, и что в их крепости из турецкого войска нет людей более двух-трех сотен, и вот однажды общество предприняло штурм крепости, перебило часть гарнизона, а остальных взяло в плен. Пленных и головы убитых они отправили в Шемаху к Шах-Аббасу и выразили ему свою верность, вследствие чего шах предоставил им в добычу все имущество, оставшееся в Бакинской цитадели от турок.

Жители Дербента, подражая бакинцам, осадили турок, бывших в Дербентской цитадели, и, сообщив об этом уцмю Рустам-Хану, сыну Хан-Магомеда, призвали его к себе. Вследствие этого уцмий Рустам-Хан, прибыв в Дербент приблизительно с тремя сотнями кайтагской конницы, выявил в этом отношении свою солидарность с горским обществом, осадил бывший в цитадели турецкий гарнизон в шестьдесят—семьдесят человек и для доклада Шах-Аббасу о покорности послал к нему несколько лиц из своих людей. Дербентцы также послали дербентца Ходжа-Магомед оглы и некоторых других лиц. За это шах в виде милости и воздаяния прислал уцмю Рустам-Хану приличествующие подарки и тем возвеличил и почтил его. Точно

также он одарил и почтил поверенных дербентского общества и велел, чтобы общество в воздаяние за эту службу было освобождено от разных податей и судебных пошлин.

Из состава своей свиты он послал Манучехр бека с частью стрелков, чтобы они по прибытии в Дербент закончили под руководством уцмий Рустам-Хана дело осажденных там турок. Когда они занялись подготовкой совместного штурма крепости, осажденные дали знать, чтобы им обеспечили безопасность, дабы явиться к шаху и стать на его службу. Эти согласились с их желанием и потому без боя завладели крепостью, а турецкий гарнизон был отправлен к шаху и остался у него на службе. Таким образом дербентское общество и уцмий Рустам-Хан покорились Шах-Аббасу и шах поселил в Дербентской цитадели свой новый отряд в качестве гарнизона. При этом остальные правители Дагестана, Шамхал, Майсум, Кадии, Алибек Цахурский, все выразили Шах-Аббасу покорность и верность, кто лично явившись к нему, а кто послав людей из близких, и тем снискали шахскую милость⁷⁷⁾. И мать правителя Грузии Теймурас-Хана с тысячью человек грузин явилась туда к шаху, и они снискали его благоволение. Даже от крымского правителя Гази-Гирей-Хана прибыл туда к шаху с дружеским посланием и дорогими подарками некто по имени Гаджи-Байрам, который снискал безграничное внимание шаха.

В период осады Шемахинской цитадели, шах передвинул туда из Гянджи большие пушки и в течение шести месяцев, проявляя необходимую предприимчивость и старание, разрушил часть стен и бапень крепости, и осажденные были вынуждены просить у него пощады, при чем, получив гарантию безопасности, они сдали крепость шаху. Из них Ахмед-Пашу шах успокоил ласковым приемом, как умного и толкового деятеля, но Шамсуддин-пашу с его сыном и братом и несколько человек других лиц командного состава, сначала уверив в безопасности, потом под предлогом разных обвинений—казнил. В частности шах нитал сильную злобу против Шамсуддин-паши, а остальные лишь попали в огонь этого гнева, так-как Шамсуддин-паша, претендуя на прозорливость и проявляя доблесть, высказывался о Шах-Аббасе и говорил по адресу шаха, что, мол, он не сумеет взять крепость, и ничто ему не поможет. За исключением командного состава остальных защитников цитадели Шах-Аббас после обезоружения освободил, дабы ушли, куда хотят. Но население Ширвана, желая показать свою верность шаху, совершило беззаконие и перебило большинство их. Зульфукар-Хан, назначенный Шах-

Аббасом в этот свой приезд на должность правителя Ширвана в одну ночь в числе вышедших из цитадели турок убил даже тех, кто, будучи женаты на его сестре и племяннице, были главами семей, казнил их с их семьями всего тридцать две души и тем приобрел позорную славу.

Гюлистан-Ирем сообщает, что, когда шах был занят осадой Шемахи, к нему приехал Табасаранский правитель Майсум-Хан. Но огорченный там чем-то, Майсум-Хан обиделся и без позволения шаха вернулся со своим отрядом. Потом шах, чтобы расположить и привязать его к себе, послал ему в Табасарань подарок и почетные одеяния, после чего Майсум-Хан послал из своей семьи девушку Майсумовой фамилии для вступления в шахский гарем, дабы этим упрочилась его близость к нему.

Там же говорится, что Шах-Аббас послал своего визиря ширванца Магомед-Салих-бека с почетной одеждой и высочайшими подарками в Кайтаг к уцмию Рустам-Хану. Также он почтил остальных правителей и старейшин Дагестана и объявил им соответствующие приказы, после чего из Шемахи направился в Ардебиль. В то время, по распоряжению шаха, Алибек Джебанирский построил на месте слияния рек Куры и Аракса мост, названный Джавад-Кюрписы⁷⁸⁾.

До покорения этих стран Шах-Аббасом, во время турецких правителей, Шабранский магал Кубинского уезда был под властью Табасаранского Майсума. После шахского покорения Майсум-Хан точно также, как и прежде, был занят выполнением функций власти, тогда как Ширванский правитель Зульфукар-Хан начал в Шабране осуществлять свою власть и на этой почве между ним и Майсум-Ханом возникло охлаждение и взаимное отчуждение. Поэтому Зульфукар-Хан, доложив Шах-Аббасу обстоятельства дела по своему и получив разрешение шаха, решил построить в Шабранском магале крепость и посадить там от себя наиба⁷⁹⁾ и гарнизон. Зульфукар-Хан написал Майсум-Хану, что такое распоряжение последовало от шаха и что необходимо это распоряжение выполнить. Но Майсум-Хан не согласился на это дело. Когда затем Зульфукар-Хан, приехав сам в Шабран, начал строить крепость и делать необходимые распоряжения, Майсум-Хан двинулся из Табасарани с несколькими тысячами конных и пеших людей в Шабран и оказал сопротивление, причем Зульфукар-Хан не мог остановить его увещаниями через посланцев, и между ними произошло сражение. Здесь табасаранцы были разбиты и из них погибло до тысячи человек. Разбитый Майсум-Хан вернулся оттуда обратно, а Зульфукар-Хан

позабывшись о своих делах и о постройке крепости, донес Шах-Аббасу о происшедшем. Шах из-за этого события огорчился на Зульфукар-Хана и приказал ему каким угодно способом примириться с Майсум-Ханом и умиротворить его. Тогда Зульфукар-Хан просил Майсума простить его в этом деле и выразил свое раскаяние, но что толку, когда, погубив столько народу, он довел свою расправу до того, что вверг в беду и огорчил не одних лишь табасарцев, а пожалуй всех дагестанцев. И вот в 1018 г. Гиджры, 1609 году христ. эры, Шах-Аббас во время своей зимовки в Карабаге послал оттуда в Ширван одного из своих приближенных по имени Карчугай-бек с некоторым числом служащих и с войском. Этот бек объявил там, что от шаха последовал приказ, чтобы ему с отрядом и сотрудниками отправиться в Шабран и туда же взять Зульфукар-Хана, дабы, сговорившись с ним, осуществить там новые распоряжения и доставить дагестанским старейшинам приказы, изданные шахом. Когда, таким образом, Карчугай-бек и Зульфукар-Хан, прибыв в Шабран, стояли там, однажды бек пригласил в свою палатку хана и сказал, что от шаха пришло секретное предписание, которое надо прочесть в уединенном месте. Затем бек пригласил Зульфукар-Хана в уединенное место и там велел его убить, объявив, что таков приказ шаха. Вместе с тем он объявил, что на его место назначен бывший раньше правитель Астрабада Юсуф-Хан Мир-Шакар, и что необходимо ему же подчинить все находившиеся здесь персидские войска.

Карчугай-бек после убийства в Шабране Зульфукар-Хана отправил Майсум-Хану и прочим дагестанским старейшинам от шаха письма и доказательства милости и тем осчастливил их, вследствие чего каждый из них в удостоверение своей преданности шаху снова отправили ему с нарочными разные приличествующие подарки и письма. После этого дагестанские старейшины были верны шаху и несколько лет прожили спокойно, причем в 1025 (1616) году Кайтагский правитель уцмий Рустам-Хан поехал к шаху, удостоился почестей и получил грамоту на управление городом Дербентом.

В Гюлистан-Ирем говорится, что Шах-Аббас перенес город Гянджу с первоначального места и основал на хорошем месте одним переходом выше. Там он возвел крепость, мечеть, караван-сарай и тому подобные полезные строения. Точно также он построил в Ширване много мечетей, школ, водопроводов, каравансараев, кои и теперь существуют. И город Мазаандеран он перенес и выстроил на хорошем месте. Прожив пятьдесят четыре года, шах, наконец, умер

в Мазаандеране и шахская власть перешла к его внуку Сам-Мирзе, сыну Сафи-Мирзы. Этому Сам-Мирзе было присвоено имя его отца, и он именовался шахом Сафи. Умер Шах-Аббас в 1038 (1628) году. Хроники сообщают, что Шах-Аббас был покровителем искусств, другом ученых и большую часть времени уделял совещаниям и беседам с покойным бесподобным и выдающимся⁸⁰) Бахауддином Амили. Но ради упрочения своей власти, он внес раскол среди мусульман относительно четырех халифов и оставил на память разросшуюся вражду⁸¹).

У Шах-Аббаса много стихотворений и афоризмов. В том числе имеется следующее двустишие:

На свете две группы не имеют руководителей:
Сунниты Балха и шииты Кашмира.

В хронике „Гюлистан-Ирем“ написано, что в 1048 году Гиджры, 1638 году хр. эры, Кайтагский правитель уцмий Рустам-Хан, став сторонником Турецкой империи, принял шаги, направленные к тому, чтобы вывести дагестанцев из повиновения шаху Сафи. Недовольный за это уцмием, на зло ему, шах Сафи своею милостью вызвал к себе пребывавшего в Буйнаке шамхала Сурхай-Мирзу, сына шамхала Ильдархана, сына шамхала Сурхай-Хана, и утвердил его в правах, подобно тому, как в предшествовавшем году утвердил его русский царь Михаил Федорович. Брат этого шамхала, по имени Алхас-Мирза, отправился к шаху Сафи, поступил к нему на службу и даже принял там имя Сафикули⁸²), а от шаха получил титул Сафикули-Хан. Этот Сафикули-Хан несколько лет состоял правителем шахским в Эривани и в Ширване.

Там же написано, что по смерти шаха Сафи в 1052 году Гиджры, 1642 году христ. эры, власть перешла к десятилетнему его сыну Аббасу Второму. Этот шах, процарствовав двадцать четыре года, умер, и Сефевидское царство перешло к его сыну Сафи-Мирза-шаху. Вскоре имя этого шаха было изменено, и ему присвоено имя шах Сулейман. Из грамот этого Сулейман-шаха, сохранившихся до сих пор в Дагестане у шамхалов, уцмиев и других старейшин, видно, что в его эпоху и в эпоху его отца из шахского казначейства выдавалось денежное содержание дагестанскому шамхалу, его сыновьям, Аварскому хану Умахану, сыновьям Ильдархана, сыновьям Гирей-Хана и прочим правителям. Им также присвоены были в Ширване райские селения, причем постоянно проявлялись в надлежащей мере с их стороны лояльность, а со стороны шахов права власти.

Там же написано, что со середины одиннадцатого века Гиджры (17 в. хр. эры) среди сыновей кайтагских уцмиев возник раскол, и они разбились на две группы: одна из них жила в сел. Маджалисе, а другая в Янгикенте, причем всякий из них, к кому, как к старшему по возрасту, должна была перейти власть уцмий, становился уцмием и лично со своей семьей выезжал и поселялся в селении Башлы, где и выполнял функции по управлению. В то время между этими двумя группами вспыхнула война; группа, проживавшая в Янгикенте, победила и перебила группу, жившую в Маджалисе. Но из этой побежденной группы один мальчик по имени Гусейн-хан был хитростью спасен от смерти одним из его молочных братьев, который повез его к тогдашнему шамхалу. Мальчик этот, достигши там совершеннолетия, отправился оттуда в Сальянское владение и поселился там в местности Рудбад в доме местного кадия Ахунда Молла-Магомед-а. Потом он женился на дочери этого ахунда по имени Хадиджа-бегим, затем отправился в Исфаган и там также женился на дочери одного из владетелей рода Каджар по имени Зухра-ханум. Там он поступил на шахскую службу, прославился своей храбростью и благородством и получил от шаха ханство во владениях Сальянском и Кубинском. Гусейн-Хан переехал с семьей в Кубинский уезд, построил крепость в селении Худат и поселился там. По иранскому обыкновению он здесь развел сад. От жены каджарки у него родился сын, названный Ахмед-Ханом, и он избрал шиитское исповедание. В 1100 году Гиджры, 1688 хр. эры этот Гусейн-Хан, собрав войско из кубинских, сальянских и прочих жителей, отправился в селение Башлы, изгнал оттуда занимавшего там должность уцмий по имени Али-Султана, поселился на месте уцмий и взял в свое управление как Кубинское и Сальянское владения, так и Кайтагское владение. Но Али-Султан уцмий бежал оттуда к шамхалу, сообщил и остальным старейшинам Дагестана о происшедшем, собрал у них до тридцати тысяч войска, завоевал Башлы и занял свой прежний уцмийский трон, а Гусейн-Хан бежал оттуда в Кубинский уезд и там умер. (Из рода этого Гусейн-Хана происходит известный Фатали-Хан).

В 1105 году Гиджры (1694) шах Сулейман умер, и шахом стал его сын султан Гусейн. В 1107 (1696) году умер вышеупомянутый уцмий Али-Султан и уцмием стал его сын Амир-Гамза. От шаха Султан-Гусейна была выдана уцмью Амир-Гамзе утверждающая грамота. Потом, когда Амир-Гамза в течение около десяти лет состоял уцмием,

сын вышеупомянутого Гусейн-Хана Ахмед-Хан отправился из Кубинского уезда с войском в Кайтаг и завоевал Башлы. Уцмий Амир-Гамза бежал оттуда в верхние магалы, а Ахмед-Хан завладел его тронем. Таким образом уцмий Амир-Гамза, будучи бессилем вновь завоевать свой трон, умер в отлучке. Но у этого уцмий Ахмед-Хана появился другой враг по имени Ахмед-Хан из их Кайтагской ветви, а именно: Ахмед-Хан, сын уцмий Уллубия. Он какою-то хитростью натравил одного слугу самого Ахмед-Хана сына Гусейн-Хана, заставил убить его в собственном доме, и власть уцмий осталась в руках Ахмед-Хана, сына Уллубия. (У этого убитого Ахмед-Хана остался сын по имени Султан-Ахмед-Хан). В 1123 году Гиджры (1711) шахом Султан-Гусейном было дано упомянутому уцмью Ахмед-Хану, сыну Уллубия, кроме доходов с Кайтагского владения, увеличение жалования со ста туманов до двухсот туманов. (Тогдашний персидский туман равен теперешним трем рублям русских денег).

В эпоху султана Шах-Гусейна, в городе Кази-Кумухе, из рода проживавших там дагестанских шамхалов, выступил некто по имени Сурхай, сын Гирея, сына Алибека и в результате, достигши власти хана в Кумухе, Кюринском округе и Ширване, стал известен под именем Сурхай-хана Первого. Подробности дела, как они изложены в достоверных хрониках⁸³), таковы: род дагестанского шамхала, поставленного в Кази-Кумухе в эпоху Абу-Мус-лима, да будет к нему милостив всевышний аллах, размножился наследственно и, когда из них старший возраст получал достоинство шамхала, остальные его близкие ограничивались тем, что были в его распоряжении и повиновении. Но когда история перешагнула через тысячелетие после Гиджры⁸⁴), шамхал стал зимою жить в плоскостных селениях—Буйнаке и других, а летом возвращался в Кази-Кумух, и казикумухцы начали постепенно выходить из под власти шамхала до такой степени, что шамхалы, кроме распоряжений о сборе с них чалогов, в другие дела не вмешивались. Наконец, шамхал Сурхай-Мирза сын шамхала Ильдархана совсем оставил Кази-Кумух и поселился в селении Буйнаке. Этот Сурхай-Мирза умер в Буйнаке в 1049 году Гиджры (1639). Из шамхалов после него ни один не переезжал в Кази-Кумух и они остались жить то в Буйнаке, то в Тарки и в других плоскостных селениях. При таких условиях Кази-Кумухское общество не стало звать к себе этих шамхалов и начало по соглашению назначать для себя правителя из их родственников, остававшихся в Кази-Кумухе. Выбранному

таким образом правителю они дали титул „халкклафчи“. (Значение этого слова на кази-кумукском языке, так сказать, главарь народа. Слово это составное из „халк“—народ и „лафчи“, получившегося посредством присоединения к слову „лаф“, означающему верх, частицы принадлежности „чи“). Избранный народом таким образом с именем халкклафчи Сурхай, сын Гирея, вступил там в бой из-за этой должности с некоторыми родственниками и двоюродными братьями, получил много ран, но выздоровел, лишившись одной руки, и получил власть в той должности. Враги, выступавшие против него, были им убиты, и его власть при отсутствии противников и претендентов упрочилась. Получив известность под именем Чулак-Сурхай⁸⁵), он снискал безмерную преданность и расположение в Кази-Кумукском владении. Этот Сурхай и Кайтагский уцмий Ахмед-Хан создали в населении Дагестана возмущение против Кизилбашской державы и сговорились организовать убийство и уничтожение в Нухинском, Ширванском и Кубинском уездах поставленных шахом султаном Гусейном ханов и их служащих. Такого рода решения свои они сообщили старейшинам магалов Джар, Тала и Чахур, причем, в этом деле к их союзу примкнул один ученый, житель селения Девелы Кубинского уезда, стоявший во главе местного медресе, некто Гаджи Дауд эфенди. Этот ученый приехал к уцмию Ахмед-Хану на свидание и по его совету отправился в Кубинский уезд и склонил население к заговору. Между прочим, уцмий Ахмед-Хан послал в Кубинский уезд кайтагское войско во главе с Муртузали, сыном уцмия Амир-Гамзы, а с другой стороны Гаджи-Дауд собрал в Кубинском уезде суннитов и оба отряда совместно завладели Шабранским магалом, разгромили его, истребляя попадавших в их руки кизилбашцев, а также разрушили самый город и разграбили имущество населения. После этой победы уцмий Ахмед-Хан передал кайтагское войско в распоряжение некоего Али-Джорука, который, соединившись с местным отрядом, собранным Гаджи-Даудом, завладел крепостью Худат. Здесь они убили Кубинского хана Султан-Ахмед-Хана, сына Ахмед-Хана и внука вышеупомянутого Гусейн-Хана, истребили его сторонников и членов семьи, и лишь его грудной ребенок мальчик по имени Гусейн-Али был спрятан одним из надежных людей, отвезен в Самурский округ и там воспитан. (Этот Гусейн-Али впоследствии, когда русский царь Петр Великий прибыл в Дербент, отправился к нему и получил от него утверждение в должности хана Кубинского уезда). После этого

события уцмий Ахмед-Хан, собрав много народу из Кайтагского и Акушинского районов, отправился в Кубинский Мушкюр⁸⁶) и совместно с Гаджи-Даудом занялся управлением. Вместе с тем из Кази-Кумуха прибыл в Куринский округ Чулак-Сурхай-Хан с большим войском, собрал еще войско из куринцев, отправился в Кубинский уезд и соединился с уцмием Ахмед-Ханом, а жители магалов Чахур, Джар и Тала вторглись с той стороны в Нухинский уезд. Выступившего против них из Ширвана в поход кизилбашского хана, бейлярбея Гусейн-Али-Хана и его отряд они перебили в Нухинском уезде.

В Кубинском уезде отряды уцмия Ахмед-хана, Чулак-Сурхай-хана и Гаджи-Дауда доходили численностью все вместе до тридцати тысяч человек. С таким войском уцмий, хан и гаджи двинулись на город Шемаху, но в виду того, что население Шемахи сильно укрепило подступы к городу, они вернулись, не сумев завладеть городом и на обратном пути разграбили попутные селения и Мушкюрский магал. Уцмий Ахмед-хан оставил в Кубинском уезде при Гаджи-Дауде часть своего войска под начальством своего родственника Хаспулата, сына уцмия Амир-Гамзы, и, таким образом, окончательно подчинил себе Кубинский уезд.

В этом положении прошла зима того года, а весной уцмий Ахмед-хан снова приступил к сбору войска для похода на Шемаху и вместе с тем известил об этом Кази-Кумукского Чулак-Сурхай-хана, приглашая его выступить с войском в Кубинский Мушкюр. Но шамхал Адиль-Гирей-хан предложил уцмию Ахмед-хану не отправляться в поход, не забывать благодеяний, оказанных ему Персидской державой. Шамхал даже пригрозил уцмию, что мол если ты из Кайтага выступишь в поход, то я завладею этим районом и не дам тебе вернуться туда. Поэтому уцмий Ахмед-хан не мог сам выступить в поход, а послал часть своего войска к пребывавшему в Кубинском уезде Хаспулату и приказал ему пойти на Шемаху вместе с Чулак-Сурхай-ханом и Гаджи-Даудом.

И вот в 1124 году Гиджры (1712) Чулак-Сурхай-хан, Хаспулат и Гаджи-Дауд с большим войском снова двинулись на Шемаху и, наконец, с помощью местных суннитов завоевали город. Они убили там Гусейн-хана, вновь назначенного Персией на должность бейлярбея вместо убитого в Нухинском уезде Гусейн-Али-хана, перебили его отряд, причинили чрезмерные бедствия шиитскому обществу убийствами и грабежами, убили до трех сот купцов, прибывших из России для торговли и разграбили товары на сумму до четырех сот тысяч туманов. Из означенных главарей

Сурхай-хан и Гаджи-Дауд написали в Константинополь о покорении Шемахи и заявили о своей покорности Турецкой державе, прося для себя ее протектората. Из Турции был послан в Шемаху Сары-Мустафа-Паша с небольшим отрядом на помощь бывшим здесь лезгинам, причем приказ из Турции о назначении на Шемахинское ханство последовал на имя Гаджи-Дауда, а Сурхай-хан, обиженный судьбой, отправился в Нухинский уезд и остался там. Между тем в управлении Нухинским уездом в должности бейлярбея с титулом паши был Турцией утвержден пахуреп по имени Али-Султан. Но когда по новому донесению Сары-Мустафа-паши в Константинополь правительство узнало, что Сурхай-хан в сравнении с Гаджи-Даудом пользуется в этих краях преобладающим влиянием и более достоин звания Шемахинского хана, Сурхай-хану снова было вручено управление Ширваном, и из Турции ему были посланы феска для головы, украшенная драгоценными камнями на подобие короны и прочие почетные одеяния. Гаджи-Дауд был вызван в Константинополь и там умер. Таким образом Ширванское владение осталось у Сурхай-хана до выступления Надир-шаха. Грузия, Гянджа и Эривань постепенно также подпали под турецкий протекторат.

Однако уцмий Ахмед-хан, видя, что от завоевания Ширвана он не получил ничего и не извлек никакой пользы, собрал в Дагестане войско для покорения его себе и двинулся туда. Но, получив известие, что в это время в Дагестан вступило русское войско, уцмий Ахмед-хан, будучи не в силах добиться чего-либо относительно Ширвана, пограбил понавшееся ему там имущество и спешно возвратился с войском в Кайтаг.

Глава 6-я.

О событиях после похода русского императора Петра Великого в Дагестан до выступления Надир-шаха сюда.

Как изложено в хрониках о Петре Великом и о Надир-шахе, известие об убийстве русских купцов и разграблении их имущества при вышеуказанных обстоятельствах сильно задело Россию, и она предложила персидскому шаху султану Гусейну наказать виновных в том лиц и извиниться перед Русской державой. Но султан Гусейн был постигнут другим горем и не мог выполнить этого требования России. А именно, в 1134 году Гиджры, соответствующем 1721 году христ. эры, афганский эмир Махмуд Галиджан, придя с большими силами, приступил к завоеванию Иранских владений, при чем в городе Исфагане

он осадил султана Гусейна и его войско и подверг их безмерному стеснению, так что, в виду крайней затруднительности в продовольствии, многие из них умерли с голоду. Наконец, в 1135 году Гиджры в месяце Магараме, что соответствует 1722 году христ. эры, афганцы завладели Исфаганом и заключили там в тюрьму султана Гусейна. (Арестованный султан Гусейн, пробыв до 5 лет в заточении в Исфагане, был казнен воцарившимся после Махмуда Галиджан племянником его Ашрефом, а арестованных детей и членов семьи шаха в числе 31 человека Махмуд казнил сам). Этот Махмуд установил в Персидском государстве чекан денег и хутбу⁸⁷⁾ со своим именем. Дети и члены фамилии арестованного шаха также были там арестованы, но из сыновей шаха только Тахмасб-Мирза в то время был в Казвине и, получив там право на трон, воцарился, приняв титул шаха. Затем, когда Махмуд отправил против него на Казвин свое войско, шах Тахмасб бежал из Казвина, прибыл в Азербайджан и пребывал здесь. Этот именно шах Тахмасб обратился к Российской империи за помощью, посплав в Россию своего близкого человека по имени Исмаил-бек. На основании этих предшествовавших обстоятельств, Петр Великий послал морем в Решт одного генерала с десятью тысячами солдат и сам двинулся в поход в Дагестан, чтобы наказать лезгин и покорить эти земли. Царь этот, отправив из России сухим путем в Дагестан девять тысяч драгун, двадцать тысяч казаков, тридцать тысяч татар, и двадцать тысяч калмыков, что в общем составляет семьдесят девять тысяч, сам решил двинуться сюда морем из Астрахани. На двухстах семидесяти одном судне он устроил двадцать тысяч пехоты, пять тысяч саперов, снаряжение и оружие и сам с ними двинулся в путь в 1134 году⁸⁸⁾ Гиджры, что соответствует 1722 году христ. эры, июля месяца в 18-ый день.

Когда император достиг местности под названием Чахар-тепе, к нему прибыл навстречу посол с письмом, высланный дагестанским шамхалом Адиль-Гирей-ханом. Он объявил, что упомянутый шамхал ожидает его прибытия и готов к его услугам. В 24-ый день того же месяца император, высадившись на остров Чечен, послал отсюда одного офицера, поручика по фамилии Лопухин, с тридцатью всадниками к шамхалу с приказом, чтобы он разослал старейшинам Дагестана и в Ширванские края объявления и склонил их на сторону Русской державы.

28-го числа того же месяца император приказал, чтобы суда стали в Аграханском заливе, а войска высадились на берег. Он расположил их на отдых в подходящем пункте

в трех милях расстояния от реки Сулака, при чем велел вокруг лагеря соорудить прочные окопы. Каждый день император в течение дня стоял в лагере с войсками, а ночью пребывал со старшими командирами на судна. Причина остановки здесь была в том, что конные части, идущие по сухому пути, т. е. вышеупомянутые семьдесят девять тысяч, должны были здесь подоспеть к императору, но вследствие некоторых затруднений в пути, вызванных недостатком воды и фуража для лошадей, их прибытие задержало преградившее общество Эндери и там произошли бои, задержавшие их. Подробности дела таковы: когда те войска дошли до границ земель Эндери, общество это решило не пустить их пройти в Дагестан и 23-го числа того месяца вступило с ними в бой. Общество было разбито и драгунские полки, завладев тем селением, сожгли его. В этом сражении, численность общества Эндери и других сельчан, прибывших к ним на помощь, доходила всего до пяти тысяч. Многие из них были убиты, ранены и попали в плен, а с русской стороны там было убитых до семидесяти человек и много было раненых. Хроники сообщают, что со стороны Эндери там убито было до трехсот человек.

Когда конные части подоспели, император, оставив в Аграханском заливе несколько судов, остальные отправил с бывшим на них войском в Дербент, а в лагере с больными и ранеными оставил тысячу казаков. 7-го августа с конницей император двинулся отсюда сухим путем в Дагестан и с большими затруднениями переправился через реку Сулак. Здесь к императору навстречу прибыли Аксайский правитель Султан-Махмуд, и послы прибывшие от шамхала Адиль-Гирей-Хана. Ими были преподнесены царю в подарок пятьдесят голов быков и девять голов прекрасных лошадей. И, так как на путях перехода от Сулака в Дагестан, на каждой стоянке по приказанию шамхала принимались меры в отношении воды, фуража и прочего снабжения, то без задержек и затруднений для войска император 12-го августа достиг стоянки на приготовленном шамхалом месте на расстоянии одного перехода от Тарки. Оставшись на ночь в лагере, император на следующий день отправился со свитой по приглашению в гости в Тарки в дом шамхала. Осмотрев селение Тарки, царь после еды и выражения благодарности вернулся в лагерь и там провел ночь. Три ночи он отдыхал там. Затем император послал отсюда в Дербент полковника Наумова с двенадцатью казаками и еще одним офицером и приказал, чтобы войско, отправившееся туда морем, высадилось с судов и расположилось

на подходящем месте, так как дербентские общественные поверенные, прибыв сюда к императору, доложили от имени общества о покорности и повиновении и, таким образом, с той стороны выявилось доброе расположение. В действительности так и было, т. е. когда те суда подошли к Дербенту, местный наиб Имам-Кули-бек и общество выразили покорность командиру отряда, офицеру по фамилии Соймонов, а затем часть солдат с судов, высадившись наружу, заняла караулом место недалеко от моря между двумя воротами в приморской части северной стены.

16-го числа того же месяца император выступил с войском из под Тарки, оставив там Адиль-Гирей-Хана, направился к селению Утамыш и 18-го числа дошел до земель Утамыша, каковое селение, подчиняясь уцмию Ахмед-Хану, зависело от непосредственного своего правителя по имени Султан-Махмуд. Этот правитель по приказанию уцмий, собрав из тех районов и округов до шести тысяч войска, приготовился сразиться с русскими.

Дойдя до владений Утамышских, император послал одного офицера с тремя казаками к утамышскому правителю Султан-Махмуду и предложил ему явиться к нему и не ввязываться в невыполнимые предприятия. Но правитель велел убить офицера и казаков и распорядился начать битву с русскими. Когда дело дошло до горячей схватки, войско правителя было разбито, часть людей убита, часть попала в плен, с уцелевшими правитель спасся бегством, а русское войско разграбило и сожгло их селение, достигшее пятисот домов, а также разграбило и другие ближние селения. Из числа пленных император казнил несколько лиц. При этом русским войскам досталось до пяти тысяч овец и прочих угнанных животных.

21 августа император с войсками достиг Дербента. Дербентский наиб Имам-Кули-бек и общества мусульманское, армянское и еврейское, все стар и млад вышли навстречу из города и стали в ряды. В момент встречи наиб Имам-Кули-бек преподнес императору сделанный из серебра ключ от ворот Дербентской цитадели, в которой за отсутствием иного представителя власти и войска со стороны персидской державы, власть была у наиба, а охрана оставалась на ответственности общества. Император выразил наобу, старейшинам дербентским и обществу соответствующее благорасположение, а затем строевым порядком с военной музыкой вступил в Дербентскую цитадель, осмотрел ее и нашел там оставшиеся от персов двадцать три пушки. Затем пехота была расположена на берегу моря вблизи от города, а конные войска—драгуны, казаки, татары, калмы-

ки и прочие—были отправлены в Молла-кент и соответствующие пункты. Корабли в море стали недалеко от Дербента. В несколько дней по приказанию императора было построено укрепление на берегу реки в Молла-кенте, а другое укрепление было построено в местности, называвшейся Орта-Бугам. По обе стороны Дербента там и там были расположены охранные сооружения и подготовлено разного рода снаряжение.

Император пожаловал дербентскому наибу Имам-Кулибеку чин генерал-майора и утвердил его в должности хана для дербентского общества. Из этого общества многих лиц он зачислил на службу и передал в распоряжение Имам-Кулибека. И остальным старейшинам Дербента он даровал подходящие милости.

Во время своего пребывания в гор. Дербенте император послал морем в город Баку одного поручика и несколько других служащих в качестве послов с тем, чтобы бакинское население покорилось ему, дабы император стал для них покровителем. Но эти послы вернулись оттуда и сообщили, что бакинские жители не пустили их сойти с судна в город и ответили, что мол мы сами себя защитим и другого покровительства нам не надо.

Во всяком случае, таким неподобающим ответом император был огорчен и, кроме того, его намерение заключалось в том, чтобы двинуться туда, завладеть Баку и вместе с тем в Дагестане в полной мере осуществить свою власть. Но благодаря стечению обстоятельств, он не простер своего похода дальше города Дербента и решил вернуться отсюда в Россию по следующим причинам: во-первых, в Персии насильственно взявший власть Махмуд Галиджаи достиг большого могущества и сеял зло. Во-вторых, отряду до десяти тысяч человек, отправленному морем в Решт, вследствие обращения шаха Тахмасба за помощью, персы оказали враждебный прием и дали сражение, а договор, заключенный с Россией приехавшим с просьбой о помощи Исмаил-беком, отвергли. В третьих, суда, шедшие из Астрахани с необходимыми для войска предметами снабжения и снаряжения, потерпели в море крушение, а так-как в то время в Дагестане продуктов и зерновых хлебов было мало, то выяснилось, что войско неизбежно подвергнется лишениям, ибо в течение нескольких дней пребывания в Дербенте конные войсковые части разграбили селения, расположенные от Дербента вплоть до Кубинской реки Бильбелчай, собрали их имущество и рассеяли их, а чтобы в Дербент приходили продукты и зерно из другого места, то этой возможности не оставалось: население города и окре-

стных земель постигли голод и всякие бедствия. Поэтому император, оставив в Дербентской цитадели до трех тысяч солдат в качестве гарнизона, объявил об обратном выступлении остальных войск отсюда в Россию. В соответствии с этим распоряжением он выступил назад из Дербента в 1134 году Гиджры, что соответствует 1722 году христ. эры, в начале сентября.—

Император во время этого похода основал крепость в том месте, где от реки Сулак отделяется Аграханский проток, поселил в ней часть войска и сильно укрепил ее. Император приказал также соорудить на реке Сулаке из деревьев прочную плотину, чтобы оттуда много воды пошло по Аграханскому протоку, и это было выполнено. В общем сделав там подобные распоряжения, император увел весь избыток войск своих в Россию, а именно: отправил конные части сухим путем, а сам с остальным регулярным войском 26 числа того месяца двинулся из Аграханского залива на судах в Астрахань.

Когда войны и столкновения, происходившие в то время между Россией и Турцией, закончились мирным договором в 1137 году Гиджры, 1725 году христ. эры, то по условиям его Дагестан, Дербент, Баку, Сальяны, Гилян, Мазандеран и Астрабад вошли в состав владений Российской державы, а Ширван, Грузия и Армения вошли в состав владений Оттоманской империи и, таким образом, в то время прекратилась в этих краях власть Персии.

Когда император возвращался в Россию, им было приказано командиру отряда, поселенного в крепости, сооруженной на месте отделения Аграханского протока от реки Сулак, генерал-майору Кропотову, чтобы он переселил жителей города на Тереке с их места и поселил у этой новой крепости, и чтобы здесь построил красивый город. Согласно этого приказа, означенный генерал через некоторое время начал принимать меры. Но в этом деле окрестное дагестанское население, старейшины и шамхал Адиль-Гирей-хан не устроили добра для Дагестана, изменили России, собрали в Дагестане до тридцати тысяч войска и, напав на эту крепость, начали войну против бывшего там русского отряда. Означенный генерал со своим войском сделал вылазку из крепости, дал ополчению сильное сражение и разбил его. С обеих сторон много было убитых, а уцелевшие дагестанцы рассеялись в бегстве. Генерал со своим войском двинулся и многие селения в тех краях разграбил и сжег, а шамхала Адиль-Гирей-хана он хитростью привел к себе, арестовал и отправил в Россию, так что жизнь этого шамхала окончилась в России.

В 1140 году Гиджры, соответствующем 1727 году христ. эры, император Петр умер, прожив пятьдесят три года, и власть в России перешла к его внуку Петру второму, сыну Алексея. Потом в 1143 году Гиджры, 1730 году христ. эры, этот Петр умер и власть в России перешла к ее величеству Анне, дочери брата Петра Великого по имени Иван ⁸⁹⁾.

Глава 7-я.

О событиях после появления Надир-шаха в Дагестане до момента убийства его и распада Надировой державы.

Первоначальное имя Надир-шаха — Надир-Кули. Имя его отца Имам-Кули. Этот Имам-Кули происходит из Туркестана и туркменского племени Афшар. В связи с столкновениями, происшедшими там между некоторыми царствовавшими в Туркестане лицами из рода Чингисхана, упомянутый Имам-Кули бежал со своей родиной в Азербайджан. Отсюда во время выступления Шаха-Исмаила, сына шейха Гайдара Сефевиды, Имам-Кули переехал и поселился во владении Ибур около истоков Гуйкан. Здесь родился Надир-Кули в 1101—1690 году. Достигши совершеннолетия, Надир-Кули женился на дочери пользовавшегося в том крае почетом и влиянием Баба-Али-Коса-Ахмедлу, а после смерти этой дочери женился на второй дочери его. По этой причине Надир-Кули занял среди местного населения почетное положение и стал известен под именем Надир-Кули-бек. Затем Надир-Кули-бек на службе у правителя Махмуда Сенстанского обнаружил природную храбрость, заложившую в его натуре, и своей доблестью и мужеством приобрел славу и широкую известность. Потом он вернулся со службы у Махмуда к себе на родину во владение Ибур и постепенно забрал эту страну в свое управление. И вот, когда власть шаха Тахмаспа расшаталась и Иранские владения стали покорять с одной стороны афганцы, с другой Турция, с третьей Россия, Надир-Кули-бек явился к шаху и поступил к нему на службу, при чем, чтобы добиться особой близости к нему, он переименовал свое имя на Тахмасп-Кули ⁹⁰⁾, преданной службой снискал расположение шаха и получил от него титул хана. Ряд битв имел последствием возврат Иранских владений из чужих рук. Под конец, когда его взгляды не сошлись с взглядами шаха Тахмаспа и со стороны шаха стали обнаруживаться признаки недовольства, высшие царедворцы в союзе с Тахмасп-Кули-ханом низложили с престола шаха Тахмаспа в 1145 году Гиджры, 1732 г. христ. эры ⁹¹⁾, провозгласили шахом его грудного ребенка под именем шах Аббас, избрали протек-

тором царства Тахмасп-Кули-хана (Надир-шаха), по печати и хутбу присвоили имени того ребенка. Наконец, в 1148—1735 году старейшины народного собрания в Муганской степи призвали его на царство, и он стал Надир-шахом.

Стараниями и мероприятиями Надир-шаха персидская держава постепенно ожила, и области, отнятые у нее соседними государствами, начали возвращаться. В том числе по мирному договору, заключенному между Россией и Персией в городе Реште в 1144 году Гиджры, 1732 году христ. эры ⁹¹⁾, границей между Россией и Персией было назначено место отделения Аграханского протока от реки Сулак, где была русская крепость, и южные области от этой границы — Дагестан, Дербент и Баку — были возвращены Персии.

Также точно был заключен мир в 1146 году Гиджры т. е. в 1733 году хр. эры, между Персией и Турцией, причём Ширван, Грузия и Армения были возвращены Персии.

Но занимавший должность ширванского хана вышеупомянутый Кази-Кумухский Чулак-Сурхай-хан сидел там крепко и решил отстоять ту землю своей силой. Несмотря даже на то, что ему, как подвластному турецкой державе, был послан приказ Султана Махмуд-хана, чтобы он выехал оттуда и передал свое владение персидскому шаху, Сурхай-хан убил привезшего этот приказ слугу правителя Астары Мусы Талышинского и ответил, что мол я завладел Ширваном при помощи мечей мусульман-легинов, а не по пожалованию Турецкой державы. Когда о подобном ответе услышал Надир-шах, он воспламенился огнем негодования и решил исключительно для наказания Сурхай-хана двинуться в Ширван. В истории Надира говорится, что в 1147 году Гиджры, 1734 году хр. эры, Надир-шах, прибыв со своим войском на берег реки Куры, получил сведение, что Сурхай-хан выехал из Шемахи, прибыл в Кабалу и собрал там войско из легинов, нухинцев и оставшихся турок. Тогда Надир-шах поспешно двинулся на Шемаху и в августе того года в 17-й день благополучно вступил в этот город. Там он сделал необходимые распоряжения, назначил правителей и поставил у власти своего сына Насрулла-Мирзу с небольшим войском.

Послав в Кабалу против Сурхай-хана одного военачальника по имени Тахмасп-Кули-хан с двенадцатитысячным войском, сам Надир-шах двинулся с двенадцатитысячным войском через Кубинский уезд в Дагестан. Между тем отряд, выступивший против Сурхай-хана, встретился с ним между Кабалой и Шемахой в местности

Деве-Батан, и между ними произошло сильное сражение, причем сторонники Сурхай-хана были разбиты и бежали. Он сам с бывшими при нем лезгинами направился в Кази-Кумух, а бывшие с ним в союзе турки и паши бежали оттуда в город Гянджу.

После выступления из Шемахи Надир-шах на десятый день прибыл со своей двенадцатитысячной конницей, артиллерией и снаряжением в сел. Хосрек Кази-Кумухского округа. Там он узнал, что Сурхай-хан переправился через горы со стороны Кабалы, прибыл сюда и собирает новое войско. Тогда шах безотлагательно двинулся из Хосрека на город Кази-Кумух, что составляет однодневный переход, причем в пути он получил успокоительное письмо от Сурхай-хана с просьбой прощения. Но шах, не поверив ему на письмо, велел, если просит прощения, немедленно прибыть к нему, а иначе он не оставит своего плана из-за сомнительных обещаний. В результате шах двинулся дальше и, дойдя до места в расстоянии одного фарсаха от Кази-Кумуха, увидел, что Сурхай-хан, вырыв там окопы, готовится к битве и, разрушив мост через ущелье, занял дорогу. Надир-шах тотчас же начал битву и приказал, чтобы войско всеми мерами очистило путь. В этой битве с обеих сторон много было убитых, отряд Сурхай-хана был разбит и бежал, а сам хан поспешил в Кази-Кумух и, взяв свою семью, бежал в Аварию, причем он и члены семьи спасли свою жизнь, но домашнюю обстановку, утварь и все имущество оставили дома. Шах, вступив в Кази-Кумух, завладел всем имуществом и ценностями хана, а также, приказав разграбить имущество и стада жителей Кумуха и других селений, собрал огромную добычу. Там он пробыл значительное число дней, у многих старейшин разрушил дома и самих их подверг сильным наказаниям.

Когда во время этого похода Надир-шах стоял в Кази-Кумухе, к нему приехал и выразил свою преданность Хаспулат-хан, сын шамхала Адиль-Гирей-хана, высланного в Россию. Шах дал ему должность шамхала в Дагестане, возвеличил его, дав почетное одеяние, и подарил ему всех лиц, арестованных в Кази-Кумухе. Затем, имея в виду холодную погоду и приближение зимы, шах не предпринял похода в Аварию, отложил окончательное наказание Сурхай-хана на будущее время и вернулся в направлении Ахты. Подойдя к Ахты, он увидел, что мост на реке разрушен, и дорога шаху преграждена. Тогда шах велел немедленно построить через реку новый мост и переправился на Ахтинскую сторону. Население, осмелившееся там

собраться против него, он рассеял, часть их убил и пестял. Некоторых виновных шах в порыве гнева наказывал даже самолично.

Отослав имущество и обоз из селения Ахты по Мишкинджинской дороге через Шахдаг в Кабалу, шах сам по Хачмазской дороге с большими лишениями доехал до Куткашина в 1147 (1734) году в третий день месяца темрина первого²²).

Когда Надир-шах вернулся на этот раз из Дагестана, кубинцы, ахтинцы и кюринцы, объединившись, напали в крепости Худат Кубинского уезда на Гусейн-Али-хана, сына Султан-Ахмед-хана, который, будучи ханом по назначению шаха, проживал там. Они держали его в той крепости в осаде, пока он не был освобожден прибывшими в Худат шахским правителем Дербента, Дербентским обществом и шамхалом Хаспулат-ханом, которые рассеяли лезгин, собравшихся против него.

Когда Хаспулат-хан в этом походе направился в Кубинский уезд, Аварский хан Умахан с небольшим отрядом явился и начал грабить селения шамхала. Тогда местное население сразилось с Умаханом около селения Параул, причем в этой битве Умахан был убит, а оставшийся отряд его бежал в Аварию.

Еще до заключения мира между Турцией и Надир-шахом, от турецкого хуняра²³ был приказ крымскому правителю отправиться с частью крымского войска в Дагестан, оттуда выступить в поход против Надира и оказать помощь бывшему в Шемахе Сурхай-хану. На этом основании Крымский правитель, оказывается, пустился в путь сюда. И вот, после того, как Надир-шах, придя в Дагестан, уже ушел обратно, крымский губернатор, подступив со своим войском к окрестностям Дербента вплоть до Кефарской степи²⁴, узнал, что между Надир-шахом и Турцией заключен мир, и что в Дербент прибыли от шаха правитель и войско. Поэтому означенный губернатор отсюда вернулся в Крым. Но в промежутке времени между вступлением в пределы Дагестана и обратным выступлением он уже объявил о служебных назначениях по Дагестану согласно полученных им раньше распоряжений Турции. В частности Чулак-Сурхай-хан должен был остаться в Ширванском владении в должности хана; власть Дербентского правителя и Кайтагского уцмья должна была быть вручена уцмю Ахмед-хану, а Хаспулат-хан был отставлен от звания шамхала и вместо него шамхалом назначен родственник его Ильдар, сын Муртузалия. Бежавший в Аварию Сурхай-хан даже выслал на встречу крым-

скому губернатору своего сына с пятьюстами конницы и тот со своей конницей оставался на службе у крымского губернатора до его обратного выступления. При этом крымский губернатор потратил на этих лиц до двух тысяч пятисот туманов деньгами и ценными вещами и они довольно долго приводили в исполнение такого рода увольнения и назначения в Дагестане. Потом, когда эти события стали известны Надир-шаху, тот снова был охвачен гневом на Сурхай-хана и Кайтагского уцмий и решил вторично совершить поход в эти края. Освободив Эривань, Гянджу и Тифлис из под власти Турции, Надир-шах, не взирая на суровую зиму, поспешно прибыл из Шемахи по Алты-Агачской дороге в Табасарань в магал Дерё, а бывшему в Дербенте своему наместнику приказал заготовить здесь необходимое для войска продовольствие и для лошадей фураж. Затем, отправив из Деремагала своего сына Ризакули-Мирзу с багажом и обозом в Шабранский магал, шах сам выступил покарать население магалов Етег и Хиналарян и учинил им избиение. Затем послав около шести тысяч войска, он подверг каре жителей Догузпаринских и Ахтыпаринских селений, а часть войска направил со стороны селения Кабир на преграждение путей людям, бежавшим из Ахты в Кумух, так что большинство бежавших оттуда лиц, наткнувшись на преграждавших дорогу, было последними убито или взято в плен. После подобной же расправы с населением Самурского округа и Кубинского уезда, Надир-шах с войском прибыл в Кюринский округ в селение Гилян, а отсюда отправился в Дербент в 1147 (1734) году в 11-ый день ноября месяца. И расположив свое войско лагерем в подходящем месте на северной стороне Дербента, он и сам расположился там на отдых. Здесь ему стало известно, что вследствие назначения, объявленного крымским губернатором по прибытии сюда, родственник шамхала Хаспулат-хана, Ильдар, считает себя шамхалом, стал ему врагом и, собрав народ около себя в Казанице, затевает разного рода соглашения с Сурхай-ханом и уцмием Ахмед-ханом. а уцмий Ахмед-хан, собрав войско, стоит в Кайтаге и, послав своего сына Хан-Магомеда в селение Маджалис, заставил там соорудить большие окопы и собрать там войско.

Надир-шах с небольшим отрядом ночью выступил из Дербента в Маджалис и, напав при входе в долину на окопы, возведенные Хан-Магомедом, взял и разрушил их, и укрепившихся в них выбил и рассеял, а попавших в плен убил. Персы разграбили скот и все движимое имуще-

ство того селения и других окрестных селений, а Хан-Магомед с остатками своего отряда спасся бегством в верхние селения.

На следующий день, выступив из Маджалиса и грабя попутно встречные селения, Надир-шах прибыл в селение Губден, подвластное шамхалу Хаспулат-хану. Там он успокоил сердце шамхала Хаспулата, а враг его новый шамхал Ильдар, не будучи в силах удержаться там, бежал в Аварскую сторону, неизвестно куда. Также и от Сурхай-хана там не было найдено следов. Затем Надир-шах со своими войсками из Губдена направился в Кази-Кумух и взял с собой также шамхала Хаспулат-хана. При подходе к местности называемой Дусрак, в трех фарсах от Кази-Кумуха, оказалось, что Сурхай-хан с многочисленным ополчением занял там горные высоты и приготовился оказать сопротивление войску шаха, шедшему по долине. Затем, как только шах приказал открыть сражение, его войска с четырех сторон штурмовали горные высоты, причем, афганцы, не дав передышки, заставили ополчение Сурхай-хана бежать. С обеих сторон были убитые, многие попали в плен, а Сурхай-хан с частью своего отряда бежал оттуда и, вовсе не задержавшись в Кази-Кумухе, переправился в Аварскую сторону. Когда шах со своим войском ночью отдыхал там, в окрестностях появилось какое-то другое ополчение. На вопрос, кто там, выяснилось, что это на помощь Сурхай-хану прибыл Ильдар, враг шамхала Хаспулат-хана. Когда караулы, стоявшие на высотах гор, подвергли их обстрелу из джазаирских⁹⁵⁾ ружей, то те бежали и очистили те места. Из этого ополчения тоже много было убитых и пленных, так-как они, полагая, что народ, занимавший горные высоты, составляет ополчение Сурхай-хана, вошли в долину без предосторожностей и попали в круг стрелков.

На следующий день, когда Надир-шах оттуда двинулся на Кази-Кумух, туда к шаху явились городские старейшины и главари, а также почетные лица других Кази-Кумухских селений и объявили ему, что со времени его ухода из Кази-Кумуха они не подчинялись Сурхай-хану, что тот, как тогда выселился с семьей оттуда в Аварию, так и не возвращался больше в Кази-Кумух, и что сейчас он также ушел в Аварию. Тогда шах, считая достаточным это свидание с ними, не пошел на Кази-Кумух⁹⁶⁾, а направился в сторону Акуши и в Кайтагский край, так-как Кайтагский уцмий Ахмед-хан и райше не являлся к нему с повинной, а акушинский кадий, который раньше в бытность шаха в Кази-Кумухе явился к нему и удостоен был внимания, на этот раз вышел из повиновения, перешел на сторону Сур-

хай-хана и послал ему войско. Направляясь от Дуерака в Кайтаг, шах командировал часть своего войска против Даргинских селений. Отряд этот, прибыв в те края, сразился с народом, собранным Акушинским кадием, рассеял его, наградил там много скота и вещей и много людей взял в плен. В результате на следующий день Акушинский кадий, явившись к шаху, извинился и просил прощения. Шах его помиловал, а даргинцев, попавших в плен, освободил.

Когда затем шах окружил Кара-Курейш, где заперся уцмий Ахмед-хан, и разбил кругом свои палатки, уцмий Ахмед-хан просил помилования и с почетными лицами отправил к шаху свою дочь просить прощения. В результате шах простил ему вину, а его дочь с почетом выдал замуж за бывшего при нем Кубинского хана Гусейнали-хана, сына Султан-Ахмед-хана. Это тот самый хан, который, будучи из рода уцмиев, был увезен еще ребенком в Самурский округ, когда отец его был убит в крепости Худат. Этим браком шах примирил его с уцмием.

Когда шах был на этот раз в Кайтагских краях, население Самурского округа, в частности Докузпаринское население, доставило ему в подарок тысячу голов лошадей. Из них несколько лиц шах взял в заложники, чтобы они ему впредь не изменяли. В то же время, так как и селения Табасаранского магала были шахскими войсками разграблены, разорены и всячески притеснены, то и почетные лица этого магала явились к шаху просить помилования и шах их обласкал. Под конец, ошастливив разными милостями и почетной одеждой шамхала Хаспулат-хана и прочих дагестанских старейшин и отпустив их, шах прошел через Дербент, прибыл в Кубинский уезд и там расположился на отдых в поселении под название Гасан-Кала. Оттуда он направился в Муганскую степь для организации народного собрания.

Отклонение. Возникновение этого народного собрания и его сущность таковы: Надир-шах назначил собрание для совещания о том, как на будущее время рознь и вражду между персами и сунитами превратить в согласие, чтобы между ними не было пролития крови. А именно, около возведенного им Джаватского моста на месте слияния реки Куры с рекой Араксом он приказал построить из дерева и камыша до двенадцати тысяч домов и соответствующее с этим число мечетей, бань и караван-сараяв и приказал по всем областям чтобы в 1147 году Гиджры, 1735 году христ. эры, в начале марта из каждой области явились туда почетные старейшины, поверенные их общества. И сам шах туда поехал. Затем, когда соответствующие лица полностью собрались, Надир-Шах предложил народам, чтобы они сообща сговорились — назначить себе на царство достойного человека, так как — сам он до сих пор потрудились обезопасить государство со стороны врагов, довел его до силы и размеров, превосходящих древнее его состояние, и желает, не вмешиваясь больше в государственные

дела, отдохнуть в покое. Тогда все присутствовавшие ответили ему, что кроме него нет лица, достойного царствовать над ними, и все настойчиво просили его принять корону и престол Персии. Тогда Надир-шах выслушал просьбы населения Ирана с тем условием, чтобы они не поносили и не отвергали трех халифов⁹⁶⁾, чтобы подражали вероучению имама Джафар-Садыка, да будет над его предками и потомками благословение и благополучие, чтобы ладил хорошо с суннитами и при паломничестве были с ними солидарны как единоверцы, подобно тому, как они ладил до выступления шаха Исмаила, сына Шейх-Гайдара Сафави. И вот все присутствовавшие достойнейшие, ученые, благородные и старейшины исполнили желание шаха и запротоколили соответствующее торжественное обещание. После этого Надир-шах в 1147 году месяца Шевваля в 24-ый день⁹⁸⁾, воссел там на престол Иранского царства, объявил о своем воцарении, написал послания к государю Турции и государю России, отправил им драгоценные подарки и приобрел их дружбу. В истории Надир-шаха говорится, что там о восшествии его Мирза Кавамуддин Казвини написал в духе „как хорошо, что так случилось“, но какой-то другой казвинец написал о том же в духе „не хорошо, что так случилось“. После этой даты Надир присвоил своему имени хутбу и также на государственной печати велел изображать „Султан Надир“⁹⁹⁾.

Возвращаемся к сути дела. Когда в 1149 (1736) году Ширванский бейлярбей Мехти-хан по служебному делу прибыл в Дербент, дербентский правитель Мурад-Али-Султан Устаджаллу, с которым у него издавна была вражда, натравил на него часть дербентского населения, причем в происшедшем столкновении дербентцы убили Мехти-хана. После этого из виновных дербентцев часть бежала в Кайтаг к уцмию Ахмед-хану, прося его покровительства, а часть вошла в дербентскую цитадель и заперлась там. Но часть дербентского общества, непричастная к этому преступлению, составлявшая большинство, зная, что за это дело город постигнет большая Надировская кара, ради своей реабилитации в глазах шаха арестовала Мурад-Али-хана, как виновника преступления, перебила дербентцев, укрывшихся в цитадели, и о происшедшем немедленно сообщила письмом Надир-шаху. Тогда Надир-шах послал в Ширван на должность бейлярбея куруклинца по имени Сардарбек, а в Дербент послал правителем карачурца по имени Неджеф-Султан и приказал выслать к нему прежнего правителя, арестованного дербентцами. Потом в бытность шаха в городе Испагани этот арестованный прежний правитель был доставлен к нему и шах его казнил. Последовал также приказ от шаха уцмию Ахмед-хану предавших ему виновных дербентцев арестовать и выслать в Ширван к новому бейлярбею Сардар-хану. Так и было сделано.

Надир-шах распорядился также выслать виновных в этом происшествии дербентцев и их семьи из Дербента в Ширван, в местность, называемую Аксу, для водворения

там на жительство, а из Ширвана, взамен этих выселенцев, переселить в Дербент семьи беспокойного племени по имени Сурсур. Это также было выполнено.

В 1151 (1738) году лезгины магалов Джар и Тала¹⁰⁰) изменили державе Надира, а так как Надир-шах в то время был в Индийском походе, то его брат Загируддовле Ибрагим-хан выступил для наказания лезгин. Между сторонами произошла битва, причем, Ибрагим-хан был убит, а из его отряда уцелевшие вернулись обратно. В этой битве с обеих сторон погибло много людей. Лезгины соорудили большие окопы в Джаре, а также в местности под названием Казах и в местности под названием Агзибир и поставили в них гарнизоны.

Затем, когда об этом происшествии узнал шах, он в 1152 (1739) году выслал из Индии свой Абдальский отряд с абдальцем Гани-ханом для наказания лезгин, при чем, назначив на место убитого Загируддовле наместником Азербайджанской области куруклинца Магомед-кули-хана, его тоже командировал в этот поход с бывшим в его распоряжении войском, а также командировал в этот поход коса-ахмедлинца Фатали-хана с хорасанским войском, численностью в пятнадцать тысяч. Эти три хана со всеми бывшими в их распоряжении войсками объединились в 1153 (1740) году в 3-й день февраля месяца. По приказанию шаха к ним присоединились и грузинские правители со своими отрядами. Объединившиеся таким образом войска эти разрушили по частям три окопа, оборонявшиеся лезгинами, и в жестокой битве обратили лезгин в бегство, перебив и взяв в плен много людей. И они разграбили имущество и стада тех магалов, разрушили их селения, а также, заняв дороги, ведущие в другие края, убивали и брали в плен бежавших по ним. В общем они там не оставили следов оседлости и разрушили все селения.

В хрониках пишут, что среди этой сумятицы и общего избиения, бежавшие и не находившие возможности спастись куда либо, большую часть бросались с высоких скал и погибали.

В 1153 (1740) году после вышеупомянутого события Надир-шах, возвращаясь из Индийского похода, заехал в Туркестан, а оттуда прибыл в Кабала. Из Кабалинского магала дорогой через Шахдаг он в начале лета прибыл в Дагестан в Кази-Кумух и около месяца оставался здесь. На этот раз Сурхай-Хан явился к нему, добился его расположения и был удовлетворен шахскими подарками и милостями. Шамхал Хаспулат-Хан, уцмий Ахмед-Хан, Акушинский кадий и прочие эмиры и старейшины округов

также явились к нему и все добились почестей. Только население Аварского края не покорилось ему и сын Сурхай-Хана Магомед-Хан тоже остался на той стороне. Поэтому в августе месяца того 1153 (1740) года Надир-Шах с частью войска направился в Аварию, причем, когда он достиг горы над селением Чох Андалаяльского магала, аварцы сразились с ним, и с обеих сторон погибло много людей. И вследствие непроходимости дорог, а также невозможности больше задерживаться там в виду приближения зимы, шах с войском вернулся в Кази-Кумух и решил в этом году зимовку организовать на северной стороне Дербента¹⁰¹).

Из Кази-Кумуха Надир-Шах послал уцмия Ахмед-Хана в Кайтаг, приказав до его прибытия в Дербент переселить туда из Кайтага своих людей, подлежащих переселению. Шах послал также с уцмием часть своего войска, приказав довести его через Кайтаг на место, предназначенное для зимовки на северной стороне Дербента.

Затем Надир-Шах выселил и взял с собой Сурхай-Хана с семьей и домашней обстановкой из города Кази-Кумуха и, таким образом, с остальными войсками сам двинулся из Кумуха в Кюринский округ. Но в селении Чираг шах узнал, что, когда его отряд, отправившийся с уцмием Ахмед-Ханом в Кайтаг, дошел до Ганкайского ущелья, кайтагцы, мобилизованные уцмием, собрались, преградили ему дорогу, перебили в нем много людей и отняли лошадей и прочее имущество, носильное и обозное.

Услышав эту новость, Надир-Шах рассердился на уцмия Ахмед-Хана и кайтагцев и приказал, чтобы из Тифлиса, Тавриза и Ардебилы были доставлены сюда в Дербент зерно и съестные припасы, и чтобы многочисленные войска и необходимые вещи были там на лицо. И действительно, туда были доставлены из разных мест припасы, войско и все необходимое. Затем в начале октября месяца того же года шах прибыл в город Дербент и поселил там Сурхай-Хана с его семьей. Пробыв там около недели, потом сам шах переехал в зимний лагерь и поселился там.

После переезда туда, шах велел возвести в Кайтагском владении небольшие укрепления—там и сям, а оттуда до границ владения шамхала и поставил в них караулы, дабы, жители верхних селений не могли спускаться вниз и засеивать тамошние свои пашни. Затем он велел в лагере построить из дерева и камыша помещения для себя и своей семьи и расположился там с имуществом и обстановкой.

Я, недостойный автор, сообщаю, что эта его зимняя стоянка теперь называется Иран-Хараб¹⁰²). Повод к такому наименованию тот, что там шахское войско зимою подверг-

тось большим лишением: кайтагцы уничтожили его лошадей и прочее имущество посредством краж и грабежей, а также перебили людей, выходявших из лагеря в одиночку. Поэтому место это прозвали разрухой Ирана. А некоторые объясняют это тем, что мол шах поселился там со своим войском и семьей, уделял мало внимания Персии, а там между тем возникли разного рода смуты, приведшие Иран к разрухе, вследствие чего это место получило название „разруха Ирана“.

Надир-Шах, проведя там зиму, весною в 17-й день мая месяца ¹⁰³⁾ разослал оттуда часть своих войск, а именно: послав часть войска против селений Табасарани, он заставил ограбить их скот и движимое имущество, а селения разрушить и многих людей арестовать. Сам шах, взяв с собой Сурхай-Хана и шамхала Хаспулат-Хана, отправился на Верхне-Кайтагские селения, разрушил также их и даже направил войско для завоевания Кара-Курейша, ставки уцмий Ахмед-Хана, который соорудил там прочные окопы и совместно с отрядом, какой мог собрать, сразился с Надировыми батальонами, причем с каждой стороны было много убитых. Под конец уцмий Ахмед-Хан, взяв семью, бежал оттуда в Аварию, а Надир-Шах разрушил упомянутое укрепление, вызвал к себе оставшихся кайтагцев и посредством наставлений довел их до раскаяния. Потом шах вернулся в Дербент, назначил правителем Дербента куруклинца Магомед-Али-Хана и оставил при нем часть войска. В 1154 (1741) году в 8-й день месяца Канун-второй ¹⁰⁴⁾ Надир-Шах направился из города Дербента в Кубинский уезд, а затем переселился оттуда в Ширван и на Мугань.

Все труды Надир-Шаха за такое продолжительное время пребывания в последний раз в Дагестане пропали даром, так-как после его ухода отсюда вышеупомянутый бежавший в Аварию сын Сурхай-Хана Магомед-Хан, неизвестно откуда, нашел одного иранца с искалеченным носом по имени Сам, вывел его на сцену в Дагестане, пустил слух, что этот Сам сын убитого султана Гусейн-Шаха, что, когда афганцы в Персии убили этого шаха, он спасся бегством, и что теперь Персидское государство должно достаться этому лицу, а не Надиру. Такими предпосылками Магомед-Хан нашел себе сообщников в Аварии и среди дагестанских старейшин, склонил на свою сторону Кази-Кумух; прибыл в Кюринский округ в сопровождении Сама; склонил также местное население и направился в Кубинский уезд. Склонил он на свою сторону также население Кайтага и Табасарани. Тогда дербентский правитель куруклинец Магомед-Али-Хан донес о происшедшем Надир-Шаху, который на

помощь Магомед-Али-Хану послал сюда Гайдар-Хана с частью войск. Жители Ширвана, сообщники Магомед-Хана, преградили дорогу Гайдар-Хану, убили его между Шемахой и Шабраном и разграбили бывшее с ним имущество. При этих обстоятельствах жители Ширвана предложили Магомед-Хану и Саму поскорее явиться в Шемаху и потребить тамошнего назначенного Надиром хана и его отряд. Тогда Магомед-Хан с Самом после осады в течение нескольких дней в Шабранской цитадели Кубинского уезда Надировского хана Устаджаллы Абдал-Хана, истребили его со всем его отрядом, разграбили все его имущество, и Магомед-Хан даже взял себе в жены его дочь, которая стала потом матерью Сурхан-Хана Второго. После того, как Магомед-Хан таким образом приобрел власть в Шабранской цитадели Кубинского уезда, в Кюринском округе возникли волнения среди гарнизона крепости, построенной Надиром-Шахом в селении Кабир на берегу реки, расколовшегося на две партии. Здесь муганцы перебили афшарцев, передали крепость также во власть Магомед-Хана и сами перешли на сторону Магомед-Хана и Сама. Этим самым Кюринский округ освободился от людей, поставленных Надиром, отложился от своего правителя Дербентского хана (Магомед-Али-Хана) и очутился под управлением Магомед-Хана. Магомед-Хан вместе с Самом двинулся из Кубинского уезда в Ширван и с помощью ширванцев завладел новым городом, построенным Надир-Шахом в Аксу. Затем Азербайджанский наместник Ашур-Хан, живший в городе Эривани, донес об этом Надир-Шаху, который был на турецкой границе. Тогда Надир-Шах выслал на помощь Ашур-Хану афшарца Керим-Хана с частью войск, принца Насрулла-Мирзу и афшарца Фатали-Хана с его собственным пятнадцатитысячным войском и приказал им идти и воевать с Магомед-ханом и его сторонниками.

В 1154 (1741) году между ханами, прибывшими в Аксу со стороны Надир-шаха, и сторонниками Магомед-хана и Сама произошло там жестокое сражение, в котором сторонники Магомед-хана и Сама были разбиты и бежали. Магомед-хан был сам ранен в этом бою и вернулся назад. А именующийся Самом (этому Саму раньше, при его выступлении в Азербайджане под видом одного из сыновей султана Гусейна брат Надир-шаха Ибрагим-хан отрезал нос и даровал свободу) на этот раз бежал в Грузию, был там арестован, причем Надир-шах ослепил его на один глаз и освободил; тогда он отправился в Турцию и оттуда вернулся в Грузию с группой сообщников. Из сторонников Магомед-хана и Сама было много убитых, а до тысячи человек целиком со зна-

менем и литаврами пошло в плен в руки сторонников ханов. Упомянутый Фатали-хан дал разграбить город, а также перебил и заточил в тюрьму многих ширванцев, бывших в союзе с лезгинами.

Затем Надир-шах, вернувшись с турецкой границы, принялся за приготовление в окрестностях города Бердаа зимних квартир для поселения войск, делая вид, будто он там расположится на зимовку, но вдруг в зимнюю стужу в 11-ый день января (1742 года) с легкой кавалерией двинулся оттуда в Дербент. Пройдя через город Дербент в 24-ый день того месяца, он при беспечности населения Дагестана разделил свое войско на четыре отряда, отослал каждый отряд в особую сторону, как-то: в Кайтаг, Табасарань, Терекеме и Даргинский округ, награбил, сколько только можно было, овец и прочего скота местного населения, разрушил селения и вернулся в Дербент с множеством крупного и мелкого скота, провианта и пленных. Здесь он с подобающим почетом и милостиво принял явившихся к нему почетных лиц и старейшин, оставил Дербентскому правителю в его распоряжение необходимое войско, а с остальной кавалерией прошел через Табасарань в Кюринский округ, оттуда в Кубинский уезд, далее в зимний лагерь при Бердаа, куда и прибыл благополучно в 5-ый день февраля месяца того года.

После возвращения Надир-шаха из Дербента, в этот четвертый раз, здесь вновь возникли особые события и обстоятельства. Когда Надир-Шах, желая лето провести в Нухинской даче, переселился туда, — это было в 1157 (1744) году, — население нухинское, сделав своим главарем Гаджи Челеби Курбан-оглы, отложилось и восстало против шаха. До завершения шахом каких либо мероприятий в этом деле, между ним и Турцией возникла вражда, отвлекшая внимание шаха в другую сторону, и в этот момент все дагестанские старейшины выразили свою покорность Турции и им даны были государем этой державы, султаном Махмуд-ханом, милостивые грамоты и некоторые пожалования и назначения, в частности следующие: 1) Кайтагскому уцмию Ахмед-хану звание визиря Оттоманской империи, 2) сыну того уцмий Хан-Магомеду — ранг паши, 3) Дженгутайцу Ахмед-хан-беку звание военного инструктора, а также должность шамхала в Дагестане и двадцать кошельков денег¹⁰⁵⁾, 4) Табасаранскому майсуму два бунчука¹⁰⁶⁾ и двадцать туманов денег¹⁰⁷⁾, 5) Табасаранскому кадию два бунчука и двадцать туманов денег, 6) Цахурцу Магомед-беку два бунчука, власть в том владении и некоторое количество денег. Кроме того, вероятно, и другим лицам были даны подобного рода ранги и

назначения, но зафиксированными мы нашли только эти. Турки должны были дать особенно высокие награды Магомед-хану сыну Сурхай-хана, так как он совсем не повиновался Надир-Шаху, и от начала до конца был его врагом.

Население Дагестана полностью отложилось от Надир-Шаха, причем, прежде чем шах мог предпринять карательную экспедицию или какие-либо другие действия, он был убит в Хорасане в 1160 (1747) году в местности Фатхабад, и, как только весть о его убийстве распространилась в Дагестане, все бывшие здесь его сторонники и правители поспешно ушли отсюда. Убийство его произошло при следующих обстоятельствах. В последнее время Надир-Шах, если в какой-либо области было несколько виновных лиц, считал виновной всю область и в несправедливых наказаниях переходил все границы, при чем по ничтожным поводам предавал грабежу имущество населения и вообще везде за пустяшную вину налагал большие наказания, убивал людей и из людских голов строил минареты. Даже своих приближенных, давно служащих, он казнил по недоказанному подозрению и по доносам. Например, по пустому подозрению он счел изменником своего сына Ризакули-Мирзу и выколол ему глаза. Поэтому окружающие его служащие и визири были недовольны его поведением и задумали убить его. Еще до его убийства, однажды во время его выступления из Хорезма в сторону Дагестана, один юноша по имени Никодим выстрелил в него из ружья из-за дерева в чаще и пуля, попав в него, причинила небольшую рану, от которой он выздоровел без дурных последствий. Конечно, этот юноша сделал это не сам по себе, а по распоряжению некоторых старейшин и вельмож. В общем столь недовольные им ханы и придворные в 1160 году в 11-ую ночь месяца Джамадуль-Ахар¹⁰⁸⁾ составили заговор и несколько лиц, решивших убить его, ворвались в его палатку и убили его. Руководителями убийц были Магомед-бек Каджар Эриванский, Муса-бек вождь Афшар-Таримский, Коджа-бек боец Афшар-Орумский и все, кто с ними, а если что упущено, то Бог велик и милостив.

Глава 8-ая.

О событиях в Дагестане после убийства Надир-Шаха до третьего русского завоевания.

Как только по смерти Надир-Шаха его правители и сторонники сами по себе выселились отсюда в Персию, здесь выявились следующие правители:

1) в Нухинском уезде упомянутый выше Гаджи Челеби, сын Курбана, по избранию населения;

2) в Ширване—Гаджи Магомед-Али, сын Суфибенин, тоже;

3) в Баку—Магомед-Мирза-хан, сын Даргах-хана... тоже;

4) в Кубинском уезде, с резиденцией в цитадели Худат—прежний тамошний хан Гусейн-хан, сын Султан-Ахмед-хана, которого Надир-шах женил на дочери уцмий Ахмед-хана. Он по происхождению также из рода уцмий;

5) в Кюринском и Кази-Кумухском округах—Магомед-хан, сын Сурхай-хана, так-как он в последнее время, явившись из Аварии с человеком по имени Сам, завладел этими округами. Отец его Сурхай-хан мирно поселился в селении Катрух и занялся служением аллаху, пока не умер там же;

6) в Южной Табасарани—майсум Муртузали, сын майсума Магомеда, так-как и раньше он владел правами;

7) в Северной Табасарани—Муртузали-Кади, сын Рустам-Кади... и раньше владел правами;

8) в Кайтаге, в виду смерти в том году уцмий Ахмед-хана, уцмием стал его внук Амир-Гамза, сын Хан Магомеда;

9) в Тарки—шамхал Хаспулат-хан, как и раньше был;

10) в Аварии в Хунзахе—Нуцал-хан, сын Умахана, как и раньше был;

11) в Мехтулинском владении—дженгутаец Мехти-бек, сын Ахмед-хана, происхождение коего по одной версии от аварских ханов, а по другой—из рода крымских татарских беков, пришедших сюда раньше;

12) в Дербенте—Мамед-Гусейн-бек, сын Имам-Кули-хана... по избранию общества;

13) в Цахурском магале и в Елису—Гусейн-хан-бек... тоже;

14) в Эндери и Аксайском округе—правители из потомков Султан-мута.

Надир-Шах, в бытность свою в Дагестане, арестовал и выслал в Астрабад правителя селения Буйнак Мехти, сына Муртузали, за то, что он вел себя враждебно по отношению к шамхалу Хаспулат-хану, но когда шах был убит, этот Мехти ушел из Астрабада в Туркестан, оттуда прибыл к калмыкам, собрал себе в помощь войско из калмыков и с этим войском явился в Дагестан. Навстречу ему Хаспулат-хан выслал войско из дагестанцев и между двумя сторонами произошло большое сражение при селении Казанище. С каждой стороны было много убитых, но под конец из дагестанских старейшин добрые люди выступили в качестве посредников, помирили шамхала с Мехтием, которого попрежнему поселили в его Буйнакском владении.

Губернатор Грузии Ираклий-хан, собрав войска из грузин и армян, под предлогом совещания, пригласил в местность около Гянджи Гянджинского хана Шахверди-хана, Карабагского Пенах-хана, Карадагского Кязим-хана, Эриванского Гусейн-хана и Нахичеванского Гайдар-Кули-хана, всех их арестовал и начал высылать их в Тифлис. В это время поднялась тревога, население этих областей и вышеупомянутый Гаджи-Челеби со своим отрядом из Нухинского уезда собрались и дали грузинам и армянам большое сражение в местности, называемой Кизил-Кая, в расстоянии получасового пути от Гянджи, и освободили арестованных ханов. В этом сражении с обеих сторон пало много людей. Грузинский губернатор, собрав большое войско, прибыл также и в Джарский район и захотел вновь вернуть в христианство из ислама енгилотцев, ставших в прошедшие годы из грузин мусульманами. Тогда население Джарского района, а также прочие дагестанцы и нухинский гаджи Челеби со своим отрядом собрались и жестоко сразились с грузинским губернатором на левом берегу реки Канык-чай. С обеих сторон было много убитых, но грузины были разбиты и вернулись к себе.

В 1155 (1742) году кубинский хан Гусейн-али-хан, собрав в этом уезде войско, послал его со своим сыном Фатали-Ага в Сальян, причем этот Фатали отнял это владение у тамошнего Ибрагим-хана Ордубадского и путем завоевания стал там правителем.

В 1157 (1744) году кубинский хан Гусейн-али-хан умер, а сын его Фатали-Ага, посредством завоевания ставший в Сальяне правителем, стал ханом в кубинском уезде вместо отца, а также ханом в Сальяне, причем прозвище его стало Фатали-хан. С этого момента во многих местах будут указываться события с участием этого хана. В Кюринском округе у многих имеются из него послания и письма, из коих видно, что он был человек очень обстоятельный, сведущий и занимавшийся стихотворчеством. На его перстне изображено:¹⁰⁹⁾

Предназначили божьи святые скрижали

Развернуться в сражениях знаменам Фатали.

К числу стихотворений, написанных им в конце жизни, относится следующее:

„Красивая жизнь потрачена, жаль, что в невежестве.

Все, что осталось, потратится теперь в раскаяньи.

Не доверяйся влечению к черному локону:

это риск, о сердце.

Будучи беспечно, не ставь себя в разбитое состояние.

Щедрость предвечного создает положение,

А жалкий муравей хвастает своим соломонством.
 Выразить свою печаль мне мешает смущение лица,
 И я не знаю, что сказать. Ох, эта растерянность!
 Дыхание свежего ветерка дает духу свежесть,
 Ведь оно проникло утром в душистость гиадинта.
 Не всякий теперь ищет перлов поэзии.
 Так не открывай ты, певец, сокровенных уст для
 разбрасывания драгоценности¹¹⁰⁾“.

В 1172 (1758) году дербентское общество, будучи недовольно поведением Мамед-Гусейн-хана Имам-Кули-хан-оглы, избранного ими после убийства Надир-Шаха, отстранило его и вручило звание дербентского хана упомянутому Фатали-хану, так что к нему перешло вместе с кубинским и сальянским владениями и дербентское ханство.

Между тем Кази-Кумухский хан Магомед-хан, сын Сурхай-хана, с лезгинским войском отправился отсюда в Нухинский край в Арешский магал, сговорился с тамошним беком по имени Мелик-Али и повел войско на Нуху. И бывшего в Нухе правителем вместо умершего Гаджи Челеби, сына его, Ага-Киши-бека он вызвал к себе под предлогом совещания и убил. Там Магомед-хан насильно выселил из дома Агакиши-бека девицу, которая была раньше засватана им, и со всем ее имуществом и богатством послал в Елису и, наконец, выдал ее замуж за елисуйца Алхас-бека. Сам он (Магомед-хан) поселился в городе Нухе, причем, местное население было очень недовольно его притеснениями. Под конец племянник Агакиши-бека Гусейн-Ага, сын Гасан-Аги, бежал из Нухи в Дербент и обратился за помощью к Фатали-хану. Тогда Фатали-хан, собрав войска в Кубинском уезде, послал их с Гусейн-Агой в Нухинский уезд, после чего нухинцы, объединившись с последними, выгнали Магомед-хана с его сторонниками из Нухинского уезда, так-что тот вернулся в Кази-Кумух. В Нухинском уезде правление Магомед-хана продолжалось не более сорока дней, а после его изгнания, ханом в Нухе стал упомянутый Гусейн-Ага.

Ставший в городе Дербенте, в Кубинском владении и в Сальянах ханом, — Фатали-хан происходит с отцовской стороны из рода уцмиев Кайтагских, а мать его тоже дочь уцмиев Ахмед-хана. Когда ему досталась власть в Дербенте, он усиленно стал укреплять узы родства с уцмием Кайтагским Амир-Гамзой и для этого женился на сестре уцмиев Амир-Гамзы Тути-бике. Уцмий Амир-Гамза через некоторое время также захотел жениться на сестре Фатали-хана Хадиджа-бике. Но так-как Хадиджа-бике раньше

была засватана бакинским Мелик-Магомед-ханом, сыном Гаджи Мирза-Магомед-хана Первого, то желание уцмиев Амир-Гамзы не было удовлетворено. По этой причине уцмий Амир-Гамза поссорился с Фатали-Ханом и бакинским Мелик-Магомед-Ханом и при последовавших затем событиях предпринял меры, чтобы отомстить им. В частности, в то время, как Фатали-хан поехал из Дербента в Кубинский уезд, уцмий Амир-Гамза собрал значительную конницу из населения Кайтагского округа и прибыл с нею в город Дербент. Явившись повидать бывшую там свою сестру Тути-бике, он под этим предлогом проник со своим отрядом в дербентскую цитадель Нарын-кала, захватил там всю домашнюю обстановку, пушки и прочее оружие Фатали-Хана и объявил, что он прибыл, найдя возможным управлять Дербентом и дербентское общество должно повиноваться ему. Тогда жена Фатали-Хана, т. е. сестра уцмиев Амир-Гамзы, Тути-бике, сбежала от брата и посредством упреков склонила городское общество на свою сторону и не позволила им повиноваться уцмиев Амир-Гамзе. В результате Фатали-Хан, собрав в Кубинском уезде войско, явился и осадил Дербентскую цитадель. Затем уцмий Амир-Гамза защищался бывшими в цитадели пушками и ружьями в течение трех дней, а потом с захваченным в цитадели движимым имуществом ночью вышел из ворот, называемых Чарчи, и со своим отрядом вернулся в Кайтаг, а Фатали-Хан поселился в городе Дербенте.

Фатали-хан, видя, что с одной стороны Магомед-Хан, сын Чулак-Сурхай-Хана, ставший силой ханом в Кази-Кумухе и Кюринском округе, стал ему врагом, а с другой — уцмий Амир-Гамза, сблизившись с Табасаранскими майсумами и кадиями, настроен против него, Фатали-хана, очень враждебно, предпринял различные шаги, чтобы подружиться с шамхалом и даргинцами, и усилил свое влияние там. В частности, он привязал к себе даргинских старейшин щедростью и увещаниями, всегда брал их куда хотел и с их помощью долгое время благоприятно осуществлял свои желания. В то же время Фатали-Хан склонил на свою сторону двоюродного брата Кази-Кумухского Магомед-Хана по имени Ильдар-Бек и возвысил его, назначив своим наибом в городе Дербенте. Этот Ильдар-Бек был очень храбрый человек.

В 1181 (1767) Фатали-Хан вступил в союз с Нухинским Гусейн-Ханом и они сговорились, собрав подвластные им народы, двинуться на Ширван, завоевать это владение и разделить между собой. Когда затем отсюда Фатали-Хан со своими сторонниками, а из Нухинского уезда Гусейн-Хан

со своими сторонниками двинулись на город Шемаху, правившие там два брата Магомед-Саид-Хан и Агаси-Хан, собрав сколько могли людей, приготовились сразиться с ними. Но Фатали-Хан и Гусейн-Хан обманули упомянутых местных ханов и под предлогом переговоров пригласили их к себе. Агаси-Хан отправился к Гусейн-Хану, а Магомед-Саид-Хан к Фатали-Хану. Тогда Фатали-Хан арестовал прибывшего к нему Магомед-Саид-Хана, немедленно по этапу отправил его в Дербент и там велел посадить в тюрьму. А Гусейн-Хан выколол глаза пришедшему к нему Агаси-Хану, выслал его с семьей на берег Куры и поселил в местности под названием Кутван. Затем Фатали-Хан и Гусейн-Хан завоевали и разделили между собой Ширванское владение. Но через некоторое время Фатали-Хан отнял у Гусейн-Хана его долю. Тогда слепой Агаси-Хан и выколовший ему глаза Нухинский Гусейн-Хан, заключив на этот раз союз, решили предпринять меры, чтобы отнять Ширван у Фатали-Хана и для этого привлекли в свой союз часть населения Ширвана. Для этого также они обратились за помощью к хану Аварского владения. На основании соглашения, из Аварии из селения Хунзах выступили в Ширван сыновья хана Пулач и Магомед-Мирза с собранным среди своего народа войском, а также Нухинский хан Гусейн-Хан и сообщник его слепой Агаси-Хан двинулись также в Ширван со своими сторонниками, собранными в Нухинском уезде. Против них Фатали-Хан со своим войском выступил на границу своих владений и приготовился к битве. С обеих сторон некоторые лица взялись за посредничество, и кое-как уже налаживался мир, как вдруг в это время другая группа лиц послужила причиной возникновения битвы и между ними произошло сражение. С каждой стороны было много убитых, в том числе были убиты оба сына Аварского хана Пулач и Магомед-Мирза, а их люди бежали обратно. Гусейн-Хан и Агаси-Хан, потерпев поражение, бежали—Гусейн-Хан в Нухинский уезд, а Агаси-Хан в свое местожительство на берегу Куры под названием Кутван и там успокоился.

Параграф первый.

В то время в Южной Табасарани некто по имени Шихали-бек Мирза-оглы из рода майсумов того района убил майсума Муртузали, сына майсума Магомеда и стал помогать майсумства вместо него. Но уцмий и кадий с прочими старейшинами Табасарани, сговорившись, явились и назначили там майсумом немого сына убитого майсума Муртузали Норузбека, а его мать Ханум-бике Карахан-бек-

кызы назначили опекуном этого немого, при чем эта женщина на правах поверенной своего сына очень хорошо исполняла обязанности майсума. Убийца майсума Шихали-бек бежал из Табасарани к Фатали-Хану и стал под его покровительство.

Параграф второй.

В 1187—(1773) году шамхал Хаспулат-Хан умер и в виду отсутствия детей, оказывается, оставил завещание, чтобы после него шамхальство было передано сыну его сестры Буйнакскому правителю Муртузали, сыну Мехти, сына Муртузали. Но сын брата того шамхала, Казанинский правитель Магомед, известный под прозвищем Беззубый, получил помощь от уцмий Амир-Гамзы, Аварского хана Нуцала сына Умахана и правителей Эндерийских. Силами народа, собранного ими, Беззубый Магомед низложил Муртузали с должности шамхала, выгнал из Тарки и сел на место шамхала, получив прозвище Тишсиз-шамхал. Но по прошествии около месяца Фатали-Хан и акушинские народы помогли Муртузалию, силой отставили Беззубого шамхала и поселили в Тарки Муртузалию в должности шамхала, так-как в те времена стало адатом в Дагестане назначать шамхалов всегда соответственно мнению акушинского народа¹¹¹).

Параграф третий.

В 1188—(1774) году Аварский хан—Хунзахский житель Нуцал-Хан сын Умахана, собрав большое войско, приготовился идти войной на Ширванское владение ради мести Фатали-Хану за убитых в вышеупомянутой Ширванской битве сыновей хана по имени Пулач и Магомед-Мирза. В союз с Нуцал-Ахном также вступили проживавший на берегу Куры и бывший раньше в числе Ширванских ханов вышеупомянутый слепой Агаси-Хан с народом, какой мог собрать. И вот, когда Фатали-Хан был в отъезде в Карабаге, Нуцал-Хан и Агаси-Хан пошли и завладели Шемахой. Но Фатали-Хан подготовил большую силу, собрав войско среди Кубинского и Дербентского населения, попросив помощи у бакинского хана Мелик-Магомед-Хана и призвав его с войском в Ширванские пределы. Также по просьбе Фатали-хана о помощи много народу даргинского отправилось в Ширван и присоединилось к Фатали-хану. Между двумя сторонами произошла жестокая битва выше старого города; в тесной местности, причем группы, собранные слепым Агаси-ханом, бежали вместе с ним, а Нуцал-хан с отрядом, прибывшим с ним из Аварии, сильно и стойко оборонялся, но под конец был разбит и попросил Фатали-

хана обеспечить безопасность. Фатали-хан обещал ему безопасность, приостановил сражение, пригласил его к себе в палатку, сел с ним и начал мирно разговаривать. В той же палатке был и бакинский хан Мелик-Магомед-хан. Затем бывшие около палатки даргинцы сделали знак Фатали-хану, позвали его к себе и стали настаивать на необходимости как-бы то ни было убить здесь Нуцал-хана. Фатали-хан тоже дал на это позволение и они тогда окружили палатку, вывели оттуда Мелик-Магомед-хана, а Нуцал-хана убили. Из его отряда большинство было убито, а остальные бежали и вернулись на родину.

Параграф. касающийся Гаудушавской битвы.

Когда в Ширване при вышеупомянутых обстоятельствах был убит Аварский хан Нуцал-хан, то дагестанские эмиры оговорились за это пойти войной против Фатали-хана и назначить его. А именно: Кайтагский уцмий Амир-Гамза, Казикумухский хан Магомед-хан, Казанишский правитель Тишсиз-Магомед, который, пробыв в должности шамхала около одного месяца, в свое время лишился этой должности благодаря Фатали-хану, и Табасаранские правители, собрав сколько могли войска, стянули их к берегу Самура, чтобы пойти на Кубинский уезд. Фатали-хан, собрав в Кубинском уезде войско, также выступил им навстречу. И вот в 1188 (1774) году в Кубинском уезде в степной местности, под названием Гаудушан, встретились обе группы; произошло жестокое сражение, с каждой стороны погибло много людей, причем группа Фатали-хана была разбита и рассеяна. Этот хан с частью людей бежал оттуда и, не будучи в силах даже задержаться в Кубинском уезде, ушел в Сальнское владение. Кази-Кумухский Магомед-хан завладел Кубинским уездом и начал там осуществлять ханскую власть. Здесь был убит Казанишский правитель Тишсиз-Магомед, тело коего уцмий Амир-Гамза перевез оттуда с почестями и доставил в Казаниш. Также был убит здесь наиб Фатали-хана Кази-Кумухский Ильдар-бек. Убит был также состоявший при Фатали-хане Табасаранский Шихари-бек.

Уцмий Амир-Гамза-бек, возвращаясь с трупом Тишсиз-Магомеда, распустил слух, будто убит был там Фатали-хан, и что это его труп. Под таким предлогом уцмий Амир-Гамза, подойдя к Дербенту, хотел войти в город и завладеть им. Но его сестра Тути-бике, жена Фатали хана, узнав, что ее муж жив, и что уцмий Амир-Гамза подобно прежнему хочет хитростью войти в Дербент, велела запереть Дербентские ворота, подготовила общество и остававшихся служащих к битве с уцмием Амир-Гамзой и обнаружила муже-

ство в деле защиты крепости. Амир-Гамза, после того как сразился с ними и доставил в Казаниш тело Тишсиз-Магомеда, собрал некоторое конное войско и двинулся оттуда на Баку. Так как бакинский хан Мелик-Магомед-хан со своими силами, засев в крепости, оборонялся стойко, то уцмий Амир-Гамза ничего не мог сделать; отбил табун лошадей и прочий скот Мелик-Магомед-хана и из общественного скота то, что вне города попало в руки и вернулся в Кайтаг.

Примечание: Разбитые в Гаудушанской битве кубинцы и прочие сторонники Фатали-хана, среди огорчений, причиненных им потерями, оказываются, утешались и были довольны смертью навшего с их стороны дербентского наива казикумухца по имени Ильдар-бек, так как это был человек, постоянно бывший причиной втягивания народа в подобные распри и кичившийся своей храбростью, так что один кубинец сказал тогда: „В Гаудушане наше войско было разбито, но все же смерть Ильдара стоит тысячи туманов“. Это выражение, соответствовавшее создавшемуся настроению, стало общей притчей в народе.

Параграф пятый.

Фатали-хан во время бегства из Гаудушана отправил из Шабрана бывшего с ним дербентца Мирза-бека Баятского в Россию, к тогдашней русской императрице Екатерине Второй, просить помощи у той державы. Потом через некоторое время Фатали-хан тайком от состоявшего ханом в Кубинском уезде Магомед-хана Казикумухского прошел из Шабрана через Мушкюрский магал и прибыл в Дербент. И вот кубинское население узнав, что Фатали-хан жив, здоров, вернулся в Дербент и собирает силу, начало постепенно отдаляться от бывшего в Кубинском уезде Магомед-хана и обнаружил ему неповиновение, так что и сам Магомед-хан увидел близость перемены, выпел из Кубинского уезда и добровольно вернулся в Кюринский округ и Кази-Кумух.

В 1189 году Гиджры, 1775 христ. эры, из России на помощь Фатали-Хану прибыл в Дербент отряд войска с генерал-майором Медем. Фатали-Хан, собравший также свое войско, и этот генерал со своим войском отправились в Сторону Башлы и сразились там с уцмием Амир-Гамзой. сторона уцмия Амир-Гамзы была разбита и бежала, причем с обеих сторон много людей погибло, а у побежденной стороны отняты были скот и вещи. Оттуда Фатали-Хан пошел с войсками на Терекемейские селения, разрушил их и разграбил их имущество. Потом, вернувшись в Дербент, Фатали-Хан повел те войска в Кюринский округ, рассеял войска, собранные там Магомед-Ханом, и разграбил много имущества в селениях того края. Затем Фатали-Хан отправился с теми войсками в Табасаранский округ; сразился с табасаранцами в местности под назва-

нием Калук, разбил их и, собрав там также добычу, вернулся в Дербент. Наконец, после упрочения Фатали-Хана в землях, бывших под его властью, упомянутый генерал со своим русским войском вернулся из Дербента в Кизляр¹¹².

После ухода этого генерала, Фатали-Хан обрадовал уже семь лет сидевшего в Дербентской тюрьме Магомед-Саид-Хана, выпустил его на свободу, а также перевел его брата Агаси-Хана с Куры в Ширван, вернул им Ширванское владение, поселил Агаси-Хана в Алвенде, а Магомед-Саид-Хана в Аксу, но с условием подчиняться Фатали-Хану. Также Фатали-Хан много старания приложил, чтобы установить хорошие взаимоотношения с прочими дагестанскими правителями.

Параграф, касающийся ограбления Ардебилля и Гянджи.

Кайтагский уцмий Амир-Гамза, собрав из своих людей и прочих дагестанцев до трех тысяч конницы, прошел через Дербент, Кубинский уезд и Ширван и двинулся на город Ардебиль. Перебив горожан, выступивших на защиту общества, он велел разграбить город, а потом с имуществом и обильной провизией повернул оттуда на Гянджу. Точно также разграбив город Гянджу и перебив там людей, оказывавших сопротивление, он отправился в Нухинский уезд, оттуда прибыл по Ахтинской дороге, прошел через Кюринский округ и Табасаран и вернулся в свое владение. Население чужих владений по дороге вместо сопротивления оказывало ему из-за страха почет и внимание.

Параграф седьмой.

Чтобы обезопасить себя со стороны уцмий Амир-Гамзы, Фатали-хан посредством какого-то одолжения заставил его племянника по имени Хан-Магомед отвернуться от него и сделал его покорным себе. Из Кубинского уезда Фатали-хан переселил сто раятских семейств, поселил их в местности в расстоянии трех фарсахов от города Дербента и дал поселению название Хан-Мамед-Кала. Поселив там с ними упомянутого Хан-Магомеда, он создал на территории уцмий Амир-Гамзы силу вроде охранного пункта для себя. И также одолжениями Фатали-хан переманил на свою сторону сына осуществлявшего ханскую власть в Казикумухском и Кюринском округах Магомед-хана по имени Шахмардан-бек, так как Магомед-хан больше, чем Шахмардан-бека, любил другого своего сына — Сурхай-хана второго, рожденного дочерью Аюдал-хана и на этой почве Шахмардан-бек был настолько недоволен отцом, что, отделившись от него, отправился к Фатали-хану и вступил

в союз с ним. Тогда Фатали-хан передал этому Шахмардан-беку селения Гюнейского магала, относившегося раньше к Кубинскому уезду и магалы Кабирский и Кутуркюринский, относившиеся к Дербентскому владению, так что таким образом Фатали-хан между собою и Магомед-ханом сделал его сына Шахмардан-бека укрепленной преградой и обезопасил с его стороны свою границу.

Параграф, объясняющий убийство немого Майсума.

Как выше было сказано, в Южном Табасаране, после убийства майсума Муртузали, его немой сын по имени Новруз-бек был назначен майсумом, и его мать Ханум-бике Карахан-бек-кызы, став поверенной своего сына, хорошо управляла его владением. Но в 1190 (1776) году Ханум-бике умерла, и один из родственников майсума Али-Кули Саил-оглы, под предлогом исполнения службы, пришел к немому майсуму и в один из дней убил его и двух его сыновей. Этот Али-Кули убийца захватил власть майсума силой. Когда же к нему присоединились лица, связанные с ним предшествовавшим соглашением, этот убийца укрепился в управлении. Этому Али-Кули помог также кадий Северного Табасарана Рустам-Кадди. Но двоюродные братья Али-Кули, сыновья Шихали-бека, Мамед-Гусейн-бек, Зохраб-бек, Шамхал-бек и Мустафа-бек отправились к Фатали-хану в надежде на его помощь в этом случае, в виду гибели их отца на его службе в Гаудушанской битве, и просили его дать им майсумскую власть, отняв ее у Али-Кули. Через некоторое время Фатали-хан под каким-то предлогом зазвал майсума Али-Кули в Дербент, арестовал его там и отправил в Сальян. Затем, вступив с войском в Табасаран, он вручил власть майсума старшему по возрасту из четырех братьев Мамед-Гусейн-беку и поселил его в селении Джараг, причем после его смерти майсумом стал брат его Зохраб.

Пояснение. По преданию отцов и дедов известно, что поставленные над мусульманами в Табасаранском округе майсумы и кадди, а после них их потомки, осуществляли управление, живя в одном селении, но в последнее время, когда они, живя в селении Хучни, управляли по соглашению, среди них произошел раскол и табасаранский народ, собравшись, выселил оттуда майсумов в селение Джараг, а каддиев в селение Зиль, причем, разделив также страну, вручил северную часть каддиям, а южную майсумам и установил между ними мир.¹¹³

Параграф относительно отправки Фатали-ханом войска из Дагестана в Гилян.

После смерти Надир-шаха, лет тридцать Персидское царство находилось под управлением некоего Керим-хана Зенда, который, назвавшись титулом поверенного иранского

населения (векил), соответствующим образом управлял страной. Но после его смерти там возникли распри из-за власти, причем, из числа лиц, выступивших с притязанием на власть, Ага Магомед-хан Каджар приобрел влияние и силу и победил некоторых своих противников. Один из числа последних, правитель Гиляна Гидаятулла-хан, в 1194 (1780) году, прибыв в Кубу, попросил помощи у Фатали-хана для возвращения Гилянского управления, отнятого у него Ага-Магомед-ханом. На этом основании Фатали-хан собрал из своих людей до девяти тысяч человек войска и послал их с дербентцем Мирзабеком Баятским в сопровождении Гидаятулла-хана в его владение. Водворив его там в столичном его городе Реште, Мирзабек с взятым им войском вернулся назад.

Параграф десятый.

В 1199 (1785) году, когда по смерти дагестанского шамхала Муртузали должность шамхала перешла к его младшему брату по имени Магомед, Фатали-хан, подружившись с этим шамхалом Магомедом и желая больше сблизиться с ним, засватал его дочь по имени Гичи-бике за своего сына Ахмед-ага. В 1201 (1787) году невеста была привезена в Дербент с полным почетом и бракосочетание супругов состоялось при больших пиршествах. В этом году удмий Амир-Гамза умер и Кайтагское удмийство досталось его брату по имени Устар-хан.

Параграф одиннадцатый.

В Аварии занимавшие место хана раньше назывались прозвищем нуцал, а в последнее время упоминаются и известны под титулом хан. С момента распространения ислама и до двенадцатого (18-го) века они особой храбрости или подвигов не выявили, но с этой даты ими проявлены преобладающая сила и влияние. Так, племянник, он же свояк убитого в Ширване Нуцал-хана, по имени Умахан, будучи ханом в Аварии, на все края имел политическое влияние. (По поводу имени Умахана и этого же имени других лиц из их рода, некоторые передают, что Умахан взято от имени Омар-хан, как искажение в употреблении. Я считаю это толкование правильным, так-как в Дагестане искажения бывают часто и даже имя Магомед употребляется в форме Мухама). Этот Умахан искал случая и готовился отомстить Фатали-хану за своих убитых при прошлых событиях дядю Нуцал-хана и ханских сыновей по имени Пулач и Магомед-Мирза. Хотя Фатали-хан из арестованных им раньше Ширванских ханов Магомед-Саид-хана и его брата слепого Агаси-хана вернул туда и поселил в их владениях, но они не

были на положении самостоятельных правителей, а были вынуждены управлять под властью Фатали-хана. Так вот однажды, когда Фатали-хан поехал в Ширван и поселился в городе Акеу, упомянутый Умахан отправился с войском св оим из Аварии и окружил тот город. Фатали-хан, оказавшись, также предпринял свои меры предосторожности, так что, хотя в течение девятимесячной осады между ними произошло неопределенное число сражений, победа не доставалась ни одной стороне, и в конце между ними состоялось т а м соглашение, чтобы Умахану оттуда вернуться и не вражд^{но} вать больше с Фатали-ханом и чтобы Фатали-хан кроме уп^д аги ему там имущества и денег, уплачивал ему ежегод^{но} доходы с Сальянского владения. Точно также Фатали-хан должен был выдать за него замуж свою дочь Пери-Джихан-ханум. Неизвестно сколько имущества и денег досталось там Умахану от Фатали-хана и досталось-ли ему потом что-нибудь из Сальянских доходов, но известно, что дочь Фатали-хана не стала его женой, так-как вследствие малолетия этой засватанной Пери-Джихан-ханум Фатали-хан-кизы в тот момент ее замужество не было возможно, а потом ее судьба решилась не с Умаханом, а на ней женился в 1211 (1796) году уже после смерти Фатали-хана шамхал Мехти.

Когда Фатали-Хан таким образом избавился от Умахана, он доподлинно узнал, что привел его из Аварии дело рук поселенных им в Ширване Магомед-Саид-Хана и его брата слепого Агаси-Хана, которые и помогли ему. Поэтому Фатали-Хан арестовал этих двух ханов с двумя сыновьями каждого, всех их шестерых послал арестованными в Баку и там велел их убить. Из остальных их ширванских родственников кроме некоторых, спасшихся бегством в Карабаг, прочих он преследовал разными притеснениями и истязаниями. Между прочим, он ослепил и пустил даже трех оставшихся в живых сыновей убитого слепого Агаси, не считая двух его сыновей, убитых с ним. И вот, когда Фатали-хан такими разного рода насилиями подверг преследованию этот род (который назывался Ал-серкяр) и другие роды, то те бежали оттуда к хану Нухинского уезда Магомед-Гасан-хану сыну Гусейн-хана и просили его помочь им сорвать злобу на Фатали-хане. Так как Фатали-хан причинил кое-какие неприятности и отцу Магомед-Гасан-хана, разбил его несколько раз и потому он был также зол на Фатали-хана, то Магомед-Гасан-хан написал по этому поводу письмо Дженгутайскому правителю Али-Султанбеку, сыну Мехти-бека, с просьбой о помощи и этот правитель с конницей, сколько мог собрать в Дагестане, отпра-

вился в Нухинский уезд, вступил с Магомед-Гасан-ханом в союз, двинулся с ним и с его войском в Ширван и они осадили Фатали-хана в городе Аксу. Но Фатали-хан, отстояв город с наличным там войском, попросил помощи у дагестанского шамхала. Шамхал на помощь Фатали-хану выслал в город Аксу с войском своего сына по имени Мехти. И вот в Аксу между ними произошла жестокая битва, причем, сторона Магомед-Гасан-хана и Дженгутайского правителя Али-Султана была побеждена и рассеяна. Магомед-Гасан-хан бежал оттуда в Нухинский уезд, а Али Султан, благодаря заступничеству Мехти, сына шамхала, избавился от смерти и плена и здоровым вернулся на родину. Но из его отряда много людей пострадало в качестве погибших и увечных, а также из отряда Магомед-Гасан-хана многие погибли и претерпели.

Параграф, касающийся выступления Фатали-хана с войском на город Ардебиль в качестве претендента на персидский трон.

В 1202 году Гиджры (1788) Фатали-хан, собрав из своих людей какое-то войско и взяв с собой правителей владений Талышинского, Муганского и Шахсеванского, приготовился двинуться в Ардебильский уезд. Цель его заключалась в том, чтобы, явившись туда и подготовив в том краю себе помощь, захватить власть в Иране и взять в свое владение это царство, ставшее спорным после смерти Зенд Керим-хана. С этой целью Фатали-хан склонил в том вопросе на свою сторону всех бывших у Иранских границ правителей, старейшин и разные племена, причем, хотя Карабагский хан Ибрагим-хан, полагаясь на неприступность населенных пунктов своего владения, и не вступил с ним в союз, но стесняки из состава подчиненных ему обществ покорились Фатали-хану и вступили с ним в союз. Фатали-хан также пригласил на совещание тогдашнего грузинского правителя Ираклий-хана и тот послал к Фатали-хану от себя и своего рода некоего Садык-бека, через посредство коего и он стал союзником в этом деле. (Садык-бек происходил из рода грузинского правителя, а так-как девятый его предок во время господства иранских шахов принял ислам, то он был мусульманином по происхождению). Также и нухинский хан Магомед-Гасан-хан, раскаявшись в прошлых войнах с Фатали-ханом, помирился с ним и тоже стал с ним союзником в этом деле. Он через свою жену (сестру Фатали-хана) даже пригласил Фатали-хана в Нуху в гости и вступил с ним в полное соглашение. В заключение Фатали-хан с большой толпой, какую мог собрать, двинулся из Нухи в гор. Гянджу, причем тамошний хан Джавад-хан

сын Шахверди-хана Зияд-оглы, из рода Каджар, вместе с вельможами своего владения встретил Фатали-хана на берегу Куры с почетом, привез его и оказал ему большое внимание в Гянджинской цитадели. Оттуда Фатали-хан взял его с его отрядом, встретился у Шамхора с грузинским правителем Ираклий-ханом и они в тайном свидании довершили свои совещания, после чего нашли необходимым несколько отсрочить предполагавшийся поход и признали целесообразным предварительно войти посредством писем в соглашение также на иранской территории с карадагскими и тавризскими заправилами и с гялянским правителем по имени Гидаят-хан, который когда-то просил помощи у Фатали-хана. И Фатали-хан вернулся оттуда в Ширван и весьма усердно занялся подготовкой необходимых для дела мероприятий. Однако решение Аллаха иначе осуществилось: он тогда заболел какою-то затяжной болезнью, переехал оттуда в Баку, поселился у бывшей там своей сестры, после чего в 1203 (1789) году в 23 день марта месяца там отправился в вечность, будучи в возрасте пятидесяти четырех лет.

В том же году умер и казикумухский хан Магомед-хан и ханом в казикумухском и кюринском округах стал его сын Сурхай-хан второй. Этому хану было присвоено также прозвище „Хан-бутай“ и „Кумбутай“ и в некоторых документах он упоминается под этими именами. Причина наименования та, что он был тезкой своему дедушке Сурхай-хану и потому его называли Хан-бутай, что означает — дедушка-хан. Называли также кумбутай, что означает — большой дедушка, так-как по казикумухеки кун значит — большой, а бутай — дедушка.

После смерти Фатали-хана его старший сын Ахмед-ага стал вместо него ханом под именем Ахмед-хан. Но как только власть перешла к этому Ахмед-хану, три брата из ширванского населения, бежавшие когда-то в Турцию, Аскербек, Касум-бек и Мустафа-бек явились к нухинскому хану Магомед-Гасан-хану, взяли у него войско и завладели Ширваном, причем, Магомед-Гасан хан послал и свое войско во главе со своим поверенным, родственником Манаф-беком, сыном Гаджи Мамедали-хана. Затем завоеванное владение Магомед-Гасан-хан дал разделить между упомянутыми лицами и устроил соглашение на том, чтобы Манаф-бек завладел городом Аксу, а три брата остальной территорией Ширвана, причем, сам Магомед-Гасан-хан, прибыв туда, лично распорядился этими делами и вернулся в Нухинский уезд.

Как только Магомед Гасан-хан вернулся оттуда, те три брата и прочие их родичи, называвшиеся Ал-серкяр, сговорившись, убили поселившегося в Аксу Манаф-бека и на его место назначили от себя Аскер-хана, сына Магомед-Саид-хана. Тогда Магомед-Гасан-хан в гневе на них предложил Ахмед-хану, сыну Фатали-хана, выступить с войском своим на Ширван с этой стороны, а что сам он выступит со своим войском со стороны Нухинского уезда и потом они вернут управление страной Ахмед-хану. Положившись на это, Ахмед-хан, сын Фатали-хана, собрал много народу из дербентцев, кубинцев и прочих дагестанских лезгин и двинулся в Ширван. Также прибыл туда из Нухинского уезда Магомед-Гасан-хан со своим войском. Эти союзники Ахмед-хан и Магомед-Гасан-хан осадили бывшего в городе Аксу Аскер-хана с его отрядом и прижали его. Но Аскер-хан собрал там около пяти тысяч туманов денег, роздал эти деньги через тайных посредников главарям бывших там лезгин в качестве взятки, и те вернулись оттуда, выдвинув там несколько дней, то все погибнут от болезни лихорадки. Вернулся также Магомед-Гасан-хан. Наконец и Ахмед-хан вернулся в Кубинский уезд и через некоторое время умер, причем на ханство вступил его младший брат тринадцатилетний Шихали-хан, а делами управления ведали его правители и министры.

В 1206 (1792) году умер Кайтагский уцмий Устар-хан, и на его место из его родственников уцмием стал Алибек, сын Амир-Гамзы.

Аскар-хан, ставший ханом в Аксу после убийства Манаф-бека и отвлекший от себя войска такую большую взяткой, ханствовал полтора года. Потом общество его отставило и сделало ханом его брата Касум-бека. Отставленный Аскер-хан бежал к Нухинскому хану Магомед-Гасан-хану, просил у него помощи, но там и остался. Однако, через некоторое время общество Аксу, обиженное также Касум-ханом, пожелало отставить его и назначить другое лицо, но Касум-хан послал оттуда в Дагестан к шамхалу Тарковскому человека и письмо с просьбой о помощи и шамхал послал в город Аксу для охраны Касум-хана своего сына по имени Шахбаз-бек с значительным войском. Тогда Касум-хан сильно притеснил общество, насильно дал в гости в жительство дома всадников, прибывших от шамхала, велел обществу оплачивать их расходы и этим оттолкнул от себя население. Поэтому, как только сын шамхала со своим отрядом вернулся оттуда, все общество, сговорившись, отставило Касум-хана и сделало себе ханом другого его бра-

та Мустафа-бека. Отставленный Касум-хан бежал оттуда в Кубинский уезд и поселился здесь.

Параграф тринадцатый.

В 1207 (1793) г. казикумухский и кюринский хан Сурхай-хан второй вступил в соглашение с упомянутым Мустафа-ханом и Арешским повелителем Шахабудином и они решили отнять Нухинский уезд у тамошнего Магомед-Гасан-хана и разделить его между собой. По этому соглашению три союзника двинулись на Нухинский уезд с отрядами, какие смогли собрать, но Магомед-Гасан-хан, собрав для себя войско из нухинского населения и джарских лезгин, разбил тех правителей поочередно и заставил их удалиться оттуда. Когда Сурхай-хан вернулся в свое владение, а Мустафа-хан в свое владение, Магомед-Гасан-хан особенно притеснил Арешского султана Шахабудина и принудил его покориться ему. Даже когда тот, отказавшись от своего владения и отправляясь на богомолье, приехал в город Нуху, Магомед-Гасан-хан велел там его убить.

Параграф четырнадцатый.

Вышеупомянутый Касум-хан, который бежал в Кубинский уезд, обратился за помощью к кубинскому и дербентскому хану Шихали-хану для отнятия у его брата Мустафа-хана его владения. Тогда Шихали-хан сделал соответствующее предложение нухинскому хану Магомед-Гасан-хану и вовлек его в это предприятие, так что в назначенное между ними время Магомед-Гасан-хан со своим войском из Нухинского уезда, а Шихали-хан с упомянутым Касум-ханом и своим войском из Дагестана отправились в Ширван и осадили в городе Аксу Мустафа-хана с его отрядом. Но время этой осады затянулось, и в то время случайно выпало много дождей, так что войска вне города подвергались лишениям и начали сами расходиться. В то же время из отряда Мустафа-хана из числа осажденных в городе лиц правитель Сагдарского магала Омар-Султан с некоторой своей частью сделал вылазку и рассеял бывшие там войска. После того как обе стороны понесли значительные потери, Магомед-Гасан-хан и Шихали-хан вернулись к себе домой, а Касум-хан переселился с семьей и на границе между Кубинским и Нухинским уездами устроил себе жилище, где и поселился со своими приверженцами.

В 1209 (1795) году умер Катагайский уцмий Алибек и на его место на уцмийство был назначен¹¹⁴⁾ Рустам-хан, сын Султана, сына Магомед-хана, сына Ахмед-хана. Этот Рустам-хан имел прозвище Мамай.

Глава 9-я.

О событиях после Русского овладения Дагестаном в третий раз до третьего их ухода.

Как выше было упомянуто, после смерти Керим-хана Зенда, иранское царство стало оспариваться и из числа помогавшихся его вождей Ага-Магомед-хан Каджар, сын Мамед-Гусейн-хана, побеждал остальных претендентов. Этот Ага-Магомед-хан завладел постепенно Ириком, Фарсистераном, Табаристаном и Гилянском, создал некоторую силу и еще до покорения остальных провинций Ирана и завершения своего шахства двинулся с наличными силами на Грузию и Карабаг. В Карабаге он осадил крепость Цаххабад (Шушинскую пидатель) и после месячного нажима на осажденных взял ее, а затем, после дачи жителям этой страны распоряжений, какие нашел необходимыми, двинулся оттуда на Тифлис в 12 день сентября месяца 1210 (1795) года¹¹⁵). Учинив ряд насилий в форме хищений, грабежей и убийств, он опустошил город, а потом, вернувшись оттуда, основал зимнюю стоянку в Муганской степи и со всеми войсками поселился там. В это время на основании предложений, объявленных им населению прочих уездов и областей, правители и старейшины Дербента, Кубы, Нухинского уезда и Баку различного рода письмами и посланиями выявили ему свою солидарность и начали являться к нему и посылать представителей. Но нухинский Магомед-Гасан-хан пожелал доложить о своей солидарности с Ага-Магомед-ханом, раньше враждовавшего с ним ширванского Мустафа-хана и, спешно послав к нему некоего Гаджи-Сеид-бека в качестве своего представителя, рассчитывал получить от него благорасположение и покровительство. Между тем, Гаджи-Сеид-бек вероломно стал обвинять Магомед-Гасан-хана и жаловаться Ага-Магомед-хану и разозлил его. А ширванский хан Мустафа-хан, видя, что Магомед-Гасан-хан раньше него заявил Ага-Магомед-хану о солидарности, испугался, что Ага-Магомед-хан, выяв Магомед-Гасан-хану, погубит его и воздержался от повиновения ему. Потом, когда Ага-Магомед-хан послал на Ширван с войском своего наместника Каджар Мустафа-хана, Магомед-Гасан-хан взял свое войско и вступил в распоряжение этого наместника. Однако, когда наместник пошел на город Аксу, увидел, что Ширванский Мустафа-хан вывел тамошнее общество на гору Фет и укрепился. Наместник тогда велел разграбить имущество, оставшееся в городе, отправился оттуда в Агдашский магал, а оттуда в Хачмазский магал и стал отдыхать там в селении Теркеш

со своими войсками. В этих походах наместник никакой службы Магомед-Гасан-хану не поручал и не оказывал ему внимания. Причиной были обвинения Гаджи-Сеид-бека. Когда Магомед-Гасан-хан, подстав таким образом под всякие интриги, обнаруживал растерянность, брат его Селим-бек, который раньше был в бегах от него в Дагестане, собрал войско среди Джарских лезгин, пришел и завладел городом Нухой. Начав с ним войну, Магомед-Гасан-хан потерпел поражение и бежал из Нухинского уезда, причем Селим-бек велел убить семерых его сыновей. Потом Селим-бек переселил жителей города Нухи в местность под наименованием Гелесен-Гюресен¹¹⁶) и построил там окопы и укрепления. Затем Магомед-Гасан-хан явился к наместнику Каджар Мустафа-хану и просил его помощи в этом деле, но наместник арестовал его и велел выколоть ему глаза. В качестве причины он объявил, что такой приказ последовал от Ага-Магомед-хана. Потом наместник выслал слепого Магомед-Гасан-хана в таком состоянии в Тавриз в качестве арестанта. Далее наместник Мустафа-хан, оставив там большую часть войска, решил с двумя-тремя сотнями людей на время поехать к Ага-Магомед-хану, и, когда он выступил в путь, на него напали жители Ширвана, убили его и также перебили большинство бывших с ним людей. Из них некоторые уцелевшие отправились и сообщили Ага-Магомед-хану о происшествии. Также и оставшееся в Хачмазском магале его войско выступило обратно и вернулось в свой лагерь. Среди этих волнений, при растерянности народов, в Дагестан вступили сухим путем войска Российской державы под главным командованием наместника по имени граф Зубов. Поводом к приходу их было то, что главари Грузии пожаловались ее величеству Российской императрице Екатерине Второй на насилие, совершенные Ага-Магомед-ханом и просили у нее помощи и защиты. И вот, в 1211 (1796) году, когда эти войска из России достигли пределов Дагестана, дербентский и кубинский хан Шихали-хан послал к Ага-Магомед-хану дербентца Хизирбека, сына Гаджи-бека, и просил его прибыть сюда и прислать помощь, но Ага-Магомед-хан, не дав ему ответа, взял свое войско и перебрался из Мугани в Тегеран. Тогда шамхал тарковский Магомед-хан, кайтагский удмий Рустам-хан и табасаранский кадий Рустам-кади, выразив покорность русской державе, оказали шедшим оттуда войскам помощь и содействие. Между прочим, когда к Дербенту подходила войсковая часть под командой генерала Савельева, они присоединились к ней и оказывали ей необходимые услуги. Этот генерал остановил свое

войско в местности на расстоянии около восьми фарсахов от города Дербента и оттуда послал в Дербент к Шихали-хану парламентаров с предложением покориться власти Российской державы. Но Шихали-хан послал с этими парламентарями ответ, что он с ними готов сразиться. Затем в 11-ый день февраля месяца 1211 (1796) года русское войско двинулось на город Дербент с северной стороны, стало его обстреливать из пушек, нападать на него с той стороны и затянуло осаду его на многие дни. В то же время хан казикумухского и кюринского округов—Сурхай-хан второй, собрав из своих людей до двадцати тысяч конных и пеших лиц, явился с ними на помощь Шихали-хану. Потом упомянутый генерал Савельев увидел, что с той стороны посредством такого наступления взять город невозможно, и ночью второго числа апреля месяца того же года тайком снялся оттуда, ушел на Дарвах-чай и расположил там свое войско. В последний день того же месяца и сам граф Зубов с прочими русскими войсками, какие были при нем на лицо, прибыл и расположился на той же реке Дарвах-чай. На следующий день, когда они оттуда двинулись в сторону Дербента, некоторое количество конных из дербентцев и пришедших к ним на помощь лезгин выступило из города наружу и начало сражение с русскими. Но когда русские казаки напали на них они бежали и вошли в город, а ворота заперли, причем ввиду прочности городских стен русские не смогли войти туда. Лишь при содействии Рустам-кади генерал Булгаков с русским войском до десяти тысяч человек перебрался по Дарвахскому ущелью через леса по перевальной дороге и того же года в третий день мая месяца направил войско на город Дербент с южной стороны. Между тем, когда защитники башен северной стороны перешли на южную сторону, русское войско, штурмовавшее крепость с северной стороны, захватило с той стороны одну башню, причем, из бывших там людей большинство было убито, а остальные бежали в город. Четвертого числа того же месяца, когда русские войска произвели натиск на город одновременно с южной и северной сторон и причинили горожанам потери артиллерийским и ружейным огнем, те с просьбой о мире послали к наместнику Хизирбека Гаджи-бек оглы Корчи в качестве своего поверенного. Тогда наместник приостановил военные действия и приказал, чтобы Шихали-хан и дербентские старейшины явились к нему. Те явились и наместник их арестовал, а остальное общество успокоил. Но прибывший туда с войском Сурхай-хан, видя, что дербентское население вынуждено просить мира, вернулся от-

туда со своими людьми в кюринский округ. Завладев, таким образом Дербентом, наместник граф Зубов пробыл в городе шесть дней, причем, назначив там правительницей дочь Фатали-хана, Пери-джихан-ханум, наместник приказал, что дербентское и кубинское ханство передается ей во власть. Из дербентских старейшин десять человек наместник арестовал и послал в Астрахань. Назначив для охраны Дербента генерала Савельева с некоторым отрядом, наместник с остальными войсками двинулся оттуда в Кубинский уезд и туда же взял с собой Шихали-хана в качестве поднадзорного арестованного. В расстоянии половины фарсаха от города Кубы наместник остановился на возвышенности на три дня для отдыха войск, причем старейшины города и жители прочих селений явились к наместнику с выражением покорности и встретили мирное отношение русских войск. Между тем, Шихали-хан среди русских войск сел на лошадь под предлогом кататься, делал вид, как будто гоняет ее туда-сюда и вдруг поскакав, убежал оттуда в Будук, оттуда в Кяриз, затем отправился в Самурский округ и поселился в селении Миксинджа. Так как этот округ тогда еще не был захвачен русскими, то его там приняли. В Кубинском уезде наместник оставил генерала Булгакова с пятью тысячами солдат для охраны округа, а сам с остальным войском двинулся на Баку. Тогда бакинский хан Гусейн-Кули-хан, сын Гаджи-Аликули-ага, со старейшинами города вышли навстречу наместнику и выразили ему покорность. Наместник оставил там хана у власти, оставил из войска сколько нужно было для охраны города, а сам оттуда двинулся на Ширван. В это время ширванский хан Мустафа-хан значительное число своих людей переселил на гору Фет и с ними укрепился там. Но другой его брат Касум-хан, который в свое время бежал от Мустафа-хана и поселился между Нухинским и Кубинским уездами с семьей и частью своих приверженцев, явился оттуда, выразил наместнику покорность и наместник назначил его ханом в Ширванском владении. Мустафа-хан, не будучи в силах удержаться на горе Фет, отправился оттуда в Карабаг к Ибрагим-хану и там с ним укрылся, причем Мустафа-хану внимание и помощь оказал сын тамошнего хана Магомед-Гасан-ага.

Правительница Дербента и Кубы Пери-джихан-ханум вызвала к себе в Дербент своего брата Гасан-ага, который жил в Елису у своих дядей по матери, послала его в Ширван к наместнику и попросила наместника назначить его в Кубинский уезд ханом. На этом основании наместник назначил Гасан-агу на должность хана Кубинского уезда,

оказал ему внимание и пожаловал ему от государства Российского перо с драгоценными камнями, так что Гасан-ага переселился в Кубу и начал управлять страной. Но Шихали-хан поехал из Самурского округа к казикумухскому и кюринскому хану Сурхай-хану с просьбой о помощи и решил взять его с войском в Кубинский уезд и восстановить самому там в прежней своей ханской должности. Поэтому Сурхай-хан, собрав из своих людей до десяти тысяч народу, отправился с ними в селение Алпан, находящееся в расстоянии полутора фарсахов от города Кубы. Это было в 1211 году Гиджры. Пребывавший в гор. Кубе генерал Булгаков выступил оттуда с тысячью солдат, прибыл в селение Алпан и здесь между ними произошел крепкий бой, причем, после того как с обеих сторон было много убитых, русское войско было разбито, и генерал оттуда вернулся в город. Но на следующий день генерал выступил оттуда с более значительным отрядом, снова сразился с Сурхай-ханом, разбил его и, завладев селением Алпан, разрушил и сжег его. В этих боях вместе с генералом Булгаковым был также Кубинский хан Гасан-хан на службе у Российской державы. Шихали-хан и Сурхай-хан бежали оттуда обратно в кюринский округ.

В связи с этим генерал Булгаков приготовился к походу на кюринский округ для наказания Сурахай-хана и также предложил шамхалу Магомету, уцмию Рустам-хану и Рустам-кадию, чтобы и они выставили из своих людей войско и выслали его на берег Самура для движения оттуда на кюринский округ совместно с русским войском. Шамхал Магомет с значительным отрядом выслал туда своего сына Мехти-бека, а уцмий и кадий сами явились туда со своими отрядами. Генерал Булгаков с русским отрядом из Кубы, кубинский хан Гасан-хан и собранное им из своего народа войско—все явились на берег Самура и организовали движение против кюринского округа. В это время Сурхай-хан объявил генералу, что он покорится Русскому государству, а после того восставать не будет. И вот бывшие здесь правители и вожди все помогли Сурхай-хану в этом отношении, постарались успокоить генерала на его счет, даже вызвали туда Сурхай-хана и заставили его присягнуть, что он будет повиноваться России. Благодаря этому те войска разошлись мирно.

Между тем Шихали-хан выехал из кюринского округа и скрылся в сторону Нагорного Дагестана.

В это время, как наместник граф Зубов таким образом завоевал многие места Дагестана, прошел через Ширван в Грузию, оправдал надежды их (т. е. грузин. Пер.), покори-

рил также Гянджинский район и распространял в этих краях могущество русской державы, императрица Екатерина Вторая скончалась в 6-й день ноября месяца 1211 (1796) года, и трон русский перешел к ее сыну Павлу первому, сыну Петра третьего. Тогда изменилось руководство государственными делами и от царя последовал приказ не вмешиваться в дела, могущие вызвать войну с Персидской державой, и чтобы граф Зубов вернулся с Кавказа со своими войсками. На этом основании в 1212 (1797) году упомянутый граф выехал из Грузии в Баку, а оттуда со своими войсками морем вернулся в Россию. Также и бывший в Кубе генерал Булгаков отправился с бывшими при нем войсками в Дербент и с тамошним генералом Савельевым и его русским отрядом перебрался сухим путем в Кизляр.

Глава 10-я.

О происшествиях после ухода русского войска в третий раз из Дагестана до появления Каджарской державы и прибытия русских войск сюда в четвертый раз:

Как только совершился уход из Дагестана русских войск, как указано было выше, положение в Дагестане снова подверглось переменам. Дербентская правительница Пери-джихан-ханум, собрав все богатство, оставшееся от ее отца Фатали-хана, вышла замуж за Мехти-бека, сына шамхала Магомедата. Бывший в Кубе ханом Гасан-хан выехал оттуда в Кайтаг и поселился у уцмий Рустам-хана, так-как его мать Гурзаде происходившая из рода Елисуйских владетелей, вышла после смерти его отца Фатали-хана замуж за уцмий Рустам-хана, и вот Гасан-хан, переехав туда, поселился у своей матери. Шихали-хан, выехав из казикумухского округа, поселился в Дербенте и вступил в права хана Дербента и Кубы. В том же 1212 году Гиджры (1797) Ага-Магомет-хан, предпринимавший сюда поход раньше, став теперь Ага-Магомет-шахом, вступил с войсками своими в Карабагский уезд. Как только он с войском до ста тысяч переправился через реку Аракс, карабагский хан Ибрагим-хан бежал в Джарский район, а город Шуша и другие Карабагские владения без труда попали в руки шаха. Его происхождение и обстоятельства восшествия на шахский престол таковы.

Ага-Магомет-шах, сын Мамед-Гусейн-хана, происходит из племени Каджар. Племя это прибыло в Персию из Туркестана одновременно с Тамерланом и сначала поселилось у окраин Армении. Здесь они оказали большое содействие Сефевидской династии получить власть в Персии и пото-

му при персидских султанах из этой династии Каджарское племя пользовалось уважением и почетом и было водворено в Астрабадское владение, причем на службе тех султанов всегда бывали лица из этого племени, занимавшие должности ханов и министров. И вот в царствование Надир-шаха они были в таком почете и отец Ага-Магомед-хана Мамед-Гусейн-хан был в числе его высших военачальников. Но получивший после Надир-шаха власть в Персии Керим-хан Зенд убил Мамед-Гусейн-хана, а его сына, упомянутого Ага-Магомед-хана, переселил в столичный город Шираз и держал при себе. Хотя он и оказывал ему внимание и ласку, все-таки Ага-Магомед-хан не был обольщен его лаской, не забыл казни своего отца и кое-как проводил время, выжидая милости судьбы. И вот как только Керим-хан смертельно заболел, Ага-Магомед-хан с несколькими приверженцами выехал из Шираза, прибыл в Мазандеран, предусмотрительно совершил поездки в астрабадские поселения, склонил на свою сторону свое племя, а потом другие племена и понемногу приобрел большую силу. После смерти Керим-хана, Ага-Магомед-хан пошел войной и рассеял претендентов на власть в Персии вроде его (Керим-хана. Пер.) сына Лютфали-хана и ему подобных прочих и лишил их надежды на власть. И вот, покорив своей власти город Тегеран и его прилегающие земли и завоевав, как упомянуто в девятой главе, Грузию, он двинулся в Хорасан, завоевал его, а затем собрал в Герате ценности и сокровища, оставшиеся от Надир-шаха, и в 1211 году Гиджры (1796), надев корону персидского государства, принял титул шаха.

В 1212 (1797) году этот шах, завладев, как указано выше, Карабагом, послал своего наместника Аликули-хана с большим войском на Ширван и завладел им, причем, хан Ширвана Касум-хан покорился ему. Также явился к шаху и заявил ему о своей покорности Мустафа-хан, который при русском наместнике графе Зубове бежал на гору Фет, а оттуда в Карабаг. Точно также бакинский хан Гусейн-кули-хан и гянджинский эмир Джавад-хан явились к нему и выразили покорность. Но в то время, как эти три хана (Мустафа, Гусейн-Кули и Джавад), поговорив с некоторыми опальными и не зная, что именно от шаха последует в результате их ходатайств, терялись между страхом и надеждой, шах был убит утром и в 11-ый день июля месяца 1212 (1797) года, причем убийцами были двое, а по другой версии—трое слуг, опасавшихся, что за кое-какие провинности они будут шахом казнены. В общем, как только это случилось, его слуги и некоторые вельможи разбежа-

лись, захватив что могли из его драгоценных камней, а некоторые бежали в Иран, даже ни на что не взирая¹¹⁷⁾. Однако остальные военачальники и вельможи собрались у бывшего там некоего по имени Садык-хан и действовали по его распоряжению, причем, сын Карабагского хана Абульфет-ага и несколько ученых и вельмож с полными почестями перевезли тело шаха в Персию. Там наследник престола, племянник его¹¹⁸⁾ Баба-хан, сын Гусейн-Кули-хана, получил царство Иранское и был назван именем Фетали-шах. Возраста Ага-Магомед-шах достиг 63 лет.

Когда осуществилось такое решение судьбы, персидские войска вернулись из Карабага и Ширвана в Иран, а в наших краях по-прежнему произошли разного рода перемены. Из них одна заключалась в том, что хан Нухинского уезда, которого при первом вступлении Ага-Магомед-шаха в Карабаг его наместник арестовал, ослепил и выслал в Тавриз, каким-то образом освободился там, явился в Ширван, создал здесь себе помощь, отправился с ней в Нухинский уезд и вновь стал ханом в своем владении. Бывший там другой брат его Селим-хан бежал оттуда в Карабаг. Далее, до возвращения бакинского Гусейн-Кули-хана, отправившегося в лагерь Ага-Магомед-шаха, его противник Мирза Магомед-хан второй, который убежав от него, жил в Кубе, явился оттуда с войском, завоевал Баку и вступил в должность хана. И вот Гусейн-Кули-хан после своего возвращения оттуда вступил с ним в соглашение и они поделили между собой владение, причем, Гусейн-Кули-хан поселился в городе Баку, а Мирза-Магомед-хан второй—в крепости Мапшката и на этом оба должны были удовлетвориться.

Также в Сальянском уезде, который раньше был владением Фатали-хана, но был отнят у его преемников, владетелем стал путем завоевания один вождь по имени Магомед-хан Рудбадский.

Также Мустафа-хан Ширванский, вторично завоевав свое владение, отнял ханскую власть там у своего брата Касум-хана, а Касум-хан бежал оттуда в свое прежнее место жительства. Также в 1213 (1798) году на людях в ширванском владении появилась сильная чума, много народу погибло, при чем эта болезнь особенно свирепствовала в городе Аксу и население оттуда переселилось в окрестности.

Также дербентский и кубинский хан, Шихали-хан, собрав из своих людей, а также посредством найма из даргинцев до четырех тысяч войска, вторгся в Сальянское владение и отнял его у упомянутого Магомед-хана Рудбад-

ского. Но Шихали-хан, причинив там разные притеснения народу, а в благословенном месяце Рамазане совершив ряд грехов, восстановил против себя население и вернулся. И вот, как только он вернулся оттуда, население того владения обратилось с просьбой к Ширванскому Мустафа-хану и сделало его своим ханом. Мустафа-хан вошел в соглашение с бывшим там раньше ханом Рудбадским Магомет-ханом и его племянниками и разделил владение с ними, причем город Сальяны он переселил с прежнего места примерно на четыре фарсаха выше и основал там новый город.

Также казикумухский и кюринский хан Сурхай-хан второй, собрав из своих людей большое войско, двинулся и начал завоевывать Кубинский уезд. Сам он стал в селении Куллар, а сына своего Нух-бека послал оттуда ночью с значительным войском в город Кубу, причем они обманули горожан, будто этот прибывший военачальник есть прежний кубинский хан Гасан-хан, сын Фатали-хана, проживавший в Кайтаге. Поверив этому сообщению, горожане ввели их ночью в город, и тогда Нух-бек объявил им себя и вступил в управление. И вот, пробыв там у власти около полутора месяцев, живя таким образом Нух-бек там, а отец его Сурхай-хан в ~~Кулларе~~ они затем вернулись в свои владения по следующей причине: Шихали-хан, попросив помощи у шамхала и вызвав путем найма даргинцев, стянул в Кубинский уезд до десяти тысяч народу, отправился с ними против кюринского округа, сразился с Сурхай-ханом в местности, называемой мельницей Салаха, разбил и рассеял его войско. После того как с обеих сторон погибло много лиц, Сурхай-хан со своими приверженцами бежал оттуда в верхние магалы, а Шихали-хан дал разграбить имущество и баранту кюринских селений, расположенных ниже Кабира, причинил их жителям много вреда и потом повернул войско из кюринского округа и увел его с собой в Кубинский уезд. Так как он не смог полностью дать этому войску плату, которую должен был дать согласно предшествовавшего словесного договора, то оно осталось в Кубинском уезде в течение шести месяцев. Шихали-хан распределил воинов среди населения Кубинского уезда в качестве гостей на содержании, причем они там, куда приходили, требовали от хозяев хорошего угощения, а после еды притесняли жителей, говоря „а теперь дайте нам плату за работу зубов“, т. е. требуя еще и платы. Под конец Шихали-хан восемь тысяч человек из того войска удовлетворил из средств кубинского населения и своих и отправил их на родину, после чего остальных

две тысячи человек он обещал удовлетворить сам из Дербентских доходов; прибыл с ними в Дербент и роздал дербентцам этих две тысячи леагин в качестве гостей. Когда же они и здесь, принимая от хозяев угощение, стали требовать от них плату за работу зубов, дербентское население возмутилось и чуть не дерзнуло начать войну с ними и с Шихали-ханом, но хан с большим трудом расплатился с этими двумя тысячами лиц и отправил их на их родину.

Также в 1214 (1799) году, когда Шихали-хан выехал в Кубинский уезд, казикумухский и кюринский хан Сурхай-хан второй вызвал бывшего в Кайтаге его брата Гасан-хана и сделал его ханом в Дербенте, причем дербентские старейшины, ввиду их недовольства Шихали-ханом, оказали новому хану большие почести. Но среди дербентских старейшин, собравшихся вечером в квартире нового хана, из-за чего-то возникло столкновение, и баятский Султан-бек убил курчинского Хизирбека, а этот убитый успел своего убийцу ранить кинжалом. На следующее утро новый хан в присутствии общества казнил этого раненого убийцу в порядке возмездия.

Однако Шихали-хан, собрав среди кубинского населения своих приверженцев, попросив также помощи у шамхала, а также вызвав по найму народ через даргинских старейшин, окружил Дербент большим войском, причем у дербентского населения не было союзников кроме табасаранского кадия. И вот после осады, продолжавшейся в течение двенадцати дней, Шихали-хан увидел, что завладеть Дербентом невозможно, распустил свое войско и вернулся оттуда в Кубинский уезд. По прибытии туда, хан там сильно заболел, причем распространился ложный слух будто он в Кубе умер. Услыхав эту весть, казикумухский и кюринский хан Сурхай-хан с некоторым своим войском поспешно двинулся в Кубинский уезд, чтобы завладеть им. Он даже разогнал кубинское войско, собранное в селении Аник, и поселился в том селении. Но здесь Сурхай-хан, достоверно узнав, что Шихали-хан жив, и что болезнь его сменяется здоровьем, вернулся на этот раз в кюринский округ, так как подготовка его не была закончена. Снова организовав большие силы и взяв с собой дербентского хана Гасан-хана, а также дербентских жителей, Сурхай-хан вторично вступил с войском в Кубинский уезд в селение Зизик, откуда он предполагал двинуться на город Кубу и завладеть им. Так как Шихали-хан, хотя и избавившийся от болезни, но неспособный двигаться вследствие слабости и не имевший возможности собрать войско,

был беспомощен и растерялся, то жена его Зибиниса-бегим, дочь бакинского Гаджи-Мелик-Магомед-хана, написав от себя письмо Сурхай-хану и послав ему кое-какие подарки, просила его оказать ей отеческую милость, возвратиться оттуда к себе, простить прошлые дела и тем осчастливить мужа ее Шихали-хана. На этом основании Сурхай-хан ушел оттуда со своим войском в дюринский округ, а Гасан-хан отправился в Дербент.

Однако Шихали-хан, выздоровев после той болезни, на зло бывшему ханом в Дербенте брату своему Гасан-хану явился с некоторым отрядом из Кубинского уезда и выслал всех жителей девяти селений Улусского магала, подвластного дербентскому хану, со всем их движимым имуществом в Кубинский уезд, так что у дербентского хана не осталось населения кроме как в самом городе.

Глава 11-я.

О событиях, случившихся после прихода русских войск в Дагестан в четвертый раз и возникновения Каджарской державы до момента заключения между этими державами Гюлистанского мира.

В 1215 году Гиджры (1800) умер правитель Грузии Георгий-хан и князья этого владения нашли полезным ради избавления себя от чужеземных вторжений стать под протекторат Российской державы. Поэтому они отправили послов к русскому императору Павлу первому, сыну Петра третьего с таким ходатайством. И вот в 1216 году Гиджры, 1801 христ. эры, в 18-й день января месяца последовал приказ этого императора о принятии владения Грузии под защиту Русской державы. Правителем туда был назначен генерал-лейтенант по фамилии Кнорринг. Между тем, тот император умер, а его сын Александр Первый вступил на престол царства Российского и постарался принять меры к выполнению упомянутого приказа своего отца. Затем, когда упомянутый генерал, прибыв в Грузию, начал благожелательно управлять тем владением, остальные ¹¹⁹⁾ дагестанские владетели, сочтя также это дело хорошим, пожелали стать под протекторат Российского государства. Из их числа дербентский хан Гасан-хан, сын Фатали-хана, назначил дербентца по имени Гаджи-Таги уполномоченным своим и дербентского общества отправиться к императору Российской державы и ходатайствовать перед ним о принятии их под протекторат. Также и хан Кубинского уезда Шихали-хан, сын Фатали-хана, назначил для этой цели уполномоченным своим и кубинского населения кубинца по имени Мирза Аскера. Также и хан города Баку Гусейн-Кули-хан за себя и за общество уполномочил на это дело

бакинца по имени Мирза-Хади. Хан Талынского уезда Мир-Мустафа-хан за себя и за общество уполномочил на это дело своего секретаря. Точно также шамхал тарковский Мехти-хан, улмий кайтагский Рустам-хан, табасаранский кадий Рустам-кади и аварский хан Умахан—все они, назначив своих уполномоченных, послали их с вышеупомянутыми уполномоченными к русскому императору Александру первому сыну Павла первого просить у него протектората для них. И вот император оказал этим уполномоченным милость и внимание и обещал осуществить указанное их желание, а также, написав ответы тем владетелям приказал, чтобы они имели терпение, жили спокойно и, друг с другом ладили.

После восшествия на престол императора Александра первого, сына Павла первого, в течение около двух лет Грузия была под управлением упомянутого генерала Кнорринга, а остальной Дагестан и владения Кавказа прожили, довольствуясь управлением своих вождей. Однако после этих двух лет упомянутый генерал был отставлен от грузинского владения и туда от Российского государства в качестве правителя был послан грузин по происхождению, проживавший в России, генерал-аншеф князь Цицианов, который получил на Кавказе прозвище Золотая нога. Относительно причины этого прозвища рассказывают, будто одна нога его вследствие укуса собаки была отрезана и ее замена была сделана из золота. Этот князь управлял Грузией очень хорошо; с остальными старейшинами Кавказа и Дагестана проявлял стремление сдружиться и его влияние в этих краях увеличивалось со дня на день. Даже кубинский хан Шихали-хан, действуя по его совету, прибыл на берег реки Самур, чтобы помириться со своим братом дербентским ханом Гасан-ханом, причем, с этой стороны Гасан-хан тоже отправился туда, и они встретились и помирились. Потом каждый из них вернулся к себе и зажил спокойно. Но в 1217 (1802) году дербентский хан Гасан-хан умер от болезни, и власть в Дербенте снова перешла к Шихали-хану ¹²⁰⁾.

В том же году бакинский хан Гусейн-Кули-хан нарушил соглашение, заключенное им раньше со своим двоюродным братом Мирза-Магомед-ханом вторым, отнял у него доставшуюся ему по тому соглашению крепость Машвата и нефтяные источники и между ними возникла вражда. Поэтому Мирза-Магомед-хан с семьей и домочадцами выехал из Бакинского владения, прибыл в город Кубу и поселился здесь. Также аварский хан, хунзахский Умахан в том году, собрав войско из аварцев, отправился в Грузию, разграбил

и разорил Гюмишхане, отправился оттуда в Акстафу и в тех краях собрал скота и вещей сколько мог. На возвратном пути с имуществом и лошадьми, отнятыми у жителей встреченных по пути селений, прибыл в город Гянджу, там также награбил много вещей и отправился к своему зятю карабагскому Ибрагим-хану. Отправившись вместе с ним на город Нахичевань и завладев им, упомянутый Умахан потом ушел оттуда в Джарское владение, где и умер.

Удивительная вещь.

Хотя Аварские ханы в прежние времена не имели возможности приобрести исключительное могущество и силу, однако в эпоху вышеупомянутого Умахана могущество его в Дагестане было велико. Грузии от него досталось много бедствий и стеснений и под конец правители этого владения заключили с ним соглашение, по которому взамен оставления их в покое, они ему обязаны были ежегодно уплачивать пять тысяч рублей денег, а он их не будет огорчать хищениями и грабежами. В этих соглашениях они правили много лет, а потом, когда Грузия вошла в протекторат России, Умахан также в одно время как бы выразил покорность этой державе и стал ежегодно получать от русского государства эту сумму как жалование за оставление Грузии в покое. Этим, однако, он не ограничивался и под конец, как упомянуто выше, подверг опустошению Грузию, Карабаг, Гянджу и Нахичевань. По поводу такого беспокойного его поведения, один карабагский поэт составил поэму, в которой говорит, имея его в виду:

Тверже булата душа лезгина.

Никто не дорожит кровью лезгина.

Восемнадцать тысяч численность лезгина.

Не устоит Багдадская стена.

Смирно сиди, жена!

Не болтай много,

Надейся на Бога... 121)

Однако, когда в его эпоху появился известный проповедник шейх Мансур, а по версии дагестанцев—имам Мансур, начавший распространять шариат в Чечне и склонять местное мусульманское население к покорности Турции, и захотел по примеру чеченского округа также и в Дагестане осуществить свои цели, то Умахан стал против него и не позволил аварскому народу слушаться его. Я даже сам нашел среди старых книг в Дагестане одно написанное Умаханом упомянутому шейху Мансуре письмо, коего длинное изложение составляет следующую суть: Уважаемый имам шейх-Мансур... Ты предлагаешь мне и дагестан-

скому народу, чтобы, подобно населению подчиняющихся тебе чеченских районов, и отсюда народы пошли в Крым сражаться с русскими, чтобы послужили мусульманской религии. Но сила русского государства велика. Люди, выступающие войной против них, должны в противовес той силе по меньшей мере обладать организацией, необходимой для самоуправления. Как гласит высокодостойный коран: „и воййте с ними, когда это можете по силе“ и т. д. Однако, у дагестанского населения вовсе нет силы и организации. Не будучи в состоянии даже себя здесь содержать, они в течение четырех-пяти дней совершают походы в Грузию, с незначительными усилиями исторгают оттуда добычу и поспешно возвращаются. Такого рода уловками они живут здесь. Но известно, что подобные действия перед русской державой не достигнут цели и станут причиной гибели для дагестанцев. Поэтому в твоём деле я не могу быть тебе союзником“.

Сведения об упомянутом имаме Мансуре.

Этот шейх Мансур в 1199 (1785) году в эпоху султана Абдул Гамид-Хана был послан Турецкой державой в Чеченские и Дагестанские округа, чтобы отсюда склонить и привлечь мусульман к священному выступлению на войну, возникшую в те времена в Крыму между Турцией и Россией. Будучи и сам человеком весьма выдающимся ученостью и благочестием, он приобрел широкое влияние в Чечне и большое уважение и известность среди народа в Дагестане, как это обнаруживается из призывных писем и стихотворений, оставшихся в книгах с того времени. Из них я нашел на полях одного старого сборника следующее:

Пришел, мусульмане, к нам свет этим летом.

Не стройте иллюзий о мире вы этим.

Ведь в тысячу сто девяносто девятом

Имамом открыто явился Мансур.

Пришел правоверным здесь всем он на радость,

Его отвергающим будет он в тягость,

Проявит суда он загробного святость.

Имамом открыто явился Мансур.

Но, как выше изложено, Аварский хан Умахан, допуская здесь лишь переписку с ним, препятствовал народу к нему присоединиться, также как и шамхал Тарковский, Казикумухский и Кюринский хан Магомед-Хан и его сын Сурхай-Хан. Под конец упомянутый шейх Мансур в Крыму в битве у крепости Анапы попал в плен к русскому войску и был выслан в Петербург. Оттуда он был сослан в заточение в Соловецкий монастырь, где и окончил свою жизнь.

Возвращение к предыдущему.

По смерти Умахана остался его брат чанка (т. е. чья мать не бекша) по имени Гебек, который захотел жениться на его жене Китлиля-бике, дочери Нуцал-Хана, и стать ханом в Аварском владении. Но эта бекша, будучи и раньше враждебно настроена к упомянутому Гебеку, велела убить его, а потом пригласила в Хунзах Мехтулинского хана Султан-Ахмед-Хана, вышла за него замуж и сделала его там ханом. А в его прежней должности в Мехтулинском владении стал управлять брат его Гасан-Хан по распоряжению упомянутого брата.

В 1218 (1803) году при управлении Грузией князя Цицианова, Гянджинский хан Джавад-Хан, сын Шахверди-Хана Зияд-оглы, тайно заявив персидскому государству о своей покорности, начал вредить Грузии и велел ограбить тифлиских купцов. Поэтому князь Цицианов, собрав грузинское войско, двинулся на город Гянджу. Тогда Джавад-Хан сначала дал бой вне крепости, но потом, не устояв там, бежал в крепость, после чего князь Цицианов окружил крепость своим войском и после жестокой битвы завладел ею, причем он казнил там упомянутого Джавадхана с его детьми и большинством его отряда. При этом событии название Гянджи было заменено именем тогдашней императрицы и городу присвоено было название Елизаветполь.

Затем князь Цицианов, в виду беспокойного поведения джарцев, послал туда для их наказания генерал-майора Гулякова с некоторым войском. Но, когда этот генерал шел туда, джарские лезгины в тесной плохой местности сразились с ним, убили там его, при чем с обеих сторон много людей было убито, а уцелевшие из его отряда вернулись к князю Цицианову.

Далее, оставшийся без прав после смерти грузинского правителя Ираклий-хана сын его Александр Мирза, отправившись в Персию, заявил шаху о своей верности, а потом, явившись оттуда в Грузию, начал выводить народ из повиновения России. При этих обстоятельствах сын шаха Абас-Мирза с большим войском вступил в Эривань и в Карабаг и предпринял завоевание Грузии. И вот князь Цицианов с бывшим при нем русским войском и с грузинами двинулся на Эривань и, сразившись около Учкиса, в местности Кирхбулах, разбил войска сына шаха. После больших потерь с обеих сторон, войска сына шаха повернули обратно. Однако великий визирь шаха Мирза-Шафи, услышав, что защитник Эриванской крепости Магомед-Хан Каджар стал боятся русских, свиделся с ним и посред-

ством наставлений и ласкового обращения побудил его серьезно заняться обороной Эриванской крепости. Так что, когда князь Цицианов предпринял штурм этой крепости, упомянутый хан обнаружил способности в обороне крепости, причем, не смотря на вывальные старания, какое только возможно было в продолжительной осаде и в нападениях, князь не смог ее взять и в 1220 году Гиджры, 1805 г. хрис. эры, вернулся в Грузию. Между тем Александр-Мирза, сын Ираклий-Хана, разослав письма и посредников ко всем дагестанским вождям, к кабардинскому народу и к прочим соседним племенам с просьбой о помощи и содействии, ввел их войска в Грузию, чтобы они освободили ее из под власти России и вручили ему. Соединившиеся таким образом союзники напали на границы Грузии, отрезали пути в Россию и повсюду подняли знамя восстания и смуты. Но князь Цицианов терпением и разумными мероприятиями не дал им осуществить задачу, удержал Грузию под властью России и постепенно восстановил сообщение с Россией. В этом году русское войско совершило поход морем на город Решт, но после сражения, будучи не в состоянии его взять, повернуло в Бакинский порт. Бакинский хан Гусейн-Кули-Хан не дал им высадиться в Баку и между сторонами произошел артиллерийский бой. Под конец русское войско высадилось на морской берег и осадило город. В этот момент сюда явились и оказали помощь бакинскому населению и их хану Гусейн-Кули-Хану часть иранского войска, а также Кубинский хан Шихали-Хан и Нухбек сын Сурхай-Хана Казикумухского со своими войсками. Они начали сражаться с русскими, но русское войско воздержалось принять сражение, село, на суда и отправилось в сторону Сары-Талыш¹²²⁾.

В этом году умер Кайтагский уцмий Рустам-Хан и уцмием стал Адихан, сын Устархана. В том же году Ширванский хан Мустафа-хан, вызвав из Карабага к себе бывшего Нухинского хана по имени Селим-Хан, вместе с ним повел войско на Нухинский уезд. Бывший в то время в Нухинском уезде ханом Магомед-Гасан-Хан, готовясь к сопротивлению ему, не мог осуществить задачу в желанной степени, а потому распустив свое войско и сам со свитой явился к Мустафа-Хану. Тогда Мустафа-Хан привез оттуда в Ширван Магомед-Гасан-Хана, а также бывшего с ним брата его Селим-Хана, лишил их обеих власти в Нухинском уезде, а своего двоюродного брата Шихали-бека послал в Нухинский уезд в качестве своего наиба. Но Нухинское население, оставшись недовольно этим, сделало своим

ханом противника упомянутого Магомед-Гасан-хана по имени Фатали-ага. Потом через три месяца Мустафа-Хан отстранил Фатали-Хана от местной власти, а на его место назначил некоего Сулейман-Хана и вместе с тем женился на его дочери. Между тем Магомед-Гасан Хан прибыл из Ширвана в Кубу и в Дербент, оттуда отправился в Джары, искал, кто бы ему помог, но не достиг цели и под конец отправился к русским. Русские выслали его в Астрахань, где он и окончил свою жизнь.

В 1220 году Гиджры, 1805 году христ. эры, сын шаха Абас-Мирза после получения от Фатали-шаха титулов наследника престола и Наиби-Султане ¹²³⁾, предпринял поход на Карабагский район с новым строевым войском, организованным на европейский манер с артиллерией и с полным снаряжением. Князь Цицианов пригласил к себе Карабагского хана по имени Ибрагим-Хан и заключил с ним договор, по которому Карабагский район уплачивает России десять тысяч червонцев подати, владение это переходит к России, хану этому вручается пятьсот человек русских солдат для его охраны в городе Шуше, затем хану дается чин генерал-лейтенанта, сыновьям же его Мамед-Гасан-ага и Мехти-Кули-ага чины генерал-майора, а Ханлар-ага чин полковника.

Наиби-Султане, занявшись покорением Карабага, послал туда двух ханов с десятью тысячами солдат и артиллерией. Сын Карабагского хана Ибрагим-хана Мемед-Гасан-ага, выступил против них с собранным местным войском и с русскими солдатами, при чем после сражения в Джебраильских садах Мамед-Гасан-ага со своими людьми и с русским войском вернулись оттуда обратно и заперлись в крепости Шуше. Наиби-Султане со своим войском двинулся на охрану дороги, по которой из Гянджи шли в город Шушу русские, и не пустил их сюда, так что их полковник, по фамилии Карягин, повел их обратно в крепость Тарнаут, а оттуда присоединил на реке Тертере к войску князя Цицианова, шедшего с двумя тысячами солдат против шаха. Между тем и сам шах прибыл в Эриванское владение и стал в местности, называемой Таус-Алты. Тогда князь Цицианов, стянув свои войска, прибыл в Шушу, взял себе в помощь тамошнее войско, а также Ибрагим-Хана с его отрядом и сосредоточил свои силы в одном пункте. Наиби-Султане, оставив их там, двинулся на Гянджу. Так-как оставшиеся в Гяндже русские и часть армян заперлись в тамошней цитадели, то местных мусульман, согласно их желанию, Наиби-Султане отправил с их семьями, чтобы переселить в Тавриз. Оттуда Наибе-Сул-

тане отправился в Акстафу и старался склонить грузинских, казахских и борчалинских жителей на сторону Персии. Но с их стороны не встретив сочувствия в этом отношении, Наибе Султане вернулся в Эривань, причем, когда его войско проходило через Делиджанское ущелье, некоторых его солдат убили и ограбили казахские жители.

Затем князь Цицианов прибыл оттуда в Ширван и свиделся с Мустафа-Ханом. Сделав там распоряжения по некоторым нужным делам, князь прибыл оттуда в город Баку. Сюда же прибыли бывшие на Сары Талышинского района русские войска, кои присоединились к князю и стали под его начальство. И вот в 1221 году Гиджры, 1806 году христ. эры, в то время, как князь Цицианов около Бакинской цитадели был занят разговором с местным ханом Гусейн-Кули-Ханом, бывший там дербентец Ибрагим-Бек, сын Алибек-ага, сына Мамед-Гусейн-Хана, сына Имам-Кули-Хана, неожиданно убил князя. Не выяснено, сделал-ли это Гусейн-Кули-хан, дав знак убийце, или другие жители Ирана подбили его на это дело, но в общем, когда этот дербентец убивал его, никто убийце не мешал, а отец убийцы отделил голову убитого князя от туловища и повез к Фатали-Шаху. Как только произошло это событие, все местные правители и главари, а также все дагестанские правители, кроме Шамхала, изменили России и перешли в подчинение Персии. Даже Талышинский хан, который был под протекторатом России, восстал против этой державы и вступил в союз с Ираном. Также и Мустафа-Хан Ширванский и Селимхан, правитель Нухинский и самовластный его заместитель ¹²⁴⁾ и другие стали врагами России. Карабагский хан Ибрагим-Хан, имея в виду также покориться Персии, заявил в нескольких письмах и через посланцев Наибе-Султане о своей преданности, а сын его Абуль-Фетхан привел к Шуше один отряд персидского войска, при чем и сам Наибе-Султане перешел через Худааферинский мост и направился сюда. Тогда командир русского отряда, находившийся при Ибрагим-Хане в Шуше, майор Лисаневич, видя, что Ибрагим-Хан сговорился с сыном своим Абуль-Фет-Ханом покориться Персии, однажды в полночь, когда Ибрагим-Хан со своим войском и частью своей семьи находился в лагере вне Шушинской крепости, напал с русским войском на него и на бывших с ним людей и убил его, жену его, которая была сестрой Нухинского правителя Селим-Хана, сына, дочь и часть слуг. Абуль-Фетхан с персидским отрядом бежал оттуда, а внук убитого Ибрагим-Хана Джафар-Кули-ага, сын генерал-майора Мамед-Гасан-аги, в порядке верности Российской державе, взял

своих людей и преследовал этого своего дядю Абуль-Фет-хана вплоть до Ордубада, причем совершил в его отряде убийства и грабежи и потом вернулся. Между тем вместо убитого Ибрагим-Хана стал ханом его сын генерал-майор Мехти-Кули-ага, а на место убитого заместника Россией был назначен генерал-аншеф граф Гудович. Убийство упомянутого Ибрагим-Хана произошло в 1221 году Гиджры, 1806 году христ. эры, во второй день июля месяца.

По прошествии значительного времени после этого события, Абуль-Фет-хан прибыл в Карабаг и при содействии шахсеванского хана Атаулла занялся подготовкой выселения из Карабага Джебраильской группы и некоторых других с семьями. Тогда упомянутый Джафар-Кули-ага со своим отрядом и джебрагельцы сразились с Абуль-Фет-ханом и с бывшими с ним иранцами и обратили их в бегство, причем из них большинство было убито и ограблено, а остальные бегом вернулись на ту сторону. Через некоторое время при отсутствии войны и столкновений между сторонами Наibe-Султане прошел через Карабаг по Асландузской дороге в Ширван. Отряд ширванского населения, поставленный раньше на берегу Куры для воспрепятствования иранцам переправляться, был оттуда рассеян и разошелся по домам. Некоторые бывшие там роды Мурадханские и других племен Наibi-Султане переселил из их жилищ с семьями в числе около шести тысяч в Мугань. Сам он с войском расположился у города Аксу, но Мустафа-Хан переселил жителей этого города на гору Фет и сам с ними там утвердился. Бакинский хан Гусейн-Кули-хан и Дербентско-Кубинский хан Шихали-Хан явились к Наibi-Султане, засвидетельствовали свою преданность и вернулись обратно. Шихали-Хан даже привел с собой в Кубинский уезд из состава конницы его высочества Наibi-Султане один эскадрон под командой Пиркули-Хана Каджара. А также Наibe-Султане послал некоего Мирза-Абулькасыма, чтобы пригласить к себе Нухинского правителя Селим-Хана, который побаивался Персии, обласкал и успокоил его. Однако, мероприятия Наibi-Султане в Ширване не совпали полностью с его стремлениями, и он оттуда вернулся обратно в Азербайджан. Прибывшего в Кубинский уезд Пиркули-Хана он также вызвал обратно и расположил его с бывшими с ним всадниками стоянкой в Муганской степи. Потом новый заместитель, присланный сюда из России с многочисленными войсками, граф Гудович, умиротворив осетин и чеченцев, отправил с войском из Кизляра генерала по фамилии Глазенап для завоевания Дагестана, Дербента, Кубы и Баку. Этот генерал по прибытии свиделся в Буйнаке с шамхалом Мехти

Ханом и затем двинулся вместе с ним в Дербент. Между тем Дербентское общество, которое возмущалось беспорядочными действиями Шихали-Хана, вышло из повиновения ему, избрало правителем дербентца Алпана-Бека, сына Ахмед-Бека, сына Мирза-Бека Баятского, изгнало оттуда Шихали-Хана и выслало своих представителей навстречу русским войскам для заявления о своей приверженности России. И вот в 1221 году Гиджры, 1806 г. хр. эры, в 21 день месяца июня, упомянутый генерал, шамхал Мехти-Хан, русские войска и прочие их приверженцы вступили в Дербент. Должность дербентского наiba была вручена вместе с чином майора Алпана-Беку. Между тем, шамхалу Мехти-Хану русским государством были пожалованы селения Улусского магала вместе с титулом Дербентского хана и чином генерал-лейтенанта ¹²⁵). По прошествии около одного месяца, на должность командующего русскими войсками прибыл генерал-аншеф Булгаков, который с частью войска двинулся из Дербента в Кубу, а затем в союзе с пребывавшим там Мирза Магомед-Ханом Вторым, происходившим из рода бакинских ханов, направился в Баку. Между тем бакинский хан Гусейн-Кули-Хан со своей свитой бежал в Персию, а бакинское общество по своей доброй воле заявило генералу о своей покорности и было принято в русское подданство. Когда этот генерал, сделав в Баку необходимые распоряжения, вернулся в Кубу, Шихали-Хан заочно заявил ему о своей покорности и генерал удовлетворился получением присланных заложников. К этому генералу явились также посланцы от Сурхай-Хана Второго с выражением искренней покорности. Выразили покорность России также майсум Кирхляр-Кули, кадий Табарани Магомед и уцмий Али-Хан. Ширванский хан Мустафа-Хан с помощью отряда, прибывшего к нему из состава Гянджинского русского гарнизона, постепенно восстановил свою власть в Ширване, спустился с горы Фет и захотел с помощью того отряда и своих людей вернуть обратно семьи, высланные Наibi-Султане из Ширвана на Мугань и уведенные оттуда Пиркули-Ханом Каджаром в Талышинский край. Отправившись с ними, Мустафа-Хан встретился с отрядом и людьми Пиркули-Хана, сразился, был разбит и вернулся. Однако Мустафа-Хан послал этих русских и свое войско в Сальяны, население коего перед тем, будучи недоволено Али-Ханом, поставленным там Персией, призвало к себе Мустафа-Хана. Между тем, не зная об этом призыве, Мир-Багир-Бек, брат Талышинского хана Мир-Мустафа-Хана, отправился с тремястами талышинцев на помощь населению и Алихану. Когда же между обеими

сторонами произошло сражение, сальянцы отвернулись от Алихана, который спасся бегством, а Мир-Багир-Бек со своим отрядом попал в плен. Сальянское владение снова попало под власть Мустафа-Хана Ширванского.

В те дни Нухинский хан Селим-Хан, проникшись враждой к России по причине убийства в Карабаге русскими его сестры, бывшей женою Ибрагим-Хана, собрал отряды из местного населения, из джарских лезгин и из прочих дагестанцев. Решив перебить русских, кои в свое время были присланы ему в помощь из Гянджи и оставались при нем, он часть их убил, а остальные бежали в город Гянджу. За это для наказания его, согласно распоряжения наместника графа Гудовича, русский генерал, стоявший с войском в Гяндже, двинулся с частью войска на Нухинский уезд, причем Нухинский Селим-Хан, который перед тем, получив от Наби-Султана большую сумму денег, собрал на эти деньги джарских и аварских лезгин, выступил на бой против этого генерала, но лезгины после гибели части своего состава, были разбиты и бежали на родину. Селим-Хан с семьей бежал оттуда в Персию, и Нухинское владение в означенном 1221 (1806) году попало под власть России, причем на должность хана туда этой державой был поставлен Джафар-Кули-Хан Дунбули.

В 1223 (1808) году Кайтагский уцмий Алихан умер и вместо него уцмием стал его брат Адиль-Гирей-Хан.

В том же году часть ширванского населения угнала баранту жителей Бермекского магала Кубинского уезда. За это хан Кубинского уезда Шихали-хан повел отсюда войско, ограбил скот и имущество жителей некоторых селений Ширванского владения и вернулся. Но Ширванский хан Мустафа-Хан, взяв свое войско, а также русское войско, во главе с одним полковником (по фамилии Тихоновский), выступил на завоевание Кубинского владения. Когда они подступили к городу, Будукский бек Мелик-бек сын Гаджи-бека и другие влиятельные лица явились к тому полковнику и Мустафа-Хану и заявили им, что они подчиняются России. В это время Шихали-Хан бежал из Кубы в Табасарань к своему зятю Абдулла-Беку, сыну Рустам-Кади, пробыв там несколько дней, отправился оттуда в Даргинский округ, нашел там в течение сорока дней до пяти тысяч человек даргинцев себе в помощь и с ними снова завладел Кубинским уездом, при чем кроме лишь города Кубы в русском подчинении не осталось в Кубинском уезде ни одного общества. Тогда бывший в Баку генерал-майор Гурьев прибыл с большими силами, состоявшими из русского войска и из бакинского населения, сра-

зился с Шихали-ханом около крепости Шабран и разбил его, причем Шихали-хан вторично бежал, а его войско после значительных потерь рассеялось и ушло на родину в Даргинский округ.

На этот раз Кубинское ханство было Россией передано во власть Мирза-Магомед-Хану Второму, из рода бакинских ханов, в свое время переселившемуся в Кубу, вступив во вражду с Гусейн-Кули-Ханом. Шихали-Хан, вступив в Табасарани в союз со своим зятем Абдулла-Бекон, не переставал время от времени появляться оттуда с небольшою конницей в Дербентском и Кубинском владениях и убежать в Табасарань с похищенной и награбленной добычей. Для наказания его русское войско, много всадников из дербентских жителей и некоторые табасаранские беки двинулись против селения Марага в Северной Табасарани, так-как Шихали-хан и сыновья Рустам-Кули-Абдулла-Бек и другие, сговорившись, собрали там народ и укрепились. Но в произошедшем там между двумя сторонами сражении, группа Шихали-Хана была разбита и бежала, а русское войско разграбило, сожгло и разрушило это селение и потом вернулось в Дербент.

В 1225 (1810) году Шихали-Хан собрал некоторое количество конницы из населения Табасарани, прибыл в Кубинский уезд, вошел в соглашение с хазринцем Ханбутаи-беком, сыном Гаджи-Шериф-бека, склонил на свою сторону жителей селений Кубинского владения и с ними осадил город Кубу. И выселив часть жителей тех селений, он поселил их в селении Кярыз и решил поселиться здесь и сделать его для себя убежищем. Затем русское войско из Ширванца под командой полковника Лисаневича выступило совместно с конницей, собранной правителями Ширвана и Нухинского уезда из населения этих владений, и освободило город Кубу из под осады, причем, около селения Чечин произошло сильное сражение, в коем отряды Шихали-Хана были разбиты и бежали. Сам Шихали-Хан бежал оттуда в Акушу. Через некоторое время Шихали-Хан появился в Табасарани с войском до трех тысяч даргинцев. Кадием там в то время был брат умершего Рустам-Кади полковник Магомед-Кади. Но Шихали-Хан решил устранить Магомед-Кади от должности кадия и назначить там кадием своего зятя Абдулла-бека, сына Рустам-Кади, дабы и он, как он сам, управлял владением, не повинувшись русским, и мог бы в случае необходимости помогать ему оттуда войском. Но Магомед-Кади, расходясь с ними, собрал народ для защиты своей должности. Между сторонами произошла битва, Магомед-Кади был разбит и спасся бегством, а Абдулла-бек поселился в

селении Хучни и стал исправлять должность кадия. Но как только Шихали-Хан вернулся оттуда в Даргинский округ, упомянутый Магомед-Кадии вновь склонил на свою сторону население Табасарани, удалил Абдулла-бека из селения Хучни и с должности кадия и сел по прежнему на свое место.

В 1226 году Гиджры (1811) Шихали-Хан в союзе с Акушинским кадием Абубекром собрал при его содействии и с помощью денег, присланных в то время Персией Шихали-Хану, народ из Акушинского, Цудахарского, Сюргинского и Табасаранского участков и даже из селений Мехтулинских, причем также выслано было ему в помощь значительное войско Казикумухским и Кюринским ханом Сурхай-Ханом вторым с сыном своим Нухбеком. Все эти отряды, доходившие в общем до восьми тысяч человек, двинулись в Кубинский уезд, захватили в этом владении все селения, кроме Зейхура и города Кубы, и вернули их во власть Шихали-Хану. Только город Куба и селение Зейхур остались в повиновении России, так как в них стояли русские войска. Тогда генерал-майор Гурьев, стоявший с русским войском в Зейхуре, выступил оттуда с частью войска в сел. Джибир и сразился там с отрядом Шихали-Хана. Но вследствие плохих дорог, русское войско ничего не могло там сделать, вернулось в Зейхур и стало здесь выжидая помощи извне, подобно тому, как и русское войско, находившееся в Кубе, также было заперто и выжидало помощи. Когда в этом положении прошло около двух месяцев, прибыл генерал-майор Хатунцев с многочисленным русским войском и около селения Рустав дал очень сильное сражение войску Шихали-Хана, причем, после больших потерь с обеих сторон, войска Шихали-Хана были разбиты и рассеялись. В этом сражении был убит Акушинский кадий Абубекр. Нухбек со своим отрядом вернулся из Кубинского уезда в Кюринский округ и стал здесь. Шихали-Хан же после бегства из Кубинского уезда, при был в Дагестан, пробыл некоторое время в селении под названием Сумбат, оттуда отправился в селение под названием Унчугатль¹²⁶), некоторое время жил здесь, а когда акушинский народ, всегда помогавший ему, вернувшись из Кубинского уезда на родину, возвел кадием на место убитого Абубекр-кадия его сына по имени Баханд, Шихали-Хан отправился и поселился там¹²⁷), ибо Шихали-Хан и отец его Фатали-Хан постоянно склоняли на свою сторону население этого Акушинского округа и отправляли его, куда хотели, благодаря различного рода проявлениям уважения, а также раздачей имущества и выявлением щедрости.

Генерал Хатунцев, покончив с делами в Кубинском уезде, передал это ханство во власть бакинца Мирза-Магомед-Хана Второго, а потом занялся подготовкой движения с войском на Кюринский округ. Ввиду этого хан Казикумухского и Кюринского округов Сурхай-Хан и сын его Нухбек, стянув свое войско в селение под названием Ших-Кент, соорудили здесь окопы и укрепились. Однако в 1226 (1811) году, когда генерал Хатунцев, направив сюда свое войско, открыл сражение, то после незначительных потерь Сурхай-Хан, взяв своих людей, сколько оказалось возможным, бежал оттуда в селение Курах. Генерал завладел теми окопами и прочими селениями и отправился оттуда с войском своим для преследования Сурхай-Хана в селение под названием Курах, в котором у Сурхай-Хана был свой дом. Но Сурхай-хан переселился оттуда свою семью в Казикумух и сам бежал туда. На этом основании генерал Хатунцев отделил Кюринское владение от Казикумухского, взял Кюринский округ во владение России и поселил здесь на должность хана, с условием управлять под властью этой державы, Аслан-Гусейн-Ага, сына Шахмардан-бека, племянника упомянутого Сурхай-Хана, враждовавшего с ним, ушедшего от него в Турцию, а затем вернувшись, проживавшего в Кайтаге при уцмие; впоследствии он упоминается и известен под именем Аслан-Хана. В 1227 (1812) году он получил от России чин полковника и утверждение в звании хана этого округа и поселился в селении Курах в доме своего дяди Сурхай-Хана, причем, в его распоряжение там был поставлен один батальон русских солдат. Этот хан был очень старателен, предприимчив и храбр, причем, благодаря его хорошей службе, внимание к нему со стороны России увеличивалось со дня на день.

Но Сурхай-Хан в том году посадил на свое место в Казикумухе сына своего Муртузали-Ага, а сам с небольшой конницей переехал через Нухинский уезд в Персию, а именно, в Таврию, с целью просить помощи у Фатали-Шаха Каджара. Через год он вернулся оттуда в Казикумух. Когда Сурхай-Хан был в этой отлучке, сын его Муртузали-Ага, управлявший в Казикумухе, выразил свою дружбу Кюринскому хану Аслан-Хану, ссылаясь на то, что у них одна и та же мать, но обманул его, утверждая, что он не пустит отца вернуться в Казикумух, а если тот придет, то он его убьет. Поверив своему брату (т. е. Муртузали-Ага), Аслан-Хан даже несколько раз имел с ним свидание и был уверен, что и он подобно ему вступит в русское подданство и не допустит возвращения отца. Брат Аслан-Хана Фатали-Ага, проживавший в Казикумухе, веря подобным

словам Муртузали-Ага, был посредником между ним и его братом Аслан-ханом в совещаниях и соглашениях, и так они проводили время. Но когда пришло известие, что Сурхай-хан вернулся и достиг пределов Казикумуха, Муртузали-Ага сказал наедине Фатали-Ага, что мол поедом и в нуте убьем Сурхай-хана, а потом будем действовать согласно соглашению нашему с Аслан-ханом. Когда Фатали-Ага, поверив его словам, отправился с ним навстречу Сурхай-хану, Муртузали коварно убил его и доказал свою верность отцу.

Вернувшись из этого путешествия в Казикумух, Сурхай-хан обрадовал Казикумухцев и прочее население Дагестана разными обещаниями, яко бы данными ему со стороны Персии, что мол сын шаха вскоре явится сюда с большими силами и произойдет то-то и то-то. В то же время он собрал вокруг себя население Казикумухское и принял ряд мер к укреплению там своей власти, заключив с ними письменные соглашения. В том числе один договор имеет следующую редакцию¹²⁸⁾.

„Сим объявляю народу с сего дня, а день этот первое число Рабиульаввала тысяча двести двадцать восьмого года¹²⁹⁾, что благородный эмир Сурхай-хан и кадий Сунгур Кумухский и остальные главари города Кумуха, их вожди, старейшины, ученые, почетные и простые люди заключили договор о том, что будут содействовать друг другу в честном поведении и богобоязненности, что будут все одинаково сражаться с врагом, и сошлись на том, что возмездием за каждое убийство жителя¹³⁰⁾ этого владения будет двадцать пять туманов русского серебра¹³¹⁾ или другая равная ценность, безразлично, произошло-ли убийство до настоящего объявления или после него, и на том, что был будет штрафом с того, кто обнажит меч, или кинжал, или нож на мусульманина, или будет сопутствовать подобному упомянутому лицу для содействия, хотя бы этот сопутствовавший и не обнажал чего-либо из упомянутых предметов, и что таков же будет штраф с того, кто будет торговать водкой или виноградной бузой и с того, кто даст или возьмет имущество в качестве процента, даст ли, например, один другому один куруш¹³²⁾ на год, чтобы взять с него в конце года вместе с курушом в качестве процента горнец зерна или другую вещь¹³³⁾. Это изложенное есть предмет состоявшегося постановления и зафиксирован пером. А кто это изменит, слово того не будет услышано и дело его не будет одобрено“.

После возвращения Сурхай-хана из Тавриза в 1228 (1813) году, сын шаха Наиб-султане Абас-Мирза двинулся в Эр-

вань с многочисленным вооружением и безграничной торжественностью. Но русский отряд во главе с генералом Котляревским, назначенный русским генералом, стоявшим в то время во главе местной власти, генерал-лейтенантом маркизом Паулуччи, для защиты левого берега реки Аракса, и отряды Талышинского правителя Мустафа-хана, а также русский отряд, состоящий при этом правителе для его охраны, воевали и бились в течение около двух месяцев и воспрепятствовали переходу войск сына шаха на эту сторону. Мало того, генерал Котляревский два раза тайком переправлялся ночью через реку на персидскую сторону, нападал на их стоянки и рассеивал их, причем каждый раз учинял хищение и грабеж и перебивал много людей. Он также перебрался в Мугань и вернул оттуда обратно народ, переселенный туда раньше из Карабага и разрушил крепости Аркаван и Ленкорань, построенные там персами. Этот генерал по фамилии Котляревский в тех битвах получил даже три большие раны, но под конец вылезился от них. В общем, персидские войска не достигли там своей цели и их воинственность сменилась желанием мира. Между тем, вышеупомянутый генерал маркиз Паулуччи был отставлен, и на его место приехал новый наместник из России, именно генерал-аншеф Ртищев. И вот в 1228 году Гиджры в 12-ый день месяца Гешрина 1 (октябрь 1813 года) уполномоченный представитель Персии Мирза Абуль-Гасан Ширази прибыл к тому наместнику в Карабаг и здесь в местечке, называемом Гюлистан, они заключили мирный договор. По этому договору Грузия, Талыш, Карабаг, Гянджа, Нуха, Ширван, Баку, Куба и все дагестанские владения переданы во владение Русской державы, причем условия этого мирного договора осуществляются и до нашей эпохи.

Однако Сурхай-хан, хотя он, не достигши с помощью Персии своей цели, вторично поклялся повиноваться России и дал соответствующие обещания, тем не менее секрету дал знать своим подчиненным, что его обещания этой державе составляют хитрость и обман и не переставал подготавливаться к войне с русскими. В виду этих обстоятельств в 1235 (1819) году по приказу наместника генерала Ермолова, генерал князь Мадатов двинулся на Сурхай-хана в Казикумух с русским войском, а также с войсками Кюринского хана Аслан-хана и прочих соседних правителей. В девятнадцатый день декабря месяца того года Сурхай-хан с приготовленными своими силами встретил эти войска при селении Дирах и дал им сражение, но был разбит и с большими потерями вернулся оттуда в Казикумух.

Также в 1236 (1820) году этот генерал князь Мадатов таким же большим войском, вторгся в Казикумухский округ и Сурхай-хан в начале июля месяца также выступил с боем навстречу этим войскам между селением Чирах и селением Хосрек, но и здесь был разбит, причем хан бежал отсюда в Казикумух, а оттуда, взяв с собою семью, отправился в Аварию в Андаляльский магал. И вот князь Мадатов оттуда без боя вступил в город Казикумух, завладел им, конфисковал собранное там Сурхай-ханом снаряжение и все его движимое и недвижимое имущество и объявил, что Казикумухское владение вместе с Кюринским владением передается во власть генералу Аслан-хану с условием подчинения Российскому государству.

Но Сурхай-хан вторично направился оттуда в Нухинский уезд и поехал оттуда в Тегеран к шаху с целью молучить там войско и деньги и вернуться в Дагестан для выполнения своего плана. И вот, пробыв в Персии около пяти лет, он в 1242 (1826) году, когда персидское войско шло в сторону Карабага, перебрался через Шемаху и прибыл в Дагестан в селение Согратль Андаляльского магала. Но так-как персидское войско в то время не могло перейти через Карабаг в эти края, влияние Персии по условиям Гюлистанского мира здесь прекратилось, и его план не получил осуществления, то он объявил аварцам и своим приверженцам, что он лично попросит помощи у Турции и постарается достигнуть цели. Однако по решению, определенному всевышним Аллахом, Сурхай-хан в том же селении Согратль переселился из этого мира и там был похоронен. Оставшиеся сыновья его выехали оттуда и бежали в Турцию. Сурхай-хан вполне усвоил арабские науки и прожил восемьдесят три года, но, говорят, был тираном и ишпенным жалости к ближним.

Глава 12-я.

О событиях в Дагестане после заключения Гюлистанского мира между Россией и Персией. В ней несколько параграфов.

Параграф о выступлении в Дагестане Гази-Магомед-эфенди с именем Имама.

Когда на Кавказе, как указано было выше, власть Персии и Турции была пересечена и этот край подпал под власть России, бывшие в Дагестане шамхал, ханы и беки, не обращаясь к прочим сторонам, начали всячески ладить свою жизнь в зависимости от судьбы. Также и народ в Дагестане, зная, что Российской державой запрещены также занятия как хищения и грабежи и действия в роде похищения из Грузии пленных и скота, усмирился в то время.

Однако, после 1240 (1824) года в Дагестане некоторые ученые, обладавшие недостаточным благоразумием, и приверженцы суфизма, не учтя реальности, вообразили, что, как прекратилась власть Персии и Турции, так дагестанцы сумеют, покоряясь и России, создать здесь и сохранить некоторое самостоятельное управление. С этой мыслью начал выступление в Дагестане Гази-Магомед-эфенди Магомед-оглы, которого русские называют Гази-Мулла. Предки этого человека были из селения Гимры Аварского канства, но его отец, выселившись из того селения, проживал в селении под названием Унцукуль того же канства и в это время упомянутый эфенди родился и вырос там. Потом он изучил в совершенстве всякие науки, поступая в студии¹⁸⁴⁾ бывших в то время в Дагестане ученых, и стал действительным ученым, причем, переселившись в селение Гимры, бывшее родиной его отца, он начал здесь служить обществу муллой и вместе с тем преподавать науки. У него было много студентов и одним из студентов его был гимринец известный шейх Шамиль-эфенди. Но когда в Дагестане стал известен проживавший в то время в Кюринском округе в селении Верхний Яраг наш учитель Магомед-эфенди, преподававший положительные науки и вместе с тем ставший муршидом в табрикате Накшбанди, Гази-Магомед и Шамиль-эфенди прибыли в селение Яраг и стали изучать тарикат у этого эфенди, который сам изучил его у ширванского Хас-Магомед-эфенди, а Хас-Магомед-эфенди изучил его у Кюрдамирского шейха Исмаил-эфенди.

Затем, когда Гази-Магомед-эфенди и Шамиль-Эфенди, вернувшись в селение Гимры, стали преподавателями с одной стороны шариата, а с другой—тариката, число их студентов и мюридов постепенно увеличилось, и они начали, давая наставления всем слоям населения, склонять их на сторону шариатского судопроизводства. В частности, в то время в Аварии и прочем Дагестане было в обыкновении, что в каждом селении группа стариков и аксакалов решала некоторые тяжбы по правилам, усвоенным ими издавна через адаты, тогда как кадии в тех же селениях решали возбужденные у них тяжбы по шариату. Гази-Магомед-эфенди сильно препятствовал такому судопроизводству стариков и старался, чтобы все судебные дела возбуждались и решались согласно шариата. Он составил также маленькое послание, названное „Установление очевидности отступничества аксакалов Дагестана“¹⁸⁵⁾, и объявил, что такое обращение за правосудием к адатам есть отрицание религии. Остальные ученые Дагестана

же одобрили это послание и по существу согласились с ним.

Гази-Магомед-эфенди, убедившись, что проживающий в Аварии в селении Хунзах род ханов будет препятствовать ему осуществить подобные решения, прежде всего задумал всячески этот род истребить там совершенно. Поэтому он в 1246 (1831) году в феврале месяце, собрав многочисленный вооруженный отряд из своих приверженцев и пособников, совершил нападение на селение Хунзах с целью убить малолетнего хана, а именно: Нуцал-хана, его мать вдову Паху-бике и остальных ханских детей. Но Паху-бике, собрав свое общество, позаботилась о выступлении с боем против мюридов, и они, не достигши своей цели и не сумев ничего сделать, вернулись оттуда обратно в Гимры.

Потом Гази-Магомед-эфенди, решив, что в укреплениях дагестанских мало русских войск и их можно будет перебить, собрал своих приверженцев, обратился с призывом к обществам дагестанских селений и с ними напал на русские отряды, находившиеся здесь в укреплениях, причем всюду подверг своих сторонников большим потерям и вернулся, не сумев ничего сделать. В частности в 1247 (1831) году эфенди, собрав дагестанцев до восьми тысяч, напал на Тарки, штурмовал с ними там крепость, укрепленную русскими¹³⁶⁾, а когда он завладел цейхгаузами, огонь попал в порох, произошли большие потери, уцелевшие начали бежать, причем русские произвели на них с этой стороны сильный натиск и там погибло народу пожалуй больше тысячи человек. Затем бежавший оттуда Гази-эфенди отправился из Аварии в Чечню, подняв там большую смуту, вернулся в Дагестан, прибыл в Табасаран, а в августе месяце того года¹³⁷⁾ в течение одной недели осаждал Дербент, оттуда вернулся в Аварию и здесь ничего не мог сделать. В месяце ноябре того же года он снова из Аварии совершил нападение на Кизлярскую крепость, вернулся оттуда с похищенным и награбленным имуществом, снова отправился в Чечню и там в селении под названием Баян русское войско преградило ему дорогу, причем после гибели многих лиц из его отряда, он вернулся в Аварию. Но из его скитаний таких туда и сюда никакого толку не вышло и под конец, когда Российская держава выслала против него большое войско, он соорудил в селении Гимры крепкие окопы, собрал много народу и заперся там. И вот, русские войска, будучи под главным командованием некоего барона Розена, окружили это селение и в 1248 (1832) году, в 17-й день декабря ме-

сяца¹³⁸⁾, одержали победу, причем разрушили это селение. Под конец Гази-Магомед-эфенди, с тринадцатью лицами осажденный в окопе, был там убит. Из бывших с ним там товарищей спасся только Шамиль-эфенди, остальные все были убиты. При этом селений в тот день в бою погибло с обеих сторон много народу.

Спасение Шамиль-эфенди произошло таким образом: что когда он в числе других бывших в окопе с Гази-Магомед-эфенди очутился среди русских войск, и бой усилился, остальные товарищи его были убиты и пали, а среди них и Шамиль-эфенди, получивший несколько ран, упал и остался между трупами. Ночью в темноте, имея силы двигаться, он постепенно вышел оттуда в сторону, ушел в другое место и спрятался. Пока за полгода не вылечились его раны, он ни в какое дело не вмешивался.

Хотя из различных действий упомянутого Гази-Магомед-эфенди обнаруживается, что он в знании политики и в практичности не был выдающимся, тем не менее, в знании арабских наук он отличался в совершенстве. И до его выступления, когда он был преподавателем, дагестанские ученые, довершавшие образование при нем, например, мой покойный отец и другие, очень хвалили его знание наук, а также не скрывали отсутствия у него практичности в мирских делах. В его стихотворениях на арабском языке, восхваляющем приверженцев тариката—накшбенди, имеются следующие стихи:

Это люди, ей-Богу, удостоившиеся того, что излились
На них от святой Истины целые реки.¹³⁹⁾
Это мужи! Мужы истины, уже счастливые,
Зная и видя ее символы.

Ведь для них не торгашество и не забава
Понимание своего творца¹⁴⁰⁾, а все они благочестивы,
Их слово есть слово, и дело есть дело.

Сильные, они не шадят отверженных.
Вдохновившись и будучи все в созерцании,
Они, смелые, не оглядываются на старшего в группе.
Совершенствуясь своей верой, они боятся перед ал-
лахом,

Что кто-нибудь сравнится с ними в нравах.
Я вел дискуссию, и сердце колебалось,
Пока из облака блага не показались дожди.¹⁴¹⁾
Потом, когда засиял свет их блаженства,
То в сердце осталось одно лишь возрождение.
Если их отвергают не знающие их,
То ведь слепому свет не спасение.
Я здесь говорю то, что скрывал раньше,

Ибо в некоторых сердцах уж обнаруживается строгое.

Упомянутый покойный эфенди, правда, усвоил у лучших ученых Дагестана положительные науки, а также усердно занялся тарикатом накшбенди, но предпринятые им действия и навлеченные им на соотечественников бедствия не соответствуют ни шариату ни тарикату. Даже что учитель в положительных науках, житель Аракань того же Аварского ханства, покойный Саид-эфенди удерживал его от тех действий.

Под конец, когда тот не послушался, упомянутый Саид-эфенди бежал от него к шамхалу. Кроме того, его учитель в тарикате Магомед-эфенди Яраги из-за его подобных действий был заподозрен в соучастии как кюринским ханом Аслан-ханом, так и кавказским наместником генералом Ермоловым, и был заключен в тюрьму. Но убежав оттуда, он с семьей стал скитальцем вне родины и скончался в селении Согратль Аварского владения¹⁴²). Тарикат есть некоторая система, сопутствующая мусульманскому шариату, не есть новое учение, обязывающее людей пускаться в ход кляжаны и сабли, а скорее есть путь, делающий людей более кроткими, терпеливыми и смиренными, как сказал почтенный Хафиз, да спасет его Аллах:

Для блага в обоих мирах,

Лишь двух этих правил держись:

С друзьями будь ласков в речах,

С врагом допускай компромисс¹⁴³).

Ведь в настоящее время среди мусульман, проживающих в России, сколько мы видим явных муршидов и мюридов, которые, спокойно живя в каком-нибудь захолустье, заняты служением аллаху. Ни с кем они не пререкаются, даже и русские, в виду спокойствия и правдивости такого лица, оказывают ему внимание и уважение. А между тем, известно, что Гази-эфенди и другие ему подобные в Дагестане, превратив тарикат в искание главенства и в путь к власти¹⁴⁴), склонили посредством его простой народ дагестанский на свою сторону и несправедливо дискредитировали его название, а сами стали причиной притеснений для приверженцев истины. Поистине, когда приходит наказание, слепнут глаза, Но Бог лучше знает, что лучше и что хуже.

Параграф второй.

О втором выступившем в Дагестане на имамство, Гамзат-беке.

Этот человек, будучи жителем селения Гогатль Аварского ханства, происходит из беков, но будучи мюридом Гази-Магомед-эфенди, он был его товарищем во всех его

выступлениях, а как только тот был убит, аварцы присягнули ему и дали титул имама. Примкнув к нему, они в 1248 (1833) году сражались при селении Гергебиль с жителями не желавших ему подчиняться селений шамхальских, мехтулинских и даргинских; разбили их и много народу покорили и подчинили ему силой.

Гамзат-бек, как только выступил, прежде всего решил совершенно пресечь всеми мерами род аварских ханов в селении Хунзахе, дабы впредь осуществлять там свою власть. Для этого он в 1250 (1834) году в августе месяце с большим ополчением своих приверженцев двинулся на Хунзах. В то время из рода тех ханов были в живых три сына хана и их мать вдова Паху-бике, которая, обратившись к обществу, позаботилась укрепиться там и подготовиться к битве, но ей не удалось организовать достаточно сил, да и извне никто не выступил ей на помощь. Поэтому Паху-бике, имея в виду сговориться с Гамзат-беком, послала к нему из своих людей уполномоченных и заявила ему о желательных для нее условиях. Когда Гамзат-бек, как бы не поверив этим уполномоченным, пожелал, чтобы к нему явился один из детей Паху-бике. Та послала к нему своего младшего сына несовершеннолетнего Пулач-хана. Гамзат-бек удержал при себе этого мальчика и проявил к нему ласку и внимание, после чего Паху-бике послала к Гамзат-беку в его лагерь для заключения соглашения старших своих сыновей Нуцал-хана и Ума-хана с несколькими слугами. Однако Гамзат-бек велел своим приверженцам схватить и казнить этих двух сыновей хана и их слуг, а звывшегося к нему раньше них мальчика по имени Пулач-хан он передал нескольким лицам из своей свиты и отправил оттуда в свое селение Гогатль, где этого мальчика казнили, сбросив в реку Койсу¹⁴⁵). После этого Гамзат-бек с войском своим вступил в Хунзах, убил мать этих сыновей, упомянутую Паху-бике, завладел там ханским домом, строениями и прочим имуществом и добром и поселился там.

Хотя Гамзат-бек, истребив так коварно и жестоко ханский род, воображал, что этим он увеличит свое влияние и свою силу, однако, эти его дела стали причиной его скорой гибели, так как молочный брат одного из ханских сыновей, Нуцал-хана, хунзахец по имени Осман—вместе со своим братом, известным Хаджи-Мурадом, и другими родственниками составили тайный заговор, подготовились убить Гамзат-бека и вскоре убили его в соборной мечети в пятницу. Разве возможен такой имамат, шариат или тарикат, по которому он несправедливо, обманно и жестоко убил не-

совершеннолетнего мусульманина и слабую старуху и тем обесславил ислам;

Здесь уместно привести стихотворение, составленное по этому поводу покойным Гаджи-Юсуф-эфенди Аксайским, а именно ¹⁴⁶⁾:

По любви к аллаху заявляю, что экстаз тарикатиста
Вызван аллахом, направлен к нему же, от него же ис-
ходит и поведение его.

Он предан аллаху, и верность обычный характер его.
Принципы шариата являются ареной его ночных бде-
ний,

И он исключительно предан единому всевышнему.

Но меня волнуют невежество последователей
И долгоденствие тирана, лжеца презренного,
Открыто поедającego и захватно собирающего запретное
И без родства наследующего имущество мусульман.
Ведь это либо мошенничество, либо незнание.

Ваш призыв любви к бессмертию оказался ложью,
А вас сбил с пути лишь властитель тьмы.
Вы вовсе не причастны к божьему страху,
Лишь дьявол создал для вас мираж из зла.

Подозрительно, не сатана-ли вас соткал из коварства.

Ваш нрав есть нрав аячной природы,

И я обдаю вас водою правды.

По молве народной вы хуже, чем прежде,

И нет у вас души, есть лишь тело, симулирующее
тарикат,

И им вы прикрылись, будучи из числа подлейших
душ.

Как они восхищены тем, кто после преступления
стал поучать,

Указывая им путь, поведя их так в качестве имама
На бесчестье, чреватое другим бесчестьем, и погубил.
Где же быть беде, если не там, где поучает
Врачеванию сам заядлый убийца.

Стонут от него все округа и вот всюду
Селения, опустошенные и разрушенные до основания,
А спутники его, окропленные дождем гибели,
Обогатились их имуществом и пресытились им.
О, скопище падших, пораженных обманом!

Разве неизвестно, что благочестие свято,
Когда из него, о друг мой, вытекает доброе намере-
ние.

Разве доблесть украшается результатом преступления?
Поистине путь насилия покрыт бесчестьем,
По коему узнаешь бродягу, и оно же—обычай трусов.

Когда Саид бежал от него со своей верой ¹⁴⁷⁾
И установил перед аллахом полную свою правоту,
То он напал на него, на учителя его последователей,
И собственноручно грабежом увез его книги.

О презренный грабитель драгоценной науки!

Разве они не осквернили лицемерием сияния Маго-
мета.

Когда дневную молитву совершали о символом веры
И тут же на гибель сбросили Булача в пучину вод,
Ребенка, взывавшего помощи к пророку
И к матери, замученной среди зверенышей ¹⁴⁸⁾.

А Нуцал? А Умахан? И сколько еще
Убитых ими без всякой вины и замученных!
Аллах мой! Да проглотит земля насильника!
Уж события зафиксированы пером на скрижалях,
Так воздай же, аллах мой, всем им по делам их.

Молю аллаха моего, чтобы он отделил нас
От группы преступных, увеличив наши силы.
Спаси наши семьи, имущество, поселки и поля.
Совершим свою молитву за лучшего из людей,
И это даже среди опасностей создаст во мне экстаз

Параграф третий.

О событиях, связанных с выступлением третьего Имама в Дагестане,
Шамиль-эфенди.

После убийства Гамзат-бека, население Аварского рай-
она собралось в селении Ашильта, где после совещания в
июле месяце 1250 (1834) года избирало на власть с титу-
лом имама жителя селения Гимры Шамиль-эфенди, сына
Дингоу-Магомед-эфенди. Родился Шамиль-эфенди в селении Гим-
ры приблизительно в 1212 (1797) году, а имя его матери
Шаху-Меседу. Этот эфенди в течение четырнадцати лет
закончил усвоение ананий и мусульманских наук, обуча-
ясь у бывших в Дагестане в его эпоху ученых, и в пол-
ной мере стал авторитетным ученым. Со своим односель-
чанином Гази-Магомед-эфенди он с начала до конца был
очень близким товарищем и другом. После своего вступ-
ления во власть Шамиль-эфенди ввел среди народа очень
справедливые порядки, желанный строй и законченное по-
литическое и гражданское управление, а именно: в под-
властном ему районе, кроме священного шариата, все су-
ществовавшие там раньше нормы права, вроде адата и
обычая, он совершенно упразднил. Среди населения была
произведена регистрация военно-обязанных и в том числе
назначен командный состав в лице десятников, сотников и
тысячников, а для охраны общественного порядка и для

функций правосудия были назначены в каждом магале по одному наибу и одному кадию. Был установлен такой порядок, что хотя судебные дела возбуждал и наиб, но самое решение должно было исходить от кадия. Каждые четыре кадия в затруднительных случаях обращались к стоявшему над ними муфтию, и подобно этому каждые четыре наиба должны были подчиняться распоряжениям, исходящим от стоявшего над ними правителя, к которому они должны были обращаться также в случае нужды в помощи при исполнении своих обязанностей. Если же возникали затруднения у правителей или у муфтиев, то они должны были написать непосредственно Шамиль-эфенди и действовать согласно полученному от него ответу. Кроме того, каждый человек, если он нуждался в принятии жалобы самому Шамилю, всегда имел возможность видеть его, а в каждую неделю в дни понедельника и четверга в присутствии Шамиля составлялось заседание ученых и благочестивых, где стало правилом совещаться по существу затруднительных решений. Уже не было таких вещей, как ханские порядки, вроде того, чтобы подчиненный перед начальством снимал шапку и все время стоял, а обращением при встрече стало только ассаламу-алейкум и алейкуму-ссалам. Обращение Шамиль-эфенди, его вождей, а также прочих людей между собой при встрече друг с другом, при входе в жилища и выходе сопровождалось вежливостью, и никто не имел права входить в чье-либо жилище, не испросив снаружи позволения и не получив разрешения, как это в порядках шарията.

Все владение Шамиль-эфенди было разделено на тридцать два наибства. При наибах назначалось необходимое число служащих на жалованьи. Для наибов и прочих вождей и для ученых для обозначения ранга каждого были установлены на турбан каждого класса специального рода материя, а также было в обыкновении молодым, проявившим храбрость, дарить и привязывать знаки отличия. Например, некоторые знаки были из чистого серебра, и на них написана фраза „кто размышляет о последствиях, тот не храбр“, а некоторые были из позолоченного серебра и на них изображено: „владеющий храбростью и облаженный мечом“.

У Шамиль-эфенди было казначейство установленного бейтулмала¹⁴⁹⁾, коего доходы составлялись из валатов¹⁵⁰⁾ мусульман, частью из хумсов¹⁵¹⁾ доставшейся на войне добычи и из податей, взимавшихся с некоторых селений и пастбищных гор на основании порядка, сохранившегося в Аварии со старых ханских времен. Группа зарегистриро-

ванных лиц на жалованьи (войско) составляла, приблизительно, до 60.000 человек, а при нарядном ополчении, когда нужно было присутствие остальных членов обществ, вменено было обществам в обязанность выходить на войну, сколько бы в каждом доме ни было. Из разного рода оружия все изготовлялось внутри владения и даже пушки изготовлялись в Аварии. Пользовались также и пушками, собранными из русских крепостей, построенных в Аварии, когда однажды в начале это владение попало под власть России, но попавших затем в 1257—1259 (1841—1843) годах во власть Шамиль-эфенди. И порох изготовлялся в Аварии во многих местах. В частности, во время Шамиль-эфенди в селениях Унцукуль и Гуниб были устроены пороховые погреба и только не было там некоторых вещей вроде железа и свинца. Однако и они все время привозились в Аварию тайно из соседних городов, подвластных России.

В распоряжение Шамиль-эфенди собралось до трехсот человек солдат, бежавших в Аварию с русской службы. Они там имели разные занятия, например, изготовляли порох, строили здания, а некоторые из них справлялись с предметами, связанными с геометрией. И Шамиль-эфенди относился к ним ласково, дабы было больше подобных им.

В общем Шамиль-эфенди не был просто шейхом и ученым муршидом, который при наступлении сильного врага скрылся бы в укромном месте, занимаясь усердной молитвой, но он, владея наукой и наставничеством, еще лучше владел военным искусством и политическими знаниями и был доблестной исключительной личностью своей эпохи. Для чего другое доказательство его выдающихся способностей, если он в течение двадцати пяти лет с дезгинским населением, составляющим теперь лишь половину губернии, устоял против непрерывно сыпавшихся, как дождь, снарядов и пуль такого в совершенстве могущественного и сильного государства, как Российская держава. Даже убиты были его помощники и храбрецы, участвовавшие в постоянных битвах, и на смену им не было соответствующих заместителей. И самая сдача его и подчинение России, при вполне соответствовавших условиях, была еще одним доказательством его геройства.

Шамиль-эфенди, как только сделал в своем владении шариат исключительной нормой, приложил большое старание к распространению в народе также тариката-накшбанди, так что группы различных руководителей в Даргестане на путях шариата и тариката все объединились как одно тело. В его владениях из разряда ученых к числу

лиц, пользовавшихся в свое время известностью, относятся: Хунзахский его учитель по имени Лачинилау авторитетный ученый; затем совершенный ученый Муртузал-эфенди Ородинский, который после Шамиль-эфенди умер в Темир-Хан-Шуре, будучи на русской службе кадием и получив офицерский чин; также совершенный ученый Магомад-Тагир Карахский, каковой эфенди после него был также в том городе кадием и умер; далее Согрательский Гаджи-Абдурахман-эфенди и сын его Гаджи-Магомед-эфенди, каковой сын после сдачи Шамиля бежал в Турцию и умер там; отец его Гаджи-Абдурахман-эфенди умер в Казанище.

Из шейхов тариката первым муршидом, получившим в его время там известность, является Казикумухский Шейх Джамалуддин-Эфенди, который в юности, завершив образование, стал секретарем и приближенным хана Казикумухского и Кюринского округов Аслан-хана. Потом, когда в Кюринском округе в селении Юхари-Яраг Магомед-эфенди стал наставником тариката, Аслан-хан послал его к этому эфенди уговаривать, чтобы народ не собирался вокруг него. Но этот советчик сам здесь был совращен и передан тарикату. Под конец, получив от этого эфенди полномочие на повстанчество¹⁵²⁾, он бежал из Казикумуха в Цудахар, оттуда в Аварию; во время Шамиль-эфенди он был почитаемым наставником тариката для всего населения его владений, и Шамиль-эфенди выдал также свою дочь за его сына Абдурахман-эфенди. Потом, когда Шамиль-эфенди сдался России, шейх Джамалуддин-эфенди с разрешения Российской державы переселился в Турцию и умер в Константинополе. И в настоящее время двое его сыновей живы и состоят там на службе, а трое сыновей его состоят на русской службе, а именно: один упомянутый Абдурахман-эфенди, который в Казикумухе состоит кадием суда, другой — майор Абдур-агим-эфенди, который там по службе перечислен в милиции и получает из казны жалование, а третий Магомед-эфенди, который состоит наибом в Карсе. Шейх Джамалуддин-эфенди был большим ученым и благочестивым человеком, имел весьма красивый почерк, составлял стихи на арабском языке и обладал красноречием. По тарикату-накшбенди у него есть собственное произведение под названием Ал-адабул марзийя фит-тарикатин-накшбендийя¹⁵³⁾. Также известным муршидом был вышеупомянутый Согрательский Гаджи-Абдурахман-эфенди, который также был уполномочен на наставничество Гаджи-Абдурахман-эфенди. Также известными муршидами были: кюринец

Усухский Магомед-эфенди, казикумухец Хакалу Магомед-эфенди, кои оба после сдачи Шамиль-эфенди отправились в священную Мекку, причем второй там умер, а первый, вернувшись оттуда в Кюринский округ, умер в своем селении. Их наставником был шейх Джамалуддин.

Был также известным там муршидом выселившийся туда из Кубинского уезда из селения Цахул Гаджи Али Асгар-эфенди (известный под именем Гаджи-Аскер). Этот эфенди после сдачи Шамиль-эфенди выселился с семьей в священную Мекку, где и умер. Также выселившийся из селения Кабир Кюринского округа Гаджи Насрулла-эфенди. Этот эфенди был человек весьма богобоязненный и обладавший красивым письмом. Хотя он приложил труды, чтобы постичь некоторые трудные предметы, вроде науки химии, но ничего не сумел сделать. Под конец, будучи осажден вместе с Шамиль-эфенди в Гунибе, он был убит в сражении, происшедшем там с русскими.

Одним из высших военачальников Шамиль-эфенди был Даниял-Султан. Этот человек, происходя из Елисуйских владений, прежде был генерал-майором на русской службе и был правителем своего владения. Потом он перешел на сторону Шамиль-эфенди и долгое время находился в Дагестане в его подчинении. Он выдал также свою дочь за сына Шамиль-эфенди и тем укрепил свою близость к нему, а когда Шамиль-эфенди сдался Российской державе, он был этой державой амнистирован, ему снова был пожалован прежний чин и ежегодно ему выдавалось жалование до трех тысяч рублей. Потом он переселился в Турцию и там умер. Он был весьма даровитой личностью. Затем Башир-Бек-Тагирбек-Оглы. Этот человек, происходивший из рода Казикумухских ханов, находился при Шамиле вместе со своими сыновьями Абдурагим-беком, Фатали-беком и Абдул-Кадыр-беком, а когда Шамиль-эфенди сдался России, то русские поселили Башир-бека с его сыновьями на его родине в Казикумухе. Потом он был принят на должность депутата Народного суда в Темир-Хан-Шуре; ему государством был дан чин и оказано внимание, а умер он в Казикумухе. Также из его сыновей Фатали-Беку были даны должность наива в Казикумухе и чин, но под конец он изменил государству и был убит в восстании, возникшем в 1294 (1877) году, о чем подробности будут указаны ниже.

Затем Хаджи-Мурад. Этот человек был редким в мире храбрецом и героем. Происходит он из столицы аварских ханов — селения Хунзах, где при убийстве Гамзат-бека

он со своим братом по имени Осман был зачинщиком убийства. Когда после того русские в одно время захватили Аварию и назначили там ханом дженгутайского Ахмад-хана, Хаджи-Мурад состоял там также на русской службе. Но упомянутый Ахмад-хан донес бывшему там в то время правителем генералу Кулагину, что Хаджи-Мурад с ним не ладит, что он подстрекательствами отвращает от него население, и что он имеет тайные сношения с Шамилем. На этом основании генералом дан был Ахмад-хану приказ арестовать его и с конвоем выслать к нему в Темир-Хан-Шуру. Поэтому в 1256 (1840) году в 19-й день ноября месяца Ахмад-хан арестовал Хаджи-Мурада и с конвоем отправил его к нему из Хунзаха в Темир-Хан-Шуру. Однако, в пути он бросился вниз с очень высокой скалы, бежал от конвоя и спрятался в каком-то месте вроде бывшего в тех местах старого ятага¹⁵⁴), а потом отправился к Шамиль-эфенди; но вследствие этого прыжка со скалы тело его было смято, он долгое время пролежал в постели, перенес лишения и выздоровел. И по той же причине он стал, в некотором роде, хромым на ноги. На службе у Шамиль-эфенди Хаджи-Мурад долго был наибом в Аварии, причем постоянно выступал оттуда с пятью—шестью сотнями хорошей конницы и, совершая хищения и грабежи в округах и районах подвластных России, обнаруживал большое искусство и доблесть. Точно также в прочих битвах он приобрел большую славу в качестве командующего войском. Но в 1267 году Гиджры (1851), когда он, прибыв в селение Буйнак, убил там брата шамхала по имени Шахвали, взял в плен его жену Султанат-бике и малолетних сыновей, отправился с ними в Табасаран и оттуда вернулся в Аварию, то Шамиль-эфенди был им огорчен, возмущен и даже хотел его казнить. Поэтому Хаджи-Мурад бежал из Дагестана в Чечню в ноябре месяце 1268 (1851) года¹⁵⁵), а оттуда перешел на сторону России, изъявил этой державе покорность и был оттуда отправлен в Тифлис. Тогда в Тифлисе ему было оказано со стороны наместника большое внимание и почет, причем возникло также намерение дать ему милицию и всадников и назначить его на службу против Дагестана. Но когда бывший в то время главнокомандующим в Дагестане генерал-адъютант князь Аргутинский, считая его выражение покорности за хитрость и обман, сообщил свое мнение, утверждавшее, что доверять ему нельзя, то ему не было дано много воли. И действительно, под конец правильность суждения этого князя подтвердилась на деле. Он не пожелал остаться в Тифлисе, переселился в гар. Нуху, постоянно выезжал там из города верхом на прогулку с несколькими

лезгинами слугами, причем со стороны властей над ним был установлен тайный надзор. И вот в апреле месяце 1269 (1853) года он, совершая по своему обыкновению за городом прогулку верхом, убил одного урядника сопровождавшей его команды тайной охраны, сильно ранил другого охранника и бежал оттуда с бывшими при нем лезгинами в сторону Дагестана. Но по распоряжениям властей его пути были со всех сторон преграждены и он, наконец, с боем был там убит.

Затем Кибит-Магомад. Этот человек был личностью, считавшейся в Дагестане обладателем распорядительности, знания и храбрости. Будучи родом из селения Телетль Гунибского округа, он, по окончании в Дагестане своего образования, начал службу во времена Гази-Магомед-эфенди и Гамзат-бека, а потом состоял на службе у Шамиль-эфенди вплоть до его сдачи России. Оннискал среди дагестанского населения такую популярность и любовь, что были предположения вроде возведения его в имамат после Шамиль-эфенди. Он в 1253 (1837) году стал в Телетле наибом Шамиль-эфенди, а в 1259 (1843) году, когда на это селение Телетль напали русские войска, он был начальником и предводителем легион, выступивших с той стороны, и проявил большую доблесть в происшедших там жестоких битвах. Когда Шамиль-эфенди сдался, упомянутый Кибит-Магомад выбежал из Дагестана, отправился в Турцию и там умер.

Затем был весьма храбрый наиб и военачальник по имени Хакверди-Магомад. В 1256 (1840) году в Чечне в битвах с русскими он проявил храбрость и способность, а в 1259 (1843) году в происходивших там сражениях он также проявил много доблести и был там убит.

Далее был храбрый военачальник по имени Бок-Магомад, родом Казикумухец, приобретший имя и известность на службе у Шамиль-эфенди. Этот человек в 1269 (1853) году с значительной конницей появился в Табасарани, был окружен в селении Шилаги русским войском, а в прошедшей там большой битве был ранен, взят в плен, отправлен в Дербент и от ран там умер.

Затем Кур-Магомад-эфенди, известный под именем Кур-Молла. Этот человек по происхождению житель селения Хойми Казикумухского округа. Получив некоторое образование, он во время Аслан-хана стал муллой в селении Магарам-кент Кюринского округа. Ставший ханом после Аслан-хана, сын его Магомад-Мирза хан вызвал к себе этого Кур-эфенди, почему-то приказал ему выпить вина и, напустив на него своих слуг, принуждал, чтобы тот обязательно выпил этот напиток.

Но эфенди в виду запрещенности питья его, отказался от него, перенес всякие побои и вытерпел пытку. Тогда этот хан приказал своим слугам вырезать ему оба глаза. Слуги один глаз ему вырезали совсем, а другой кругом слегка поранили ножом, окровавили вроде вырезанного и смилостивились к нему. В таком состоянии он был отпущен. Потом этот эфенди бежал к Шамиль-эфенди и состоял на его службе начальником всадников и в других должностях вплоть до сдачи Шамиль-эфенди. Потом он вернулся в Казикумух и умер спокойно на своей родине.

Далее Гаджи-Юсуф. Этот человек, будучи родом из Чечни, отправился оттуда в Египет, долго оставался там и, изучив там арабские науки и науки военные, долгое время состоял на службе у хедива. Наконец с 1263 (1847) года, когда он, вернувшись на Кавказ, явился к Шамиль-эфенди и выказал перед ним свои качества и совершенства, Шамиль-эфенди весьма возвеличил его, использовал, дав ему в сообщество интеллигентных и способных лиц для распространения в Дагестане усвоенных им знаний в артиллерийском искусстве и в геометрии; назначил его наибом в Чечне, а при укреплении всех находившихся в его владениях крепостей и окопов—руководствовался его мнением и указаниями. Но так-как, когда он был наибом в Чечне, общества были недовольны его обращением, Шамиль-эфенди отставил его от должности их наиба, но почтил и возвеличил в прочих должностях. А когда в 1271 (1855) году возникла война между Россией и Турцией, Гаджи-Юсуф тайно от Шамиль-эфенди затеял переписку и сношения с папой Карса и был заподозрен в каких-то намерениях. Поэтому Шамиль-эфенди выслал его в селение Андийского округа, называемое Акнода, и велел там держать его под надзором. Но в 1273 (1857) году он бежал из того селения к русским в город Грозный и в день прибытия туда ночью умер.

Также Инков-Гаджи. Это был человек, происходивший из селения Чох Гунибского округа и совершивший большие подвиги при Шамиль-эфенди с момента его выступления и до конца, обладая при этом способностями в артиллерийском искусстве. Шамиль-эфенди засватал его дочь за своего сына и тем завязал с ним узы родства, а его сына Исмаила Шамиль-эфенди назначил в Чохе наибом. Когда же Шамиль-эфенди сдался, Инков-Гаджи переселился в Турцию, но, не устроившись там, снова вернулся сюда и умер у себя на родине. Упомянутый сын его Исмаил с того времени до сих пор состоит в Дагестане на русской службе в должности наиба и пользуется почетом и уважением.

Также Амир-хан. Это писатель, происходивший из селения Чиркей, хорошо изучивший арабские науки и обладавший красивым письмом. Он более двадцати лет прослужил у Шамиль-эфенди в должности начальника канцелярии, причем в 1256 (1840) году поехал от Шамиль-эфенди в Константинополь, повидал там кое-кого из вельмож турецкой империи, и с ним было выслано оттуда в Дагестан много снаряжения, оружия и тканей. Но по пути при перевозке сюда через Черное море все эти вещи были захвачены стражниками Российской империи, и труд Амир-хана, понесенный в течение трех-четырёх месяцев пропал даром. Только лишь сам он с большими лишениями добрался до Дагестана.

У Шамиль-эфенди еще много выдающихся людей, и его деяния, совершенные за двадцать пять лет, охватить и изложить здесь нет возможности¹⁵⁶⁾. Только история его завершается тем, что со всех сторон ежегодно сильные войска Российской державы непрерывно нападали на него, люди гибли, население потеряло возможность заниматься хозяйством и больше не могло выдержать таких тяжких лишений. И вот в 1276 (1859) году наместник Кавказский генерал-фельдмаршал князь Барятинский окружил Дагестан со всех сторон и в селении Гуниб принудил Шамиль-эфенди сдаться. После сдачи он был сослан с семьей своей в Россию и с почетом был поселен в городе Калуге. Под конец он оттуда отправился в Хиджаз, совершил хадж в священную Мекку, поехал затем в слабую Медину и там скончался. Старший сын его Гази-Магомад-эфенди со своей семьей живет там, а младший сын Магомад-Шафи-эфенди сделался на русской службе генералом и живет в России.

Параграф четвертый.

О состоянии Дагестана после сдачи Шамиль-эфенди Российской державе.

После сдачи Шамиль-эфенди в Дагестане Россией водворено спокойствие и облегчение; в каждом округе установлены из самого населения сельские суды, кадии и наибы и осуществляется правосудие. Однако, иногда среди дагестанского населения возникали движения против порядка, и виновные подвергались соответствующему наказанию. В том числе однажды в Джарском районе выступил человек по имени Гаджи Муртуз, убил там одного генерала и под конец был арестован и сослан в Россию, а вред¹⁵⁷⁾ от него коснулся там многих лиц. В одно время в Чечне выступил некто по имени Кунта-шейх, собрал на-

род вокруг себя и в виду этого преступления был арестован и сослан в Россию. В 1233 (1244) году жители некоторых селений Кайтага и Северной Табасарани провинились, подняв восстание и совершив нападение на русское окружное управление, открытое в селении Маджалис. Пребывавший в то время в Темир-Хан-Шуре правитель Дагестана генерал-адъютант князь Меликов явился туда с войсками, арестовал виновных, повесил трех—четырёх их главарей, разрушил селение Шила, бывшее очагом этого зла, и селение Нижний Гасик, местожительство многих виновных в соучастии, и переселил жителей их в Россию. В 1294 (1877) году произошло событие хуже всех этих. Когда возникла война между Россией и Турцией, дагестанское население подняло в этой стране восстание и подверглось многим лишениям и бедствиям, причем в виду остроты момента во многих случаях нельзя было установить истину, и, так сказать, в пламени сухих дров стали гореть и сырые¹⁵⁸). Некоторые подробности событий выясняются из следующего письма, составленного мною сыну моему, находившемуся в то время в Петербурге на службе при его величестве императоре в собственном конвое¹⁵⁹):

Абу-Муслим мой дорогой,
Голубчик добронравный мой!
Будь долговечен, жив и цел,
Да будет счастлив твой удел,
А покровителем в делах
Тебе пусть будет Лулак-шах¹⁶⁰).
Затем вся суть мечты моей
В счастливой лишь звезде твоей.
А если спросишь обо мне
И на родине сей родной стране,
Хвала Шаху, жив и я,
И дяди, братья, мать твоя,
Родные все за ними вслед.
Но много нас постигло бед.
Свернуло колесо судьбы,
Сойдя с дороги правды прочь.
Картины смуты и борьбы
Изобразить мне здесь не вмошь.
Порвалась вдруг событий нить,
Осленок вздумал львом зажить.
Завеса тайны сорвалась
С лица судьбы и началась
Кровопрлитная война,
И горе всем несла она.

И в прах презренья вдруг упал
И чванный бек и генерал¹⁶¹).
Ведь был наш Дагестан родной
Беспечно спавшею страной.
Под властью русского царя.
Народ жил лучше, чем теперь.
Нежданно соградинцы зря
Ошибкой злу открыли дверь.
Подняли шум, что Гимры валя.
В нагорье турок уж пойдет.
Сегодня—завтра, рать собрав,
Шамиля сын в Гуниб придет,
Шуру возьмет Алибек-Гаджи,
Очистят русские страну.
Сплели хабары так из лжи,
Что уж не веришь ничему.
До глупости такой дошли,
Что главаря себе нашли:
Гаджи Абдурахмана сын
Восстанья центром сделан был.
Халифа, мол, заменят он,
На все есть у него закон.
Таким примером увлеклись
Кумуха также жители.
И скопищем обрушились
Они на крепость. И пошли,
Убив начальника, на сход,
Где выбран ханом был Джафар.
Избраньем ослепленный тот
Провел войска на Цудахар,
Вовлек Сургинский край в борьбу,
Муги и прочих сел гурьбу.
Проникло пламя и в Кайтаг,
Где злее каждый стал бедняк,
Где пыл борьбы не угасал,
Башлы же центром смуты стал.
Начальник округа сбежал
С людьми в Дербент из Маджалис,
А Мехти-хан уцмием стал,
Не зная, как от масс спастись¹⁶²).
В Табасарани Северной
На власть был выбран Кумалат,
А из Кюры¹⁶³) в беде такой
Сбежал в Баку начальства штат.
Кюринцы тут в восторг пришли,
В долинах свой уют нашли.

Находкой стала воля там,
 Предались смело граббжам,
 Пошла резня, но срок спустя,
 Избрал народ себе вождя:
 Стал ханом Магомед-Али,
 И стар и млад за ним пошли.
 А Южная Табасарань
 Одобрить это все спешит:
 Ох, без майсума каждый хан
 Нас, дескать, всюду пристыдит
 Майсумом бедный Аслан-бек
 Стал, как достойный человек.
 Ахтинцы также в бунте том
 Участье приняли потом.
 Кази-Ахмед их ханом стал
 И в новом сани ликовал.
 Он славу приобрести решил,
 В Кубу с войсками поспешил.
 О горе! О беда нам всем!
 Как много зла везде опять!
 Меж ними не нашлось совсем
 Толковых личностей хоть пять.
 Спокойно не сидел никто,
 Всколыхнулось воров гнездо.
 Кюра примерно без властей
 Осталась пятьдесят лишь дней,
 И облик потеряв людской,
 Волкам подобно, с волей злой
 Все стали грабить, воровать,
 Почти друг-друга поедать!
 В поля бежали бедняки,
 И с ними там в стадах быки
 Ревели, унисон совсем.
 А вдовы, сироты меж тем,
 Дрожа под стужей и дождем,
 Устроили в лесу свой дом.
 Ютились люди под скалой,
 В пещере находя покой.
 В Нитюге властный Абакар
 Скакал верхом, как славный царь.
 Стал вождь воров Мукуц и с ним
 Был Чилихарский вор Мирим,
 А в Куге вор Ашур злодей
 И Гаджи-хан—прелюбодей.
 Маазан злодеем стал в Заза,
 И там-же стал лисой Мирза.

Судьей Самед в Яраге стал,
 Хан в Хаки-кенте стал, Устар.
 В Кабире стал Вали как царь,
 В Испики Исрафиль Хункяр¹⁶⁴).
 Афат и Шахнамаз ведут
 В управе протоколы тут¹⁶⁵).
 В Дербент, в Кубу пошли опять
 Леэгины толпами бежать.
 И в Астрахань семейные
 Поехали ведь многие,
 А часть из них на кораблях
 Осталась здесь на якорях.
 На всякий случай я сбежал
 Из Алкадара сам в Дербент,
 Мой дядя тоже прискакал
 С бежавшими из разных мест.
 Нас встретили упреками,
 Болтун нас каждый осуждал.
 Потом в тюрьму попали мы,
 А кой-кто дело выяснял.
 В конце же буря разрослась,
 Как вихрь холодный, против нас.
 Войска в ряды построили
 И пушки приготовили.
 Князь Меликов Шуринский сам
 Приказ своим дал агентам,
 Чтоб Цудахар весь истребить,
 Согратль же в мусор превратить.
 Джафар и чохцы схвачены,
 Юнец, имамом названный,
 И много лаков и других
 Все испытали злую месть.
 С семьею многие из них,
 Покинув дом, ушли с сих мест.
 Гази-Ахмед с детьми бежал
 В Аварю, но в плен попал.
 А Комаров же генерал
 В Юждаге уж поджог Башлы,
 Дюбек и Янги-кент он взял.
 В кострах сгорели и они.
 Его приказом казнены
 Мехти и Кумалат с людьми.
 Буянов всех он разогнал,
 Потом народ весь обласкал.
 Кюринцы же с самурцами
 К нему с раскаяньем пришли.

Ах, много было всяких дел;
 Но очень боязно писать ¹⁶⁶⁾.
 Смягчит аллах лишь наш удел,
 Его-б лишь милость нам спискать.
 Ведь он причина всех причин,
 Он волен снизить и поднять.
 Сердцами правит он один
 И волен силу-ль слабость дать.
 Надеемся, что даст властям
 Он склонность к добрым лишь делам.
 Мой сын, закон наш исполный —
 И зла не делай никогда.
 Мемнуну вести посылай,
 Мой свет очей, хоть иногда.

В общем, в той смуте многих виновных повесили, а много народу было выслано с семьями в Россию и большинство их умерло там. Лишь очень немногие из них, оставшиеся в живых, оттуда были возвращены в Дагестан на основании всемилостивейшего манифеста, воспоследовавшего при восшествии на престол его императорского величества государя императора Российского Александра Александровича Третьего. И они с тысячью лишней предались здесь заботам о средствах к жизни и понемногу стали оживать. И я несчастный состою в их числе. Но какая в этом польза, когда разрушена Басра ¹⁶⁷⁾. Впрочем, Аллах то ведает.

З а к л ю ч е н и е.

Параграф первый. О нравах Дагестанцев.

Хотя характеры и нравы Дагестанских племен, составившихся из многих разнообразных и взаимно противоположных классов и групп, различны, все-таки они характеризуются некоторыми хорошими качествами, такими, как храбрость, самолюбие, щедрость и уважение к герою. В возникавших здесь часто преступлениях вроде насилий и восстаний—считать виновными всех жителей будет несправедливо, так-как большинство их некультурно и выбивается из колеи несколькими зачинщиками зла. Аллах велик и славен. Красноречивое слово достигает цели ¹⁶⁸⁾. Тот же также если кто-нибудь, будучи или не будучи богатым, оденется в дорогой костюм, или возведет высокую застройку, другие, подражая ему и не учитывая своих доходов, увлекаются такими примерами, понапрасно влезают в долги и

впадают в заблуждение. В особенности при женитьбе сыновей тратят все средства, делают большие угонения и расходы и остаются впав в долги и в бедность. В общем беда, всегда постигающая их, происходит от проживания в горах без общения с миром и от незнакомства с нравами правящими начальства, которое они редко видят, ибо, как сказал почтенный Фузули, „дружба всегда бывает ветвью общины“ ¹⁶⁹⁾. Бог даст, в будущем, если в результате стараний со стороны могущественного государства из них будет много учившихся и повидавших свет, и они пробудятся, то заложенные в их природе стремление к знанию и способность обнаружатся, и они станут дружественным и желанным элементом. Какая это была бы милость аллаха!

Прибавление. Вещи, считавшиеся среди Дагестанского простонародья в прежнее время признаком счастья (удачи).

- 1-е. Достать себе коран, написанный выдающимся почерком.
- 2-е. Красивая жена из числа двоюродных сестер. ✓
- 3-е. Верховой жеребец из породы светлосерых лошадей Казахского магала или из светлогнедых лошадей Карабага.
- 4-е. Пистолет или ружье изготовления полдучившего в свое время в Крыму известность Гаджи Мустафы, или же мадыарское ружье изделия некоего Сарали, тамошнего же.
- 5-е. Хороший кинжал, изготовленный в селении Казанице и выделанный мастером по имени либо Базалай-Али, либо Абдул-Азиз.
- 6-е. Хорасанская сабля, или острая сабля выделки Исфганского Уста-Асада, либо египетского изготовления.
- 7-е. Янтарные четки, либо четки коралловые. =
- 8-е. Несколько беспечный образ жизни. =

Параграф второй. Имена некоторых умерших и живых в настоящее время лиц из Дагестанских Эмиров.

Как выше было упомянуто, когда под командой генерала Хатунцева русскими был отнят у Шихали-хана Кубинский уезд, там Российской державой был поставлен Мирза Магомед-Хан из рода бакинских ханов и уезд этот управлялся этим ханом в течение значительного времени. Потом, когда он умер, правительственная власть была вручена русским начальникам. Из сыновей этого хана было несколько лиц, приобретших на русской службе почет и известность. Первый из них Аббас-Кули-ага. Он, после научения в Кубе и прочих местах Дагестана наук и дисциплин арабских и персидских, служил в русских правительственных учреждениях, изучил на службе русский язык и грамоту, пользовался почетом и уважением при начальстве того времени

и достиг чина полковника. Под конец, выйдя со службы в отставку, он предался благочестию и совершил пилигримство к дому аллаха¹⁷⁰). В 1261 году Гиджры (1845) он умер между священной Меккой и славной Мединой в стянке под названием Вади-Фатима и там похоронен. Он был весьма способный и сведущий человек и у него имеется несколько произведений и посланий на персидском и арабском языках. Его автоэпитет Кудси¹⁷¹). Хотя вероисповедание покойного было секты двенадцати¹⁷²), но он, как несомненно явствует из его произведений, порицал такие вещи, как поношение и поругание трех халифов¹⁷³) и вел образ жизни, как говорит почтенный имам Шафи, да будет он угоден аллаху: Избегай поминать их злом, как врагов и презираемых, а старайся быть другом Хашимитов. В красноречивом стихотворении его, написанном на тему нравоучительной поговорки, касающейся богоугодного поведения ~~на~~ насилия, ни увещаний не надо, а суть в золотой середине имеются следующие стихи¹⁷⁴):

Не правоверен никто, если не совершает добрых дел,
И кяфир тот, кто не ищет правды.
Так как без силы дело не осуществляется в жизни,
То дело в нашей воле и силе.
Кудси, все хорошо, что идет от доброго друга,
Но и взамен всякого зла предписано добро.

В порядке напоминания нам кажется уместным привести здесь одно пятистишие¹⁷⁵) покойного, а именно:

Взгляни, соловей, на цветник ты во имя аллаха¹⁷⁶).
Не плачь, осуши свои слезы во имя аллаха.
Будь стойким, пусть сердце рыдает во имя аллаха.
Для мужа лишь воля есть счастье, во имя аллаха.
Любуйся на губки и щечки во имя аллаха.
Усиливай изо дня в день свое рвення к ней ты.
К чему тебе слава? Лишь горе любовью зайей ты,
И веру и все променяй на свидание с ней ты.
А если не так, на базар пойдя, горе рассей ты,
Как Иосиф в цветной шел рубахе, во имя аллаха
Питай свою страсть, терпеливо тверди бесконечно:
„О если бы свидеться с ней мне случайно, хоть встречено,
Я смело бы дал свою жизнь ей легко и беспечно“.
Кумир мой, как сабля сверкая, стоит безупречно¹⁷⁷)
Влюбленный бедняк, коль ты прав, то во имя аллаха.
Скажи ей: „Кумир осторожный, отбрось ты сомненье.
В день черный к тебе ведь мое не убавится рвенье.
В сердечной печали иссякло мое уж терпенье.
Решись же, момент наступил, уж признай соглашенье.

Глаза мои кровью сочатся, во имя аллаха.
Глаза твои мокры от крови сердечной, Кудси.
Сгорело в страданий огне твое сердце, Кудси.
Все скорби ты ей Расскажи по порядку, Кудси.
А если ей сердце смягчить так не сможешь, Кудси,
То дай объясненью иной тон, во имя аллаха.

У упомянутого покойного в сатирических произведениях слово резче и острее всякого военного оружия, как это видно из его сатиры, написанной при поездке в город Тавриза на тамошнее общество и имеющей такое начало:

О удручающая толпа тавризовцев!
У вас вместо деликатности надоедливость. Что за нравы!
Я постоянно прогуливался по улице на базар.
Людей встречал очень мало, а скопищ много.

У покойного не было детей мужского пола, только было четыре-пять братьев. Один из них генерал-лейтенант Джафаркули-ага, уже умерший, от которого теперь остался один сын, а именно генерал-майор Гасан-ага. Другой генерал-майор Абдулла-ага, который умер не имея детей.

Затем выше было упомянуто, что в 1226 (1811) году Аслан-хан был назначен ханом в Кюринском округе, а в 1236 (1821) году ему во власть было дано и Казикумукское ханство. Когда выступивший в Аварии Гамзаг-бек перебил в Хунзахе род местных ханов и через некоторое время сам также был убит, то прежде, чем утвердился там власть Шамиль-эфенди, тамошнее ханство также было вручено Россией этому Аслан-хану, так что Кюринское, Казикумукское и Аварское ханства все объединились под его властью. Будучи хорошим организатором, усовершенствовавшимся в знаниях административных и политических, он от России получил ранг генерала и различные знаки отличия и умер в 1253 (1837) году. Подвластные ему земли были после него вручены его сыну майору Магомед-Нурал-хану, а когда через полгода и тот умер, были доверены другому его сыну полковнику Магомед-Мирза-хану. Но через полтора года и этот умер, после чего на упомянутых владений Аварское ханство было Россией передано джэнгутайцу Ахмед-хану, а от него это ханство отнял Шамиль-эфенди. Кази-Кумукское ханство Россией было вручено Абдурахман-хану, сыну Омар-бека, брата Аслан-хана, а после его смерти другому его сыну генерал-майору Агалар-хану. Однако в 1274 (1858) году и этот умер и там было открыто русское управление. Кюринское ханство Россией было вручено Гарун-беку сыну Тагир-бека, брата Аслан-хана, а после его смерти другому его сыну, генерал

майору Гаджи Юсуф-хану. В 1278 (1862) году элэт хан отправился в хадж, от ханства вышел в отставку и здесь также открылось русское управление.

У упомянутого Аслан-хана, управлявшего этими владениями в течение двадцати семи лет, из потомства мужеского пола никого не оставалось. Только от его сына Магомед-Нуцал-хана осталась одна дочь, а именно Хаджа Шамай-бике. Она дважды совершила путешествие хадж и на поклонение могилы последнего из пророков. Теперь она жена Гаджи Хаспулат бека, эмира Кумторкалинского. От сыновей Омар-бека—другого брата того хана, Абдурахман-хана и Агалар-хана в настоящее время мужеского потомства не осталось. Но от детей Тагир-бека—второго брата того хана, в настоящее время имеется в Кюринском и Казикумухском округах много домов и семейств. Из их числа покойный Гаджи Юсуф-хан и его достойнейшие сыновья, хвала аллаху, споспешествовали многим добрым делам и дали ряд поводов и причин поминать их добром и молиться за них до скончания мира. А именно—этот Гаджи Юсуф-хан в противление прежним ханам совершенно воздерживался от увеселений и от опьяняющих напитков и был человек богобоязненный и религиозный, совершавший обряды и дела благотворительности. В течение шести лет и состоял при нем на службе ¹⁷⁸⁾. В его доме, как в медресе, постоянно были учащие и учащиеся наукам и искусствам, там же совершались пять намазов вместе с джамаатом, а каждый вечер между заходом солнца и началом ночи он и его сыновья обязательно прочитывали вслух один джув ¹⁷⁹⁾ Корана. Он заставлял с особым вниманием делить обязательный закят между имеющими право получать его. Кроме того он делал много пожертвований. В том числе покойный на свои деньги построил в селении Курах большой мост, такой же большой мост построил на Арагчае, а также мост Магарам-кента построил большой мост. Он же построил широкую дорогу, идущую перед селением Араг вверх на Кабир, а также много мелких мостов и дорог. Он также возобновил в селении Ябаг мечеть и школу, а в городе Дербенте построил прочные стены вокруг Кирхлярского места поклонения. Отправляясь в хадж, он ваял с собой своего сына поручика Гаджи Садык-бека и многих лиц, при чем сверх благотворений и пожертвований, сделанных им в святом Иерусалиме, священной Мекке и славной Медине, после его смерти из его имущества, на основании его завещания, было в виде благотворительности внесено пять тысяч рублей денег в вакуфный фонд храма аллаха ¹⁸⁰⁾, пять тысяч рублей денег в вакуфный фонд священной

могилы ¹⁸¹⁾, а две тысячи рублей было потрачено на благотворение дербентского общества.

Точно также его почтенные жены подражали ему: Бегмага-бике построила большой мост на месте моста называемого Дауд-керпы, провела с большими расходами в селение Алкадар воду из окрестностей, перестроила в лучшем виде соборную мечеть Юхари-Ярагскую; Сельми-бике построила мост на Курахской дороге, построила соборную мечеть в селении Джебель и устроила водопроводы в Яраглахах. Также и достойные сыновья его—Курахский наиб капитан Гаджи Магомед-бек, вышеупомянутый Гаджи Садык-бек, Кутуркюринский наиб прапорщик Халид-бек, подпоручик Шахмардан-бек, Тагир-бек, Магомед-Нуцал-бек и их сыновья всячески выдаются религиозным и светским воспитанием и украшены наружными и внутренними хорошими качествами. Да продлит им жизнь аллах всевышний.

Покойный Гаджи Юсуф-хан умер в 1295 (1878) году в городе Дербенте и похоронен на Кирхлярском местопоклонении. Мною была написана следующая элегия по случаю этой смерти:

Увы! О, горе! Сиятельный Юсуф-хан
Переселился в вечность, отвернувшись от мира.
Его жизнь была красой Кавказа и мусульман.
Он был верным убежищем в эпоху смуты:
Остались без главы мусульмане в этих странах.
Он заслуживает, чтобы весь Дагестан оделся в траур!
Боже, по милости твоей сделай его чистую могилу
славной,
И из рода его всегда создавай подобных ему.
Конец месяца Зуль-када стал датой его смерти,
Спустя после Гиджры лет тысяча двести девяносто
пять.
Берите, зрители, пример с него и помните смертный
час.
Не забывайте также этого покойного поминать добрей
молитвой.

Из рода таркинских шамхалов князь Абумуслим-хан шамхал, получивший от России чин генерал-адъютанта, умер в 1227 (1861) году; после него остался сын его генерал-майор князь Шамсуддин-хан. Однако, этот князь добровольно отказался от должности шамхала в пользу России и все дела по управлению перешли к русским начальникам. Сам он умер и мужеского потомства у него нет. Но жив его брат Джамалуддин-бек, который теперь состоит наибом в Шуре. Живы также и его двоюродные братья буцнакские Хукаил-бек, Зубаил-бек и другие.

Из Мехтулинских ханов никого известного в живых нет. Также не видно в живых сколько-нибудь известной личности из рода майсумов южно-табасаранских; есть лишь Имам-Кули-кентец Шахабас-бек Бала-бек-оглы, который, получив образование на русском языке, в настоящее время состоит на службе в Темир-Хан-Шуре депутатом, да еще есть Геврахец Новруз-бек Магомед-Гасан-бек оглы, который служит в Дагестанском полку.

Должность же самого майсума южно-табасаранского, после отставления от нее в 1283 (1866) году покойного подполковника Султан-Ахмед-бека Карахан-бек оглы, стала исправляться наибами, назначавшимися правительством.

После смерти уцмья генерал-майора Магомед-Джамав-хана должность Кайтагских уцмиев исправлял полковник Ахмед-хан. Однако, в 1283 (1866) году был отставлен также и этот Ахмед-хан от своей должности, а это владение было передано во власть назначенных государством начальников и наибов. Затем и сам Ахмед-хан умер, потомства его не осталось, но из семьи Джамав-хана в Кайтаге остается в настоящее время в живых полковник Амир-Чопан-хан. Также и другой сын Джамав-хана по имени Ахмед-Паша, переселившись в Турцию, проживает там. Из их рода остаются в живых в Кайтаге также и другие владетели и старейшины, как, например, уважаемый эмир Абдул-Джалал-бек сын покойного Талхат-бека и другие.

Должность северо-табасаранского кадия, после того как от нее в 1283 (1866) году был отставлен покойный подполковник Ильдар-Кадии Айды-кади-оглы, исправляется наибом, назначенным правительством и в настоящее время наибом там состоит сын того покойного ротмистр Бейбала-бек, светлая личность, украшенная многосторонним духовным и светским воспитанием. Также из Северо-табасаранских владетелей жив достойный сын покойного Маррагинского подпоручика Исмаил-Кадии прапорщик Мамерзабек, человек, который отличается весьма благородным характером и известен духовными и мирскими добродетелями. Сообразно духу настоящего времени он приложил все старание, чтобы дать образование своим достойным сыновьям. Один сын его, по имени Мирза-Кадии, окончив обучение в младших и высших русских учебных заведениях, служит в драгунском полку. Из остальных сыновей его Абас-бек и Насреддин-бек также собираются по окончании курса наук в Бакинской гимназии сегодня-завтра перейти в другие высшие учебные заведения, да даст им Аллах полезную и счастливую жизнь. Также жив из рода этих табасаранских кадиев житель Гимейды Бейбала-бек, обладаю-

щий в высокой степени великодушием и щедростью, коего достойные сыновья также обладают выдающимися качествами. Из них один Муртузали-бек, который состоит в Кайтаге наибом русского правительства, а другой почтенный уважаемый Ахмед-хан-бек, который был побудительной причиной к составлению этой истории, и благородным именем которого поэтому начинается книга эта. Также из рода тех табасаранских кадиев жив Муратыракий житель подполковник Казанаф-бек, который состоит в Кайтаге правительственным наибом. Также жив брат его поручик Муслим-бек, который тоже наиб. Казанаф-бек тоже воспитал своих сыновей в русских школах; один сын его служит в драгунском полку, а остальные обучаются. Также из рода тех кадиев проживает в селении Вичрик Магомед-бек Абдурагим-бек-оглы, у которого есть пять-шесть хороших деловых молодцов сыновей. Также из их рода имеются сыновья покойного дарвахца подполковника Альбурибека Султан-бек и Рустам-бек. Есть также сын Шахмардан-кадия Митагинский житель, почтенный Искандер-бек, сын коего Паша-бек состоит членом Кайтаго-Табасаранского окружного суда.

Также из их рода живут в селении Рукель подполковник Аскер-бек Иса-кади-оглы, его достойные сыновья и сыновья его покойных братьев, веда образ жизни, соответствующий воспитанию и нравам эмиров. Старший брат этого Аскер-бека покойный капитан Ага-бек, будучи заподозрен правительством в соучастии в возникшем в Дагестане в последнее время в 1294 (1877) году восстании, был сослан в Россию. Я тоже был ему там товарищем в ссылке и узнал его близко. Это был человек весьма предприимчивый и мужественный. Он умер в городе Спасске Тамбовской губернии и там похоронен. Мною посвящена была ему следующая элегия:

О горе! Ушел из мира друг, утешивший печаль,
 Не к стати окончив жизнь в чужих краях.
 Проведши юность в почете и покое,
 Под старость ты заточен в изгнании.
 Ты ушел к аллаху, а нас оставил плачущих.
 Что значат пять человек плачущих, соболезнуя тебе.
 Если бы умер ты среди соотечественников,
 То недели бы траур все жители страны,
 У ворот твоих стали бы благородные братья и
 сыновья твои,
 Все родные и весь джамаат в качестве плакальчиков.
 Они бы над тобой читали коран много раз
 И за тебя произнесли бы семьдесят тысяч зикров.

Сорок дней на могиле твоей читали бы коран
И без счета совершали бы жертвоприношения.
Пусть враги не злорадствуют такой твоей смерти,
Ибо и их не пощадит эта судьба.
Не говори, что твоя могила одиноко затеряется в глуши:
Быть может и нам суждена могила там же.
К твоей могиле присоединятся многие могилы

единоверцев,

Изгнанников многих черкесских и татарских,
Тогда уголок этот станет местом посещения для
мусульман,

Цветущим местом жертвоприношений Творцу.
Быть может над могилой твоей воздвигнут памятник,
А над ним будет сияющее изображение серпа луны.
На памятнике том будет надпись: вот могила одного
угнетенного

Князя из Дагестана, имя его славное Ага.
Да будет вечно аллах милостив к тебе,
И да доставит он тебя к монарху павших за веру¹⁸³⁾.
Оставил ты Мемнуна в тысячу двести девяносто седь-
мом году.

В городе Спасске, как Медждуна¹⁸³⁾, в плену и печали.
Хотя возраст покойного был более восьмидесяти лет,
вид и состояние его не были близки к дряхлости и сла-
бости, да помилует его аллах,

Также еще живы в нашу эпоху в городе Дербенте из
класса влиятельных правителей из суннитской группы ге-
нерал Араблинский, родом из Джарского владения, посе-
лившийся там, дербентский уроженец генерал Миматулла-
бек Гайдаров, брат последнего капитан Минетулла-бек Гай-
даров со своими сыновьями, а из имамской шиитской груп-
пы почтенный Гаджи-бек Садыков, который теперь вышей
со службы в отставку и получает пенсию, почтенный Мир-
за бек Агаси-бек-оглы, состоящий теперь надбом, в Южной
Табасарани, затем сыновья покойного подполковника Мир-
за-Мехти-кули-бека капитан Алияр-бек Гашимбаев, кото-
рый состоит в Карсе помощником начальника, поручик Га-
сан-бек Гашимбаев, который в Темир-Хан-Шуре служит в
артиллерии, и другие.

Параграф четвертый. Об умерших и здравствующих ученых и препода-
вателях из дагестанцев.

Как явствует из вышеприведенных известий и преданий
в Дагестанской области чаще всего в прошлом преоблада-
ли насилие и зло, а справедливость и милосердие не при-
менялись. Правители и старейшины взяв за правило хище-
ние, грабеж, убийство и арест, не делали различия между

запретным и дозволенным¹⁸⁴⁾. Поэтому можно сказать, что
они вовсе не слушались учёных и порядочных людей. Есть
также много других оснований полагать, что здесь со сто-
роны правителей не было особой заботы о науке и школах,
так как ни в одном селении или городе из многочисленных
старинных книг нет заметных остатков и в течение тысячи
лет после Гиджры нигде здесь не было собранной библиоте-
ки. Даже выяснить какие были ученые, получить о них
письменный документ или достоверное предание, стало
предметом обследования. Из древних книг, встречающихся
в местных школах и мечетях, видно лишь, что большинство
их собрано и составлено в последние времена, главным об-
разом, в начале двенадцатого века (18 в. Хр. эры) в эпоху
корифея среди ученых Гаджи-Магомал-эфенди ибн Муса
Кудутлинского, распространявшего в Дагестане науки и
искусства. Этот просвещенный человек, происходя из жи-
телей селения под названием Кудутль Аварского владения,
усвоил науки до некоторой степени в Дагестане, потом ез-
дил в Египет, Хиджаз и Йемен, закончил образование в
этих странах и стал знаменитейшим из универсальных уче-
ных. Имеются его примечания на полях книг и отдельные
сочинения по разным наукам: по синтаксису, юриспруден-
ции, хронологии, основам (веры) и догмам. Хотя в „осно-
вах веры“ он придерживался системы шейха Абуль-Гасана
Ан'ари, но в некоторых вопросах, расходясь с ним¹⁸⁵⁾,
он вступил на путь самостоятельного исследования. Точно
также и в юриспруденции, хотя он, подобно остальным да-
гестанцам, был верным последователем имама Шафии, да
будет он угоден аллаху, все же, в некоторых вопросах он
расходился с ним и, как видно из его произведений, всту-
пил на путь толкования учителя Салиха Йеменского, явля-
ющегося самостоятельным муджтахимом¹⁸⁶⁾. В общем, этот
редкий в свою эпоху человек долгое время преподавал и
поучал в Дагестане, потом переселился отсюда в Турцию
и умер в городе Алеппо приблизительно около 1120 (1708)
году, да помилует его аллах всевышний. Из произведений
покойного видно, что в его эпоху в Дагестане много было
притеснений и возмущений, что между людьми тяжбы и
преступления не разрешались по священному шариаду, а
большинство их решалось в судах по оставшимся от отцов
и дедов законам в виде адатов и обычаев. По этому поводу
покойный сильно упрекал адатных судей и аксакалов и
писал обличения на тему: „те, кто судит не по велениям
аллаха, суть братья идола“. Из его заметок видно, что его
учитель шейх Салих Йеменский был самостоятельный муд-
жтахид, придерживавшийся догматов сунитской общины

в числе сочинений коего имеются следующие книги: 1) Ал-Ильмуш-шамих („Вышшая наука“), 2) Ал-арвахун-навафих („Веющие души“), 3) Ал-атфах литалабатиль кшаф („Подарки ищущим раскрытия истины“), 4) Ал-менар филь-михтар мин джавахириль-бахриз-зихар (Фонарь для поиска драгоценностей в море изобилия), 5) Ал-абхасуль-мусааддадат миналь-фузулиль-мутааддадат (Руководящие беседы по различным наукам), 6) Неджахут-талиб ала мухтасар-ибниль-Хаджиб (Успех студента в кратком учебнике Ибн-Хаджиба), 7) Хуббуль-гамам ала булугиль-мерама (Примирение с неприятностями ради достижения цели). Из стихотворений этого шейха в этих краях записано одно, начинающееся так:

Всю жизнь избегал я сектантства.

И написал я книгу для друзей.

В сунне ¹⁸⁷⁾ избранного ¹⁸⁸⁾, да благословит

Его аллах, есть для меня вдохновляющие лучи.

Что мне в сектантстве? Это лишь вещь,

Имеющая ценность для пристрастных спорщиков ¹⁸⁹⁾.

Этот шейх Салих Исменский умер в священной Мекке в 1109 (1698) году, прожив 65 лет, да помилует его аллах всевышний.

Современником Магомеда Кудуглинского является известный в Дагестане истинный ученый Дамалан-эфенди Мугинский. Он был жителем Дагестанского селения под названием Муги, был универсальным ученым и, как видно из его произведений, занимался мистическими науками вроде науки о свойствах и соотношениях ¹⁹⁰⁾. Дагестанцы рассказывают о некоторых чудесах из его действий, что будто он владел искусством извлекать влады и создавать вещества, да помилует его аллах. К современным им ученым относится также Тайб Карахский, который является автором обстоятельных толкований на полях некоторых книг.

К числу известных в Дагестане ученых относится также покойный Гаджи Даул-эфенди, житель селения Усица Акушинского района Даргинского округа. Он составил сборник толкований на полях Шархуль-мерама ¹⁹¹⁾. Есть у него еще и другие сочинения, из коих видно, что он был глубоким ученым. Умер он в 1171 (1758) году. Из его потомства и теперь в том селении есть истинный ученый Магомад-эфенди, который состоит кадием окружного буда, того же округа и получил чин от русского правительства. В наш век в том же Акушинском районе были также истинные ученые по имени Али-шейх-эфенди и Гаджил-Али-эфенди. Они умерли, оставив свои произведения; в особен-

ности последний эфенди оставил много сочинений, в том числе и красноречивые арабские стихотворения.

К числу ученых писателей в Дагестане относится также Гаджи Абубекр-эфенди-ибн-Моавия. Этот просвещенный человек, житель селения Аймахи, Аварского ханства, был весьма правдивой и благочестивой личностью. У него есть несколько самостоятельных произведений по юриспруденции. Умер он в 1205 (1790) году, да помилует его аллах. Современником его был и умер в том же году Акушинский кадий Магомад-кади-ибн-Муса, бывший истинным ученым, хотя из его произведений мы ничего не нашли, да помилует его аллах. Также к числу настоящих ученых писателей в Дагестане относятся Гаджи Ибрагим-эфенди Урадинский, Гассан-эфенди Кудалинский, Омар-эфенди Кудалинский, Салман-эфенди Тлохский, Халис-эфенди Мачадинский, Богчалау-эфенди Мочадинский, Харал-эфенди Арчинский, Саид-эфенди Шиназский, Гасан-эфенди Салтинский, Юсуф-эфенди Салтинский, Саид-эфенди Араканский и Магди-Магомад-эфенди Согратлинский. У каждого из них есть свои произведения. В частности, Араканский Саид-эфенди много преподавал, написал собственноручно много арабских книг и оставил много трудов своих. Почерк у него был весьма убористый и красивый; у него много стихотворений и прозаических произведений. Умер он в конце 1250 или начале 1251 (1835) года. Из них Магди-Магомад-эфенди также был весьма совершенным ученым и у него есть сочинения по философии, богословию и по логике. Также их современниками были Гаджи Дебир-эфенди Гонохский, весьма совершенный ученый и Согратлинские Гаджи Шафи-эфенди, который, получив образование в Египте и вернувшись в Дагестан, с полным усердием стал обучать население чтению Корана на расцев и преподавать в переводах на аварский язык основы и сущность предписаний религии, и Абдулла-эфенди, который обладал способностями в математике и астрономии и предсказывал некоторые явления и время лунного и солнечного затмений, предварительно высчитав, причем, так-как его слово оправдывалось, дагестанцы дали ему прозвище Шайтан-Абдулла. Даже, когда человек, не знавший его, встретившись с ним, спрашивал его имя, он и сам рекомендовался этим прозвищем и говорил, что мое имя — Шайтан-Абдулла.

К числу больших ученых, современников Сурхай-хана второго относится Магомад-эфенди Зарир ¹⁹²⁾ Кумухский, весьма солидный ученый, у которого есть прозаические произведения и очень красноречивые и звучные арабские стихотворения, и Магарам-эфенди Ахтинский, относящийся

маил-эфенди Кумухский, Ших-Амир-эфенди Кубралинский, Ахмед-эфенди Катрухский, Шамсуддин-эфенди-Кумухский, Аюб-эфенди Кумухский, Мирза Сулейман-эфенди и Абакар-эфенди. У них есть сочинения по части поэзии и по прочим видам литературы, и каждый из них был законченно-образованный ученый. Да и теперь там живы хорошие ученые, как, например, Гаджи Абдурахман-эфенди и Магомад-эфенди Хукалинские, Мирза Гарун-эфенди и другие. Также и на нашей родине в Кюринском округе в настоящее время из числа настоящих ученых жив дорогой наш дядя Гаджи Исмаил-эфенди-Яраги сын нашего учителя шейха Магомад-эфенди-Яраги. Кое-что об этом нашем учителе было сказано выше, а дополнение к тому следующее: Шейх Магомад-эфенди, сын Молла-Исмаила, житель селения Юхари-Яраг Кюринского округа. Закончив полностью курс наук и знаний в Кюринском округе и в остальном Дагестане, он стал в эпоху Аслан-Хана преподавателем в своем селении и распространил много наук. Один ученый ширванец по имени Хас-Магомед-эфенди, выучившись наукам сначала у него, вернулся к себе, отправился в Ширване в селение под названием Кюрдамир к шейху Исмаил-эфенди, бывшему муршидом тариката накшбенди, выучился у него тарикату и был посвящен¹⁹⁵⁾, а потом вторично прибыл в то селение (в Юхари-Яраг), но на этот раз, он стал там муршидом тариката и стал ему обучать народ. Даже бывшего своего учителя явных наук, упомянутого Магомед-эфенди он обучил тарикату и дал ему инвестицию на наставничество. Затем Магомед-эфенди стал здесь муршидом тариката, к нему стали отовсюду собираться люди. Как упомянуто было выше, прибыли сюда и Гази-Магомад-эфенди вместе с Шамил-эфенди, получили от Магомед-эфенди тарикатское воспитание и вернулись к себе на родину. Но когда там Гази-Магомад-эфенди начал войну и с Россией возникла вражда, то от бывшего в то время на Кавказе правительственным наместником генерала Ермолова последовал приказ Аслан-Хану арестовать здесь поименованного Магомед-эфенди-Яраги. На этом основании хан отправил его в селение Курах и заключил в тюрьму. Однако, с помощью своих мюридов, этот эфенди бежал из тюрьмы, отправился в Табасарань, туда же вывез из селения Яраг свою семью и книги, и с ними оттуда перебрался в горы и поселился в Аварии. Скончался он в 1254 (1838) году в селении Сограмль и могила его является там местом поклонения. Этот эфенди был весьма глубоким ученым, и у него много произведений, причем в арабском стихосложении он бесподобен. По тай-

ной науке¹⁹⁶⁾ у него есть два арабских стихотворения называемые „большая касида на т и малая касида на т¹⁹⁷⁾“. Сын именно этого эфенди и есть упоминаемый Гаджи Исмаил-эфенди, который усвоил полностью все науки в обучении у своего отца и у прочих ученых Дагестана, много лет занимался в своем селении преподаванием, а потом в течение около двадцати лет был кадием в Кюринском окружном суде. В настоящее время, потеряв способность к мирской службе, он занялся благочестием у себя дома. Он набожный человек, достигший восьмидесяти лет жизни, и ожидающий во здравьи и покое, что аллах всевышний продлит срок его праведной жизни, да хранит его аллах всевышний в благоденствии и почете.

Также и его младший брат Исхак-эфенди был глубоким ученым, но он умер. Одним из больших ученых Кюринского округа является почтенный Гаджи Али-эфенди Рухунский уже покойный. Будучи жителем селения Рухун Кюринского округа, этот солидный ученый усвоил все науки, распространенные в Дагестане; более двадцати лет преподавал в своем селении, обладал прекрасным почерком, собственноручно переписал много книг, причем много лиц получило от него пользу через усвоение наизусть корана. Есть экземпляры корана, написанные этим эфенди очень крупными буквами и поражающие зрителя. В общем он оставил много полезных произведений и, прожив более восьмидесяти лет, умер в том селении в 1267 (1851) году, после чего вместо него преподавателем в том селении стал сын его Абакар-эфенди. Этот в науках более глубокий ученый, чем его отец. Ведя обучение в течение до сорока лет, он под конец остался с притупленным зрением обоих глаз и занят чтением корана наизусть. Сын его Абдул-Гамид-эфенди также ученый, могущий преподавать. Он обслуживает своего слепого отца, да продлит Аллах им обоим жизнь в счастье.

К числу больших ученых Кюринского округа относится Абдул-Халим-эфенди, который, происходя из Самурского округа, поселился в Кюринском округе в селении Шихи-Кент. Он там много лет преподавал арабские науки и знания и получил от шейха Магомад-эфенди Яраги инвестицию на наставничество в тарикате-накшбенди. Проведши в течение многих лет в том селении Шихи обучение и наставничество, он в 1266 (1850) году переселился в вечность, после чего его сын почтенный интеллигент Молла Абдул-Гай состоит там в должности руководителя общества, да помилует его аллах. К числу глубоких ученых преподавателей в Кюринском округе относится и мой по-

койный отец Гаджи Абдулла-эфенди, сын Курбанали Алкадари. Этот одаренный человек, будучи жителем селения Алкадар Кюринского округа, в начале своей юности получил некоторое знание наук в Махмуд-Кенте у Гаджи-Селим-эфенди и у Ярагского шейха Магомед-эфенди, потом переселился в Аварское владение и там окончил образование у гимринца, впоследствии восставшего, Гази-Магомад-эфенди, у харахинца Гаджи-Али-эфенди и у других, включительно до того, что когда туда бежал Ярагский учитель шейх Магомед-эфенди, он вновь явился к нему и вторично поучился у него, причем женившись на его дочери Хафсат, т. е. на моей покойной матери, он достиг чести породниться с ним. В 1254 (1838) году он вернулся оттуда в Кюринский округ, открыл медресе в своем родном Алкадаре и стал здесь преподавать. В этом ему помогли¹⁹⁸⁾ бывшие в его время ханы Магомед-Мирза-хан, Гарун-бек и Гаджи Юсуф-хан, причем он в течение до двадцати пяти лет способствовал распространению здешних знаний и наук и был причиной многих различных добрых и полезных дел, пока не переселился в вечность в 1278 (1862) году в ночь на ураза-байрам. Он был оплакан мною в следующей касиде (араб. яз.):

Постигла меня беда от удара стрел.
 Что сказать! Сон от меня бежит.
 Как утешусь после разлуки такой
 С отцом моим ученым, образцом мудрости,
 Который при разлуке со мной на один день выка-
 зывал

Тоску, вызывавшую тяжелое угнетение.
 Уж он устремился на встречу Милосердному к людям
 В ночь на байрам после поста.
 Я следовал его приказу беспрекословно:
 О! Получались благие достижения и прекрасные ре-
 зультаты.

Я остался, как покинутая вдова,
 В печали, длящейся до дня воскресения мертвых.
 Лицо мое горит огнем, и однако нет ему
 От потока слез никакого облегчения.
 Ложь, что беда легка, если она общая. Напротив,
 Разгорается пламя, когда много горючего.
 О, как ты тленен, мир. Разве
 Ты не обитель суеты и горя?
 Если бы ты соблюдал правду, объявленную Провиде-
 нием,
 Если бы ты оберегал от блуждающих огней тьмы!
 Ты навеки оставил меня без надежды

На спасение и забывшим о сне.
 Горе тебе, ¹⁹⁹⁾ покинутому в пренебрежении
 И обреченному исполнить лишь волю Творца.
 О, Бог небесный, рассея мое горе.
 Прости меня и веди меня к добрым целям.
 Родителей моих помилуй, Владыка мой,
 Как преданных тебе, направь их в обитель покоя.
 Потом присоедини меня к ним, о Великий,
 Через пророка избранного, ясного, как полная луна,
 Через славнейшего, щедрого, да будет он благословен,
 Доколе вращаются небеса, и живут народы великие.
 Эй Мемнун, спеши поспевай;
 Твой счет даты аргадалиам (1278) ²⁰⁰⁾.

В числе глубоких ученых Дагестана, имевших свои произведения, был также проживавший в городе Кубе универсальный ученый Гаджи-Магомед-Челеби-эфенди, сына шейха Магомад-эфенди, сына шейха Ибрагим-эфенди, да помилует их аллах всевышний. Основной родиной этих ученых было селение Кубинского уезда под названием Алиджи, но потом они поселились в городе. Каждый из них в свое время был там большим ученым толка имама Шафии и преподавателем, а также создал различные произведения, в особенности сам означенный Магомед-Челеби-эфенди, который в начале тринадцатого века (19 в-хр. эры) много там преподавал и обучал²⁰¹⁾, семь раз имел счастье побывать в паломничестве к дому аллаха, а потом умер в 1223 (1808) году в городе, да помилует его аллах всевышний.

Также в Кубинском уезде житель селения Техерджал Гаджи Амирали-эфенди был действительным ученым и совершенным праведником. Он в дни юности переселился оттуда в Кюринский округ и усвоил науки в селении Юхари-Яраг у учителя нашего шейха Магомед-Эфенди-Яраги в его медресе, а потом вместе с ним бежал в Аварию и, служа ему, получил свою долю пользы по части явных и тайных наук, а также женился на дочери брата того эфенди благонравной и благочестивой по имени Меймунат и имел от нее сына, а именно состоящего теперь в Кюринском округе в селении Касум-кенте джамаатским имамом почтенного ученого Молла Магомеда. Потом упомянутый Гаджи Амирали-эфенди вернулся оттуда в Кюринский округ, поселил свою семью в селении Юхари-Яраг, а сам направился в паломничество, но в этом путешествии умер, да помилует его аллах всевышний. Состоящий в настоящее время кадием в Дагестанском областном народном суде почтенный ученый Курбанали-эфенди

Ахальчинский является совершенным ученым и автором произведений пера. Подобно ему и дед его, носивший его же имя, был в Дагестане признанным ученым, причем из его сочинений некоторые произведения сохранились, да помилует его аллах всевышний. К числу ученых, бывших в Дагестане в первой половине тринадцатого века (19 в. хр. эры), относятся также Акушинский житель по имени Барка-кади, признанный ученый, знавший коран наизусть и бывший автором письменных трудов. Но передают, что он, имея очень горячий характер, вступал в разные битвы и драки и собственноручно убил до семи человек. Он говорил, что убил их, чтобы только отразить от себя, в порядке защиты от нападающего. т. е. что в их убийстве он не виновен. Аллах то ведает.

Есть также проживающий в северной Табасарани в селении Марага Гаджи-Магомед-эфенди, который, получив в Египте в течение около семи лет полное образование, вернулся в свое селение и стал там преподавателем. В особенности он сильно способствовал распространению в этих краях науки чтения корана нараспев. Сын этого покойного Молла Магомед, став во второй половине тринадцатого века кадием в Марага, является теперь также ученым и нараспев, да поможет ему аллах всевышний. Был также в Северной Табасарани преподавателем Гаджи-Осман-эфенди Кумухский, который, будучи родом хулисоминский житель Казикумухского округа, по окончании усвоения наук и знаний отправился к Шамиль-эфенди, долгое время был его мюридом, потом вернулся в Казикумухский округ, оттуда переселился в северную Табасарань и поселился в селении Худжник. Затем покойный Ильдар-Кади вызвал его в селение Аркит, и тот, поселившись здесь, умер в 1294 (1877) году, да помилует его аллах всевышний. Это был весьма даровитый и сведущий редкостный человек.

Также к числу совершенных ученых, здравствующих в наше время, относятся Гази-Магомед-эфенди Карахский, Халил-эфенди Карахский, Гаджи-Хамза-эфенди Чиркейский. —сейчас наиб в Андалале, Абдул-Латиф-эфенди —паломник обоих священных городов ²⁰²⁾, сын покойного наиба Магомад-Данагу, Халид-Дебир Шуринский, Гаджи-Муртузали-Дебир, —оба последние находятся на службе в Шурином окружном суде, ученый Курбан-Магомад-эфенди кади там же, наиб Дебир-эфенди Анчинский и другие, да даст им аллах всевышний жизнь в мире и почете. У этих почтенных лиц имеются обширные знания и бесчисленные произведения пера. Также состоящий в настоящее время кадием в одном из селений Кубинского уезда Гаджи-Али-

эфенди Чалгирский является совершенным ученым, окончившим курс всех арабских наук и знаний, и выдающимся преподавателем, имеющим и письменные труды. Также точно и мой дорогой брат, состоящий в настоящее время кадием нашего Кюринского окружного суда, Магомед-эфенди есть глубокий ученый, окончивший курс наук и знаний и обладающий справедливостью в натуре. А также состоящий там в должности члена суда Гаджи-Куттай-эфенди Кандикский есть ученый, окончивший курс наук и знаний. Также другие члены суда —почтенный Ильдар-Кади Игринский, почтенный Салих, сын покойного наиба поручика Мираа-Магомеда, дорогой брат мой Гусейн, письмоводитель Мирза Абдул-Фатах сын Молла-Саида Асалинский —все они, бесподобные люди, обладающие знаниями и высокими качествами, да хранит их аллах всевышний. Также и в северной Табасарани и Кайтаге в окружном суде кадий поручик Гази-Магомед-эфенди Ерсинский, брат его Молла Касум и Марагинский житель Гаджи Панах-эфенди суть лица, распространяющие в тех краях знания и хорошие нравы, да даст им аллах всевышний жизнь в спокойствии и почете. Также в нашу эпоху в городе Дербенте лучший из старейшин суннитского общества почтенный Али-Мадаг, сын покойного Абдуллы, есть личность, украшенная достоинствами и совершенствами и обладающая знаниями и науками. Также кадий имамско-шиитского общества этого города высокочтимый Ага-Мир-Ахмед-ахунд, выдающиеся ученые Гаджи-Фейзулла-ахунд и Гаджи-Яхья-ахунд, будучи большими универсальными учеными, окончившими курс арабских и персидских наук и знаний, имеют бесчисленные литературные произведения. Также в настоящее время проживающий в том городе выдающийся ученый и законченный врач почтенный Мирза Мамед-Казим, будучи весьма универсальным ученым и бесполобным медиком, является обладателем безграничных совершенств ²⁰³⁾, имеет много литературных произведений, а в арабском почерке и персидском изложении не имеет себе равного, да даст ему аллах всевышний жизнь в покое. Также из состава шиитского общества того города почтенные влиятельные поручик Мирза-Керим-бек Шуаи ²⁰⁴⁾, майор Мирза Джабраил-бек Сипихри ²⁰⁴⁾ и торговец Мирза Магомед-Кумри ²⁰⁴⁾, набравшись знаний и наук, являются весьма красноречивыми поэтами. У каждого из них есть прекрасный сборник стихотворений. Чтобы напомнить, приведем здесь несколько строк почтенного Кумри.

Забудь тоску, легкомысленный: ведь жизнь молодая
прошла.

дни юности ушли, прелесть тоски мировой прощла.
Луноподобный гранат через какой-нибудь месяц теряет
свежесть.

Цветник жизни оказался взятим взаимы, и осень
прошла.

Жилы в ранах ²⁰³) постепенно лишались силы.

Суставы в теле определенно потеряли свою связь.

Лишившись природной стойкости уж ослабели ²⁰⁴)
чувств.

Ясно, что отцы небесные от заботы своей явно отжи-
зались.

Приблизился момент переселения, тело потеряло бо-
дрость.

Поблекли листья, а плод исчез, как миражный ки-
парис ²⁰⁵).

Побелели волосы на голове, блеск очей исчез от сле-
поты.

Исчезла дружеская беседа с обладателями медоточивых уст.

Некий вестник из небытия крикнет: „Эй неосведом-
ленный лежащий!

Проснись от сна беспечности! Уж много времени про-
шло, как ты лежишь ²⁰⁶)“

К числу признанных ученых, живших в городе Дербенте в начале тринадцатого века (19 в. хр. эры) относится почтенный Назарали-ахунд, который, будучи весьма ортодоксален в шиитском толке, дал на арабском языке разъяснения, касающиеся толкования корана, на полях Тефсиру-кади Бейдави ²⁰⁸). У него есть и свое самостоятельное толкование в четырех томах под названием Бурхани Кати ²⁰⁹. Получив образование в Иране и Ираке он в одно время вернулся в Дербент, жил и преподавал здесь, а потом снова переехал в Иран и там умер, да помилует его аллах.

В середине того же века был дербентец Молла Ага-ахунд, сын Абида. Этот даровитый человек, окончивший курс наук и знаний в Дагестане, Иране и Ираке, был вполне самостоятельным муджтахидом шиитского толка. У него есть славные сочинения на арабском языке, напр. по основам права Хазанул-ахкам ват-тамаруннийят („Сокровищница решений и плоды намерений“). Жил он и умер в Иране, да помилует его аллах.

К числу выдающихся ученых, умерших в Дагестане в конце тринадцатого века, относится казикумудец житель селения Гукули Зейд-эфенди, который, будучи сведущ во всех науках, имел литературные произведения и очень красивый почерк. В последнем восстании он был русским

правительством сослан в Россию и умер там. Также чопец Магомад-Али-эфенди, сын Мирза-Магомада, большой критик, имеющий по всем наукам произведения пера. В начале того же века в Казикумухе был известный ученый Салих-эфенди Куминский, который, будучи весьма сведущим ученым, имеет мемуары и записки, написанные красивым почерком. К числу живших в середине того века и умерших ученых относятся Гаджи Юсуф-эфенди Аксайский, весьма красноречивый ученый, имеющий много произведений; из коих одна арабская касида приведена выше, и Идриб-эфенди Эндерийский, который, подобно упомянутому Гаджи Юсуф-эфенди, был красноречивым ученым и имеет арабские касиды, да помилует его аллах всевышний. Так как я несчастный собиратель этих сведений, прозябающий в углу сада просвещенных ученых, подобно бесплодному кривому дереву, все же являюсь их товарищем, по местожительству и компаньоном по жизни, то, полагая подходящим осведомить о себе, скромно докладываю, что отец мой житель селения Алкадар, упомянутый Гаджи Абдулла-эфенди, а мать моя Хавсат, дочь шейха Магомед-эфенди Ланги. Рождение мое случилось в Аварском ханстве в селении под названием Балакан в 1250 году в 11-ый день месяца Джамдиль-Ухра ²¹⁰). Потом, когда отец мой, вернувшись оттуда на родину, поселился в Алкадаре, я подрос и в течение около пятнадцати лет в бывшем в этом селении медресе окончил курс общераспространенных арабских наук и знаний. Учился я также персидским и тюркским наукам у бывшего здесь преподавателем персидского языка агдашца жителя селения Карахан Сели-Абдулла-эфенди. В которое время я занимался чтением корана при просвещенном моем дяде Гаджи Исмаил-эфенди в селении Юхари-Яраг Кюринского округа. Под конец я изучил учебники физики и философии под руководством бывшего преподавателем в селении Ахты кадия Мирза-Али-эфенди, при чем, закончив образование, я занялся преподаванием, но бывший в то время ханом в Кюринском округе генерал Гаджи Юсуф-хан вызвал меня к себе, и я шесть лет состоял при нем. Занятие мое при нем состояло в секретарстве и обучении. Потом, когда в Кюринском округе открыто было русское управление, я был назначен здесь в одно время секретарем, а потом членом окружного суда. Затем в течение около двенадцати лет я был найбом в Южной Табасарани по назначению русского правительства, но в 1294 (1877) году, справедливо или не справедливо, я-был включен в число лиц, обвинявшихся в происшедшем в Дагестане восстании, и по решению русского правительства

был выслан из Дагестана с семьей в Россию, в Тамбовскую губернию. Прожив там около четырех лет, я получил от правительства разрешение вернуться в Дагестан и, возвратившись с семьей в Кюринский округ, поселился на первоначальной своей родине в селении Алкадар, где ради аллаха всевышнего занимаюсь преподаванием наук. Из литературных произведений у меня имеются сборник стихотворений, а также арабские послания, касающиеся некоторых научных вопросов: 1) „Слияние двух морей в толковании принадлежности нашень“ ²¹¹), 2) „Разоблачение меткого против раба редкого“, 3) „Усердие редкого в поисках ответа веского“, 4) „Изложение желанных разъяснений для Молла Аюба сомнений“, 5) „Решающее объяснение ответов Молла Корбан-Магомада“, 6) „Потенция Всеславному в разрешении вопросов Магомед-Али“, 7) „Руководящее решение вопросов Молла Мехти“, 8) „Откровение Создателя в вопросах Молла Таиба Цейхурского“, 9) „Подтверждение поговорок в нравах народа“, 10) „Решающий анализ в толковании брака“, также на турецком языке: 11) „Основы религии в стихах“, 12) „Окончательное слово относительно траура“, 13) „Выявление состояния народа“, 14) и еще в арабских стихах „Основные обязанности“, составляющее извлечение из главы основных обязанностей книги Минхадж („Широкий путь“) имама Невеви ²¹²).

Из сыновей наших старший по имени Ахмед, окончив курс арабских и турецких наук в нашем медресе, состоит на службе сельским кадием. Младший после него по имени Абу-Муслим, поучившись здесь арабскому и турецкому языкам, а в Петербурге поучившись и русскому языку, состоит на русской государственной службе, теперь в чине поручика, в должности наиба Гюнейского магала Кюринского округа. Младший после него по имени Абдулла, поучившись арабскому и турецкому здесь, а русскому языку в России, теперь состоит переводчиком на службе при дагестанском военном губернаторе в городе Темир-Хан-Шуре. Младший после него по имени Абдул-Али после некоторого обучения арабскому и турецкому языкам, прошел курс наук и знаний в классах гимназий Темир-Хан-Шуры и Ставрополя, оттуда отправился в Петербург и там оканчивает образование в высших государственных учебных заведениях. После них два младших сына Абдурахман и Абдуллатиф обучаются и живут при мне. Аллах им лучший хранитель, и Он милосерднейшей из милосердных.

Покорнейшая просьба наша в том, чтобы просматривающие, читающие и слушающие эфенди, когда обратят внимание на этот труд, сообразовали помянуть нас добрым пожеланием и простить наши недочеты.

От автора ²¹³).

Перо стало здесь на якорь, говоря: „мое сердце наполнилось кровью;

Мне нужно теперь куда-нибудь вон из этого моря“. Я сказал: „эй тростник, плавающий в Черном и Красном морях ²¹⁴),

Не останавливайся, пусть не будет из-за тебя потеряна скрытая сущность“ ²¹⁵).

Это море Каспийское, говорит перо, здесь не найти сокровища вовсе,

А здесь могут быть лишь различные тленные блага ²¹⁶). Не беда, говорю я, собери эти явления одно за

другим;

Из них мы создадим стройную картину для мысли.

Создать из тлена, говорит оно, что-либо красивое конечно трудно,

Ибо без субстанции феномен ²¹⁶) устойчив быть не может, писал Платон.

Ах ты, говорю, перевернутый тростник, меня ведь ты в споре побил ²¹⁷).

Что же делать! Теперь значит пропали мои труды.

Аллах милостив, сказало оно. Попросишь помощи у него, так может быть

Лица, преданные господу, найдут субстанции твоим феноменам.

Брось, говорю, толковать о преданных господу, ибо теперь нет

В мире достоверно удовлетворительных лиц, достойных того наименования.

Есть, сказало оно, в мире некоторые лучшие люди божьи,

Благодаря их заботам получают утешение многие огорченные.

Где же, говорю, мне отыскать их теперь?

Я этого не сумею, для странствований у меня нет капитала;

Оно сказало: Я зафиксирую в хронике века, И в самом деле твои феномены соединятся с сущностью.

В таком случае, говорю, прими соответствующие меры, Дабы мне успокоиться и не быть введенным в заблуждение этим разговором.

Оно сказало: Хвала аллаху, я получило отдых.

А я, конечно, тем более, говорю я.

Оно сказало: отметь этот момент отдыха. И сказал:
теперь месяц
Магарам, а год, Мемнун, окватывается словом ушаг²¹⁹).

К о н е ц к н и г и.

10 Магарам 1308 года (август 1890 года).

Приложения

Дополнение от автора.

В конце 1309 года Гиджры (летом 1892 г.) в Дагестанской области распространилась холера, и умерло много людей. И так как эта болезнь появилась в летнее время, то у населения работы по хозяйству, а именно жатва полей и сбор фруктов, были все заброшены и большинство предметов питания пропало и погибло, как развеянный прах. Между тем и у меня несчастного один сын по имени Абдурахман в юном возрасте отправился в обитель покоя, а также погибли многие видные люди из наших близких, друзей и приятелей, да помилует их аллах всевышний. И вот по поводу этого случая привожу ниже в порядке упоминания одну составленную мной касиду, а именно:

Хвала аллаху, владыке миров, всеобъемлющему.

Слава ему, единому, прибежищу милосердных,

Он вечен, он причина смертей, он полон

Познания мудрости, к которой стремятся сведущие.

Затем молитвы наши с его благоволения

О рабах его избранных, вождах священных,

Особенно о славнейшем избраннике господине нашем,

Об общине его лучшей и о руководителях правоверных.

Но решил аллах, владыка небес великий,

Ниспослать массе людей грешных гибель.

Распространилась холера летом и расстроились

Занятия населения, пострадавшего кто частично, кто сильно.

О горе! От нее повально умерло

Много людей религиозных и жанерадостных.

О несчастье, разлучившее меня сурово

С членом семьи! Что приятного в жизни моей после него, смельчака,

Вооруженного тяжело против учиняющего зло,

Подобного птице, защищающейся крылом своим от нападающих.

Налетела каким-то образом холера, от нее в числе людей

Погиб юный Абдурахман. О несчастье!

Бедствие разлучило его с родителями

И с женой, на которой только что женился.

Как будто ночью время высмотрело

Звезду несчастья и постаралось для нас удержать ее,

Что толку в юной жизни, так же как

Что толку в многоводной реке для жаждущего, если и то и другое утрачены.

О несчастный, ищущий у господина своего его рай,

Где витает приятный покой среди гурий и юношей.

Его смерть зажгла огонь, который теперь стал

В моем сердце пожаром горя на склоне лет.

Не успел я забыть его брата, умершего от оспы,

Абдул Хакима, по ком еще горело мое сердце,

Как вдруг новая беда покрыла собой старое горе,

Явившись как слепой рок, настигающий встречных.

Пойстине это бедствие превзошло сумму всех бедствий.

Вопреки аксиомы²¹⁹) сведущих людей.

Наступило в начале месяца Мухарамы²²⁰)

Какое-то вымирание людей, явно чрезмерное.

У лиц коих постигала смерть,

Трупы перед погребением оказывались сильно истощенными.

Всеведущий миловал, когда знающие заботились,

Чтобы семья не пила сырой воды из колодца никогда

Что за несчастья! Беспомощность трудящихся

Не поддается описанию, если взаться изобразить.

Плачут небеса и земли над их положением,

Проливая потоки. Как много звезд, гибельных для них,

Но безвредных для их врагов пресыщенных,

Достойных проклятия и смерти, где бы они ни были.

Плачут и хозяева, всю жизнь расчитывавшие,

И их слуги, не разбирая, кто создал и кто потерял.

Хоть бы оставшиеся в живых не перестали молиться за умерших

И заботиться о наследниках, по указанию соблазнующих.

Ах, этот мир! Непрочно все то, что он дает и одождает

Им в жизни, говорят уцелевшие.

Блудница, в союзе с которой не увидишь добра,

И красота которой проходит, как ночное видение.

Творец безгрешный уж проклял этот мир,

И дал его лишь немногим, стойко покорным ему.

Обитель зла, обитель насилия, чьи свойства
 Причиняют лишь мучение славным выдающимся пра-
 ведникам.
 Лишь на миг он радуется в юности, но годами застав-
 ляет плакать,
 Как будто огорчение духа есть плата за спасение.
 Удивительно, что Венера ²²¹⁾ восходит для оболения
 жизни,
 Но когда прельщенные потянутся к ней,
 То, о жестокость, она всеяет в сердца предавших-
 ся ей
 Кроважандность ²²²⁾, а потом все-таки надеется на нашу
 снисходительность.
 О владыка наш! Прости нашим умершим их прегре-
 шения.
 Помилуй и осчастливь благодеяниями их неблагодар-
 ных.
 Снизойди к ним в день последнего суда,
 Одари их и посели их в раю небесном.
 Укрепи наши сердца после разлуки с ними
 С близкими, с детьми и родственниками.
 Ведь этот мир наш удел, укрась его,
 Прости нам грехи, от коих уж почернели скри-
 жали ²²³⁾,
 Милосердно благодетельствуй потомков наших, о
 аллах мой.
 И спаси нас от заразы, коль остались в живых.
 Дай свое благословение бесконечное
 Посланнику священному, избранному из правоверных,
 Последователям его славным, сподвижникам на верном
 пути,
 Семье его, женам и наследникам,
 Особенно дочери его, благородной Зухре.
 И матери ее, кладу добродетели, символу верности,
 И мужу ее Гайдару ²²⁴⁾, высшей опоре,
 Известному распределителю судеб в день страшного
 суда,
 И обоим их сыновьям ²²⁵⁾ благородным, священным,
 И халифам, им наследовавшим преемственно издревле,
 Роду, в котором один следует за другим,
 Как звенья в шеренге выходящих из мечети,
 Их магдию ²²⁶⁾, наполняющему мир своей славой
 По праву, как до него наполняли предки.
 Воздай за них потомкам умножением славы
 Перед аллахом против последних врагов их,
 И тем верным, кто спасся с ними; возвысь их

В этом мире и в том, призови к себе благородных и
 священных.
 Да будут блаженны их души и распространится
 слава их.
 Да будут чисты их творения от искажений критику-
 ющих
 Возрадууй их, о аллах мой, и рассеяй мрак моей души,
 Дабы увидеть мне к ним любовь, которую отвергают
 скептики.
 Не отклони меня от верности в любви к ним
 Вместе с их родичами, благословением позднейших
 времен.
 Создай для нас под их знаменами единство ²²⁷⁾,
 В котором разномыслящие люди были бы редкостью.
 И дай нам там в правые руки кораны
 В красивых переплетах, если всемогущий простит.
 С ним и тебя, Мемнун, да простит владыка. Скажи:
 Хвала аллаху, владыке миров, всеобъемлющему.

От переводчика.

Книга Гасан-эфенди Алкадари под заглавием „Асари-Дагестан“, на-
 писанная в 1891 году, с небольшим добавлением, сделанным в 1892 го-
 ду, представляет собою попытку собрать воедино, согласовать и изло-
 жить в хронологической последовательности все исторические сведен-
 ния, имеющиеся о Дагестане в арабской, турецкой и персидской лите-
 ратурах, а также и все то, что сам автор, как местный житель, знал по
 народным преданиям. Лица, интересующиеся историей Дагестана, чер-
 пают сведения из этой книги, но пользоваться ею очень неудобно, так
 как азербайджанский язык автора так густо уснащен арабскими и пер-
 сидскими словами, что без знакомства с последними читатель не пой-
 мет очень многих мест. Поэтому желательность перевода этой книги на
 русский язык признается всеми интересующимися историей края.

Вместе с тем я должен сказать, что „Асари-Дагестан“ не является
 научным трудом, удовлетворяющим нашим требованиям в области исто-
 риографии. Автор, воспитавшийся исключительно на литературных про-
 изведениях мусульманского востока, всецело придерживается приемов
 изложения и литературных традиций мусульманской культурной среды.
 Этим объясняется между прочим довольно частый переход автора в из-
 ложении событий от прозы к поэзии, обилие в самой прозе личных
 чувств и мыслей, частое упоминание аллаха и пророка и, в заключе-
 ние, автобиография. Все это придает изложению характер свободной
 беседы с читателем той же восточной среды, — настолько свободной,
 что многие места кажутся лишенными исторической ценности. Тем не
 менее, мы переводим текст совершенно без пропусков во избежание на-
 реканий, что выпущенные места тоже могли бы быть использованы
 хотя бы для выяснения мировоззрения и литературных вкусов даге-
 станско-мусульманской культурной среды, типичным представителем коей
 является автор. Особенностью этой среды является отсутствие местных
 уклонов и сохранение в исключительной чистоте воззрений арабских

ортодоксальных теологов-юристов, несмотря на позднейшие культурные влияния Ирана и Турции. Даже пресловутое деление наших корифеев на шариатистов и тарикатистов лишено идеологической почвы: каждый тарикатист осуществляет только шариат и каждый шариатист, говоря о шейхах тариката, прибавляет „да будет свята его тайна“. Деяния и выступления у тех и других различны, но принципы одни и те же. Казн-Магомад-эфенди и Шамиль-эфенди, будучи тарикатистами, всюду вводили шариат, а не тарикат. Тарикат есть лишь активистская тактика шариата, что, впрочем, видно и из буквального значения этого слова (тарик — путь, тарикат — придерживаться пути, разумей верно).

Длинный перечень дагестанских ученых арабистов, приводимый нашим автором, делает вполне понятным то огромное влияние наших мулл на массы, с которым для советской культуры борьба представляла, и теперь еще представляет, невероятные трудности. Чтобы изменить мировоззрение масс недостаточно, например, разбить аульского муллу в публичной дискуссии. Для этого, строго говоря, необходимо построить экономический фундамент, на котором новое мировоззрение росло бы, как строящийся дом. Но если фундамент дело будущего, и если к постройке самого фундамента надо привлечь массы теперь же, то необходимо воздействовать на мировоззрение, исторически привитое массам старыми дагестанскими учеными и шейхами, а для этого прежде всего необходимо понять это старое мировоззрение, понять причины вызвавшие его, не исключая и причин более близких и непосредственных, чем материальные основы, на коих оно в Аравии созрело и родилось.

Вот почему представляется не лишним и то, что в предлагаемой книге характеризуется культурный уровень действующих лиц в той или иной мере влиявших на массы. Наш автор не делает никаких выводов из своих указаний в этой области. Но отсюда не следует, что эти указания непригодны как материал для будущего историка Дагестана при обрисовке событий и характеристике соответствующих эпох. Напротив, этот материал, касающийся культурной истории, особенно ценен, так как автор дает его случайно, так сказать, вне программы, ибо историю он понимает лишь как передачу событий и деяний.

Что это именно так, видно из того обстоятельства, что он тщательно рассказывает о фактах, иногда даже с излишними подробностями (напр., о действиях Надир-Шаха) и не считает нужным осветить экономическое и культурное их значение для населения. Между тем он чуть-ли не извиняется перед читателем, если „о событиях“ той или иной эпохи ему не удалось ничего найти в своих источниках.

Ясно, что при таком подходе к своей задаче, т. е. при исключительно прагматическом изложении истории, деление ее на эпохи теряет существенное значение. Не все-ли равно, сколько событий вошло в одну главу и сколько в другую, если все они передаются в хронологической последовательности без группировки, по признакам влияния на экономику и культуру населения. Например, 9-я и 10-я главы могли бы быть без ущерба (правда, и без пользы) для дела слиты в одну главу под заглавием „О событиях с момента третьего русского похода в Дагестан до начала четвертого их похода сюда же“. Этим я хочу сказать, что деление на главы взято чисто случайное, и потому руководствоваться им при общей обрисовке истории Дагестана нельзя.

К достоинствам книги надо отнести полноту известий, извлеченных из мусульманских источников. Автор ссылается на источники, между прочим много берет из Гюлистан-Ирем Абас-Кули Бакиханова, придерживаясь версии источников, а там, где он несогласен с ними, от-

мечает это несогласие и приводит соображения в пользу своей версии. Конечно, поскольку восточные авторы не освещают истории Дагестана до арабского завоевания и после русского покорения, постольку в книге отсутствует материал, относящийся к началу и концу истории. Чувствуется, по крайней мере, неполнота в этом отношении. Пополнить эти пробелы придется уже новым историкам, которым после собрания нечерныяющего материала предстоит также: 1) научная обработка его и 2) построение истории в современном понимании.

Необходимо сделать одну оговорку, касающуюся освещения автором событий своей эпохи. Будучи сослан в Тамбовскую губернию по подозрению в соучастии в восстании, автор напуган царской Россией и, очевидно, не вполне искренен, когда говорит, что под властью России в Дагестане была тишь да благодать.

Но вполне он искренен и откровенен также, когда восхваляет своих ханов или тактично оставляет без квалификации их преступления (напр., ослепление Кур-Моллы Кюринским ханом Магомед-Мирза-Ханом). Но за то, будучи искренним другом масс, происходя из узденей (свободных поселен) и будучи убежденным шариатистом по образованию, он не находит достаточно сильных слов, чтобы должным образом восхвалить Шамиль-эфенди, который „ввел среди народа очень справедливые порядки, желанный строй, и законченное политическое и гражданское управление“ и т. д. и при котором „уже не было таких вещей, как ханские порядки, чтобы подчиненный перед начальством снимал шапку и все время стоял“ и пр. Незаметно для себя, автор в похвалах Шамилю обнаруживает, что именно этот имам является его героем. Шамиль-эфенди, говорит он, не был просто шейхом и ученым муршидом, который при наступлении сильного врага скрылся бы в укромном месте, занимаясь усердной молитвой, но он, владея наукой и наставничеством, еще лучше владел военным искусством и политическими знаниями и был доблестной исключительной личностью своей эпохи“.

Дагестанское население, переживая процесс экономического и социального порабощения своими ханами и очутившись под угрозой ускорения этого процесса в связи с русским покорением, переживало трагедию своего безвыходного положения. Имамы Дагестана, в том числе и Шамиль, поняли эту трагедию, поняли, как друзья народа, что и ханы и царская Россия являются его врагами, но они не могли сделать больше того, что сделали. Даже если бы Шамиль победил и ханов и царскую Россию, население, быть может, получило бы лишь временное облегчение, так-как цепи шариата, в которые без ведома для себя был закован сам Шамиль, сделали бы его неспособным создать в Дагестане режим свободы, необходимый для построения массами своего благополучия собственными руками. Но этого не знали ни имамы, ни наш автор, сочувствовавший им всей душой. Автор „Асари-Дагестан“ человек другого поколения, чем Шамиль, и в культурном уровне Дагестана судит уже не с точки зрения шариата, как это делал Шамиль, а с точки зрения русской материальной культуры. Не зная сам чему обучают в русских школах, какое мировоззрение получают в них учащиеся, он чувствовал, что доктора, инженеры, агрономы, ветеринары и прочие культурные работники, вышедшие из русских школ, делают его сторонником образования иного порядка, чем то, которое получал сам. И вот он усердно приглашает дагестанцев подумать о нуждах и запросах эпохи и сказать себе: „И мы ведь люди в этом мире; так давайте же учить детей, пусть знают, что есть, чего нет... пусть увидят, чего нам не хватает“ и т. д. Таким образом, автор, бу-

лучи шариазмом, является вместе с тем сторонником европейской культуры, конечно, не в смысле европейского быта, а в смысле материальных достижений путем практического применения науки и техники.

В заключение необходимо предупредить читателя, что в переводе не только стихотворений, но и прозы мы придерживаемся подлинника, как можно ближе. Этим объясняется обилие примечаний, объясняющих обороты речи и отдельные слова,—главным образом, при переводе стихотворений. Кроме того, мы стараемся дать в примечаниях и некоторые комментарии, касающиеся сущности сообщаемых автором сведений. К сожалению, слог автора нередко отличается излишней точностью выражений в ущерб их краткости, что в значительной мере объясняется особенностями восточного литературного стиля. Но мы даем перевод текста, а потому устранить этот недостаток не имеем права.

А. Гасанов.

Примечания переводчика *).

¹⁾ Букв. «сохраненном», имея в виду, что, так сказать, аллах сохранил (и да сохранит) Дагестан в качестве мусульманской страны. Далее идет вступление на арабском языке в стихах.

²⁾ Улемы—ученые, знающие.

³⁾ Вождь, или имам последние, т. е. заключительный, или завершающий собою весь цикл пророков,—это Магомет.

⁴⁾ У мусульманских авторов принято в одной из заключительных фраз каждого стихотворения либо обращаться к себе (во втором лице), либо включать себя в число лиц, переживающих описываемые им чувства, либо просить для себя (в третьем лице) прощения у аллаха или у читателя,—одним словом упомянуть о себе. При этом он называет себя во всех стихотворениях одним и тем же эпитетом (напр. «Кудси»—автоэпитет Абас-Кули Бакиханова, автора Гулистан-Ирем, или «Фирдауси»—автоэпитет Абуль-Касима, известного персидского автора «Книги Царей»—Шахнаме). Автоэпитет нашего автора Мемни—значит «обладатель тельствацннн».

⁵⁾ Общепринятая у мусульманских авторов манера подчеркивать свою скромность в выражениях «я презренный из людей», или «жалкий раб» и проч.

⁶⁾ Газелью называется в мусульманской литературе лирическое стихотворение, иногда небольшая хвалебная ода. В данном случае это слово можно бы было перевести словом посвящение.

⁷⁾ Эмир—значит повелитель. Так назывались не только правители или цари, но и начальники провинций, войсковые старшины, командиры частей, подчиненные главнокомандующему и пр. Кайтагские и Табасаранские беки, иногда и не правившие, величались этим титулом.

⁸⁾ Гимейды—селение в Сев. Табасарани.

⁹⁾ Т. е. по автору и произведение (Ср. русское определение «по Сеньке и шапка»).

¹⁰⁾ Гаваши без ляма—хронограмма, составленная путем замены чисел буквами древне-арабского алфавита, при чем сумма чисел, соответствующих всем буквам слова Гаваши, за вычетом числового значения ляма составят дату 1307 года Гиджры, которую автор проставил под хронограммой. В скобках мы указываем соответствующий год хри-

стианской эры (1890). Приводим древне-арабский алфавит с указанием в скобках после каждой буквы ее числового значения: а (1), б (2), дж (3), д (4), х легко-придыхат. (5), в (6), з (7), х глубоко-придыхательное (8), т твердое (9), и (10), к (20), л (30), м (40), н (50), с (60), айн (70), ф (80), с дебелое (90), к горланное (100), р (200), ш (300), т (400), с шепелявое (500), х хрипящее (600), з шепелявое (700), з дебелое (800), з твердое (900), г горланное (1000).

Краткие гласные в арабском языке не пишутся, а лишь подразумеваются. Поэтому слово гаваши (множ. число от слова гашият—попона) пишется гваши. Сумма числовых значений букв при этом будет 1000 + 6 + 1 + 300 + 10, итого 1317. Ляма, или буквой л, в арабской грамматике обозначается третья буква корня (почти все арабские корни трехбуквенные). В слове гаваша коренные буквы г, ш, и; значение и (третьей буквы) 10; за вычетом 10 из 1317 получим дату 1307. Включение 10 и последующий вычет этого числа автору понадобились исключительно для растяжения слова гаваша ради размера на шесть слогов.

¹¹⁾ Шаввал 10-й месяц лунного года. Назван он благоприятным (для дела, предпринимаемого или начинающегося в этом месяце), согласно такой уж его репутации, подобно тому, как у нас понедельник пользуется репутацией таялого дня, в который не следует начинать дела.

¹²⁾ Следует стихотворение.

¹³⁾ Т. е. умерли.

¹⁴⁾ Т. е. мусульманские.

¹⁵⁾ Тимур хромой, или Тимур-Ленг.—Тамерлан.

¹⁶⁾ Турецкие султаны.

¹⁷⁾ В 16 веке Христ. эры.

¹⁸⁾ Буквально—в постели беспечности.

¹⁹⁾ Долгота взята от острова Ферро, а местоположение вообще отмечено лишь приблизительно. Более точное обозначение прежнего Дагестана (без Хасав-Юртовского, Кизлярского и Ачикулакского районов, но с включением горного склона Самурского окр.) 63 14.—66 15, В. Д. и 41 3.—43 30, С. III. Вообще географическое описание, как всего Дагестана, так и округов, в сущности не дается автором. Даже перечисление округов, некоторых участков и нескольких селений он делает повидимому с целью указать на многочисленность племен и языков.

²⁰⁾ Джарский район, Закатальского округа.

²¹⁾ До русского завоевания центром Даргинского района было селение Акуша, вследствие чего другие дагестанцы нередко всех даргинцев называли акушннцами.

²²⁾ Это не совсем верно, так как теперь мы знаем, что кубачинский язык надо считать особым наречием, (хотя и сильно разошедшимся с прочими родственными наречиями) даргинского языка. Что касается общества села Кумух, то оно говорит на лакском языке, не входящем вовсе в состав даргинских наречий.

²³⁾ Кюринцы называют табасаранский язык кабапским. По отзыву Услара язык этот занимает в семье Восточно-Кавказских языков промежуточное место между языками воринским и даргинским.

²⁴⁾ Катрух тоже относится к «некоторым обществам», говорящим на кавказском (лакском) языке.

²⁵⁾ Гази—по-арабски значит воюющий за веру.

²⁶⁾ Это можно признать показательным лишь в том смысле, что жители сел. Кумух, имея на своих базарах постоянное общение с соседними племенами, в том числе и с кубачинцами, отчасти усваивают их язык.

²⁷⁾ Маар—по-аварски гора; маарский язык—горский. В переводе на кумийский язык гора—тау, горский—таулу; отсюда русское слово тав-

* Авторские примечания помещены в тексте.

линец, под коим разумеют не только агарца, но и даргинца, андайца и прочих жителей горного района.

²⁸⁾ Это не совсем точно. Правда, все андийские племена говорят и на аварском языке, но все-таки у них имеется около 12 своих андийских наречий, на которых говорит 07% всего населения округа. Магеринские языки меньшинства—аварский (28%) и чеченский (2% населения).

²⁹⁾ Бабуль-Абвад (араб.)—Ворота ворот; Бабуль-Халид (араб.) и Демир-Капу, или Темир-Капу (тюрк.)—Железные ворота. Название Д е р б е н д —персидское, составленное из двух корней: д е р —дверь и б е н д —запор. С одной стороны этот город запирает собою дверь (проход) из южно-русских степей в Переднюю Азию, а с другой имел свои двери (ворота), обитые железом и запиравшиеся с наступлением вечера. В обоих случаях «дверезапор» подходящее название для Дербента.

³⁰⁾ Сохранились развалины, если не крепостей, то по крайней мере башень, кладка коих та же, что и стен Дербента.

³¹⁾ Зуль-карнейн (араб.) «Двурогий», прозвище Александра Македонского.

³²⁾ Судя по армянским и грузинским источникам, христианство проникло в Дагестан двумя путями: к югу от Дербентской широты при посредстве армянских миссионеров, а в высокогорный Аваро-Андийский район из Грузии через Тусетию. Но судя по арабским источникам, господствующая религия в Юждаге была языческая, ибо договор с Арменией исключал для арабов войну с христианами, а между тем с «царем лезгов» им пришлось повоевать прежде чем подойти к Дербенту. По словам Якуби (писателя 9-го века) «третий район Армении простирается на (охватывает) Бердаа, Бейтакан и Бабуль-Абвад». Выходит, что как Закавказский округ, так и Дербентский район входили в состав Армении. По словам автора того же 9-го века Иби-Хордадба, в состав Армении входили также Кабала (древняя столица Албаний), Ширван, Куба, «лекзы», Шекки (=Нухинский уезд) и город Баб (=Дербент). В числе городов, основанных Хосроем Ануширваном Иби-Хордадбе упоминает и город Каракюра. Возможно, что это была столица лезгов. В числе выходов торных ущелий (ворот—абваб) упоминаются ворота Лазика, ворота Шабрана, ворота владетеля трона (Серир), ворота Филаншаха, ворота Шабрана, ворота Главнейшими воротами (воротами ворот) оказывался Дербент. «п о з а д и» которого были расположены «царство Сувар», царство Лекзов, царство Ланов, царство Филан, царство Маскат, «владетель трона» (=Серир) и гор. Самандар, «а то, что за ним, в владении хазар». Очевидно, это описание относится к эпохе после «завоевания» арабами Дагестана. Политическое господство Армении в Юждаге было слишком кратковременным (в промежутке между упадком могущества Сасанидов и арабскими походами), чтобы успеть проникнуть вглубь Дагестана дальше наружных предгорий. Следовательно и христианство не могло получить здесь широкого массового распространения. Другое дело влияние Грузии в высокогорном Аваро-Андийском районе. Здесь у Грузии не было внешних соперников, если не считать хазар, влияние коих шло через всю толщу Дагестанского горного лабиринта, т. е. с достаточным сопротивлением. Всякий нажим на Грузию со стороны Пер. Азии толкал ее в сторону перевалов через Главный хребет, и она успела прочно утвердить христианство в Тусетии и перекинуть ее в Аваро-Андийский район. Здесь арабский писатель Ибн-Русте (начала 10-го века) упоминает о крепости царя Серир, окруженной каменной стеной, и говорит, что «обитатели крепости христиане, а остальные жители царства—кяфиры», т. е. язычники. «Царь их называется Авар», говорит он о той же стране Серир. Дальше он упоминает, что «у царя Серира есть крепость, называемая Л а л (вероятно, Л а к П е р е в).

и Г у м и к (=Кумух. П е р.), хорошо укрепленная, в которой находится его казна. Все именно дал ему Ануширван. Ибн Русте говорит, что «справа от крепости царя Серир дорога идет среди высоких гор и многих лесов. Путь в 12 переходов до города по имени Хизан. У них царь, называемый Адераши, исповедующий три религии: по пятницам он молится с мусульманами, по субботам с евреями, а по воскресеньям с христианами». Далее: «Выйдя налево от владений Серир, пройдешь трехдневный путь по горам и лугам и придешь в землю Лан. Царь ланов лично христианин, а народ, населяющий его владения, кяфиры и поклоняются идолам».

Из всего этого видно, что христианство в Дагестане было распространено лишь о т р о в к а м и.

³³⁾ Конечно, арабские, персидские и турецкие источники не содержат материала, пригодного для обоснования той или иной гипотезы относительно происхождения дагестанских племен. В европейской же литературе, в частности русской, такой материал найти, пожалуй, можно: сопоставление всего того, что известно о древнейших движениях народов из Азии в Европу и Африку, при учете географического положения и естественно-исторических условий территории Дагестана и прилегающих стран и надлежащая оценка силы и значения всех факторов исторического процесса в конкретном применении к соответствующим эпохам может дать ключ к разрешению нашего вопроса. Сама собою напрашивается ориентировочная схема связи заселения Закавказья (сначала Западного, а потом Восточного) с массовыми движениями, возникавшими в Передней Азии на почве периодических переселений больших групп пеласгов, сумерийцев, семитов, персомиды, кимерийцев и прочих народов. Если принять во внимание, что более слабые и малочисленные группы поглощались иммигрантами, а систематическое накопление остатков всех групп в горах Эламо-Мидии и у верховьев Тигра и Ефрата должно было создать здесь рассадник метизации, и что, наконец, этот рассадник все время должен был накоплять в себе центробежные силы, периодически прорывавшиеся в стороны наименьшего сопротивления, то схема заселения Закавказья получает некоторое уточнение. Хвосты переселенческих движений из этого рассадника в сторону Дагестана можно определенно проследить при свете истории в фактах появления в Юждаге каспиев (=каспиев) в эпоху походов Астиага Мидийского и последовавшего продвижения сюда же Альван (=албанцев) в эпоху походов Александра Македонского. Возникающая отсюда гипотеза сводится к предположению возникновения дагестанских племен на почве смешения рас в Эламо-Мидийских горах и затем постепенного их продвижения на север в порядке очередных этапных переселений под нажимом более сильных пратов при сравнительной безвыходности в другие стороны. Конечно, эта гипотеза подлежит еще проверке путем соответствующих археологических, этнографических и лингвистических исследований.

³⁴⁾ Значение слова Зирехгеран—к о л ь ч у г о д е л ы.

³⁵⁾ Выражение «аллах лучше знает» употребляется восточными авторами вовсе не для выражения неуверенности в своей правоте, а в силу установившейся традиции смягчать категоричность суждений.

³⁶⁾ Все пояснения в скобках принадлежат автору. Лишь годы Христианской эры мы приводим в скобках после годов Гилджры, если сам автор не делает этого в тексте.

³⁷⁾ Автор приводит арабский текст стихотворения и сам же переводит его на азербайджанский язык. Чтобы не передавать содержания стихотворения дважды, мы даем его в переводе с арабского подлинника, так как автор дает лишь в о л ь н ы й перевод на азербайджанский язык и даже начинает с обращения «гей, сирийцы», какового в арабском тексте нет.

³⁸⁾ Ибн-Аффах—отчество халифа Османа.

³⁹⁾ Салман-Фарис и Абу-Хурейра—ветераны, служившие самому Магомету.

⁴⁰⁾ Сын.

⁴¹⁾ Все эти походы, из которых арабы в о з в р а щ а л и с ь, хотя бы и «с богатой добычей», должны быть признаны неудачными в смысле завоевания Дагестана, который, очевидно, все время оставался во власти хазар,—по крайней мере в прибрежной полосе. Это видно из того, что по армянским источникам хазары совершили набеги: на Армению в 654 году, на Албанию и Иверию в 658 году, на Агванию (80-тысячное полчище) в 710 году, на Армению в 728 году, в Грузию в 764 году и, наконец, опять на Армению в 799 году («стотысячное войско хазарское»).

⁴²⁾ Возможно, что даже сам Маслама после побед над хазарами на плоскости считал покорение Дагестана з а к о н ч е н н ы м, так как для арабов самой главной задачей было закрепление в своих руках Каспийских ворот. Горный же Дагестан, населенный многочисленными разрозненными племенами, всегда упорно защищавшими свои изолированные долины и ущелья, но неопасными для арабов вне гор, конечно, не мог быть фактически завоеван в течение каких-нибудь трех лет.

⁴³⁾ В 11 веке Христ. эры.

⁴⁴⁾ Известный арабский библиограф Мустафа бен Абдулла по прозвищу Хаджи-Хальфа, или Катиб-Челеби (умер в 1658 году).

⁴⁵⁾ Это фраз (аллиа, принявшие новую религию...»), как само предание о сабле, спрятанной в пещере в Табасарани, доказывает также, что ислам на первых порах не проник дальше наружных склонов горного района.

⁴⁶⁾ Все эти сообщения автор дает, ссылаясь лишь на предания и слова самих жителей, тогда как везде, где можно, он ссылается и на «историков», хотя бы и без перечисления их имен. Возможно, что единственным л и т е р а т у р н ы м подтверждением этих сообщений служит небольшая (стр. в 20) арабская рукопись неизвестного автора (копия коий хранится в Дагестанском музее), не имеющая заглавия, начинающаяся молитвой и содержащая перечень подвигов завоевателей Дагестана без хронологических дат. Возможно, что и предания народные возникли в Дагестане на почве знакомства местных мulla с этой небольшой рукописью, вероятно циркулировавшей в свое время в копиях среди мутааллимов (учащихся). Если так, то мы должны признать оценку деяний завоевателя Абумуслима преувеличенной. Вероятно, кое-где (напр. в Дербенте, в предгорьях Кюринского округа, Табасарани, Кайтаге и вообще на плоскости) арабы действительно построили мечети и поставили кадиев и правителей. Но чтобы они в 8 веке могли это сделать в Акуше, в Хунзахе, Кумухе, или даже в Ахтах, этому трудно поверить. Все это они могли сделать на 2—3 века позже, когда культура арабская достигла своего кульминационного развития, и когда миссионеры ислама высоко подняли авторитет халифа в глазах кавказских племен. Закончилась исламизация Дагестана едва-ли раньше половины 11 века, т. е. эпохи ш е й х а Абумуслима, умершего в Хунзахе.

⁴⁷⁾ И назначение правителей во главе с неким арабом из Сирии, по имени Шамхал, и назначение резиденцией для него сел. Кумух, и помощь арабов лакам в их борьбе с аварцами, и помощь арабам со стороны лаков, получивших за это титул гази (воители за веру), и, наконец, компромисс с нуадами, сохранившими при этом христианскую религию, все это весьма правдоподобно и вероятно. Но невероятно, чтобы все это произошло в течение кратковременного пребывания здесь Масламы, или даже в эпоху, непосредственно связанную с его победами на плоскости. Очевидно, здесь позднейшие деяния отнесены к более древней эпохе ради воз-

величения более отдаленных предков, якобы «сразу понявших и принявших истинную религию, как только она сюда заглянула». Эта тенденция едва-ли была чужда и автору Дербент-наме, на которого ссылается наш автор.

⁴⁸⁾ Карьян Курейш—по арабски «селение Курейш», а Кал'аи Курейш—«крепость Курейш». Курейш род, из которого происходили пророк Магомет и арабские халифы.

⁴⁹⁾ Исм—имя.

⁵⁰⁾ Майсум, или вернее ма'сум, значит охраняемый (от зла), чистый, безгрешный.

⁵¹⁾ Кадий или казий (через з дебетое) значит р е ш а ю щ и й, судья.

⁵²⁾ См. примечан. 47.

⁵³⁾ Кура—небольшое селение Цнальского с. общ. в Кюринском округе.

⁵⁴⁾ Значит фактическая (действительная) власть принадлежала Дербентскому правителю, а лишь номинальная—Шамхалу.

⁵⁵⁾ Выражение «аллах лучше знает», употребляемое обычно после того, как автор высказывает свое мнение, в данном случае повидимому служит признаком некоторого недоверия автора к показаниям Дербент-наме, на которое он тут ссылается.

⁵⁶⁾ Следовательно война с хазарами на Дагестанской плоскости продолжалась до самой смерти Масламы и после его смерти. Наступление Мервана на хазар вероятно относится к 742—743 годам. (Год смерти Валида 743).

⁵⁷⁾ Это известие указывает, что хазары продолжали совершать свои вторжения, обходя Дербент, и что именно поэтому арабам пришлось укреплять окрестности города, создавая здесь свои поселения, как в свое время делали это персы при Ануширване.

⁵⁸⁾ Бабудь-Хадид—по араб. железные ворота.

⁵⁹⁾ Конечно, автору не хочется верить, что арабское «завоевание» пошло на смарку. Возможно даже, что это известие о завоевании хазарами Дагестана относится лишь к п л о с к о с т н о й п о л о с е Дагестана, обычно переходившей из рук в руки. Но опровергающие это известие аргументы нашего автора не выдерживают критики, так как: во-первых, веротерпимые хазары могли и не уничтожать мечетей и минаретов (пример арабского разрушения капищ не составляет полной аналогии), во-вторых, может быть, они и разрушали мечети и минареты, но их впоследствии восстановили мусульмане, и в третьих, вовсе не доказано, что шамхалы, удми, майсумы и кадии, бывшие после 797 г.—непременно являются потомками правителей и кадиев, бывших здесь до этой даты. В каждом предании есть доля истины, а данное предание подтверждается (с поправкой в дате на 1—2 года) также армянскими и грузинскими источниками, по коим в 799 г. (следовательно, в 181—182 г.г.) «стотысячное войско хазар вторглось в Армению, совершило неслыханные жестокости и увело много пленных». Кроме того, по арабским источникам к 800 году относится известие об и з г н а н и и хазар из мусульманских земель арабским полководцем Язидом; следовательно, и этим известием косвенно подтверждается предшествовавшее их вторжение в мусульманские страны.

⁶⁰⁾ Абаку-хану.

⁶¹⁾ Как видно из последующего изложения событий, Тамерлан пролетел через Дагестан с юга на север, а затем обратно, ведя войну с теми, кто оказывал ему сопротивление, и, наоборот «оказывая милость» тем, кто его встречал с покорностью и провожал с почетом. Но как при Чингизах, так и при Тамерлане мы не знаем, «как управлялся Дагестан». Во всяком случае ни Чингизиды, ни Тамерлан не предпринимали специальных завоевательных походов в Дагестан и не утверждали здесь своей постоянной власти.

⁶²⁾ Даулетшах Самаркандский, автор 15-го века.
⁶³⁾ Тимур-кюю означает колодец Тимура; от этого названия произошло теперешнее название местности Темаргое.
⁶⁴⁾ Т. е. слишком щедрые, расточительные.
⁶⁵⁾ Селение Кубинского уезда.
⁶⁶⁾ Кизилбаш—красноголовый.
⁶⁷⁾ Фарсах (от греческого парасанг)—около 5 верст.
⁶⁸⁾ Киз-каласи означает «Девичья крепость».
⁶⁹⁾ Т. е., для жителей этого селения.
⁷⁰⁾ Султан (властитель) применяется в качестве титула не только к царям и правителям, но и к их наследникам (будущим властителям).
⁷¹⁾ Очевидно, речь идет о восставших районах Кубинского уезда.

⁷²⁾ К сожалению, автор не указывает сущности этих «обстоятельств», возникших очевидно в 16-м веке. Остается лишь предположить, что в связи с проникновением в Дагестан огнестрельного оружия соотношение сил правящего класса и эксплуатируемых масс в некораатских районах Дагестана изменилось в пользу беков. Это предположение подтверждается как усилением власти удмиев, выразившемся в самочинных «нововведениях» Султан-Ахмеда, так и крестьянским восстанием, вспыхнувшим в Кайтаге сейчас же после этих нововведений.

⁷³⁾ Маджалис—множественное число слова меджлис—место заседания.
⁷⁴⁾ Сел. Урчамиль теперь называется Чумлы, а селение Башлы развито потом на 3 селения: Александр-кент, Ганкайкент и Джавак-кент. Интересно отметить, что Султан-Ахмед был первый удмий, получивший жалованную грамоту турецкого Султана, утверждавшую его в «правах управления и владения» (в 1578 году), и что эта грамота (ничего не стоившая султану), если не вызвала, то по крайней мере усилила стремление удмий к захвату общественных земель.

⁷⁵⁾ Бейлярбей—турецкий титул губернатора. Ширванский губернатор поставленный Персией, обычно назывался ширваншах.

⁷⁶⁾ «Крепость Туманис»—Абас-Туман.

⁷⁷⁾ Дагестанские правители проявляли свой оппортунизм, как при победе турок, так и при победе персов в Ширване. Как султан, так и шах видимо довольствовались номинальной суверенной властью над дагестанскими своими «вассалами», от которых время от времени (при подходящих случаях) получали ценные подарки взамен званий и грамот. Но такое положение, как увидим ниже, продолжалось недолго.

⁷⁸⁾ Джаватекпй мост.

⁷⁹⁾ Наиб—заместитель. Между прочим, так назывались при Шамиле его участковые правители и этот термин сохранялся долгое время и за русскими участковыми начальниками.

⁸⁰⁾ Букв. «редкостью века и уникалом эпохи».

⁸¹⁾ Шияиты считают, что законным наследником Магомета должен был стать его ближайший родственник Али, который в действительности достиг власти лишь после первых трех халифов, избиравшихся мусульманской общиной.—Абубекра, Омара и Османа. Сунниты признают власть всех халифов законной, а шияиты считают всех их, кроме Али, узурпаторами, особенно трех первых, которых они всячески ругают. Вражда на этой почве между суннитами и шияитами была и раньше, но она особенно обострилась при шахе Аббасе в период его борьбы за Ширван и другие провинции.

⁸²⁾ Сафи-Кули—«раб Сафия». Характерно, что шамхал Сурхай-Мирза оказался вассалом одновременно и русского царя, и персидского шаха.

⁸³⁾ К сожалению, неизвестно на какие «достоверные» источники ссылается автор.

⁸⁴⁾ Следовательно с конца 16-го века.

⁸⁵⁾ Безрукий Сурхай.

⁸⁶⁾ Мушкюрский участок повидимому делился в то время на две части: Мушкюр Кубинский (южная половина) и Мушкюр Дербентский (северная половина, куда как часть входил и Карблукский район).

⁸⁷⁾ Хутба прочитываемая вслух по пятницам в мечети—молитва с упоминанием имени царствующего монарха.

⁸⁸⁾ К 1134 году Гиджры относится и вторжение в Персию Махмуда Афганского (1721 год) и поход Петра Великого в Дагестан (1722 год). Обясняется это тем, что этот мусульманский год охватывал 3 последних месяца 1721 г. и 9 первых месяцев 1722 года.

⁸⁹⁾ Все эти сведения взяты не из русских источников, а из мусульманских, главным образом, из Гюлистан-и-рем.

⁹⁰⁾ Значение этого имени «раб Такмаспа».

⁹¹⁾ 1732 год. Хр. эры соответствовал второй половине 1144 и первой половине 1145 года Гиджры.

⁹²⁾ Тешрин 1—октябрь.

⁹³⁾ Хункяр—властелин. Так именуют турецких султанов.

⁹⁴⁾ Кефарская степь—равнина, непосредственно примыкающая к Дербенту с северной стороны.

⁹⁵⁾ Джазаирскими, или в переводе на русский язык аляжирскими назывались ружья, изготовленные в западных мусульманских странах, через которые проникали в Пер. Азию из Европы все виды усовершенствованного огнестрельного оружия.

⁹⁶⁾ Необходимо заметить, что персидско-подлавные биографы Надир-шаха, описывавшие его походы еще при его жизни, конечно, нигде ни о каких его неудачах не упоминают. Поэтому и наш автор, черпающий свои сведения из источников, опирающихся на биографов шаха, также не говорит о его неудачах. Между тем отказ от преследования неуловимого Сурхая, ради наказания коего и был предпринят поход, может быть объяснен только непреодолимыми для Надир-шаха препятствиями к продолжению похода. В чем бы эти препятствия ни выражались, в больших ли потерях людими, в недостатке ли провизии и фуража или в трудных переходах по плохим горным дорогам, подвергавшимся постоянной порче со стороны партизанских отрядов горцев, все равно, поход надо признать неудачным, а приветливые слова мирных кумухцев лишь благовидным предлогом для шаха отступить с полдороги.

⁹⁷⁾ См. примеч. 81. Мусульманские историки, особенно суннитские ставят в большую заслугу Надир-шаху его заботы о смягчении вражды между суннитами и шиитами, обострившейся при Сефевидской династии, особенно при шахе Аббасе I.

⁹⁸⁾ В первых числах марта 1735 года.

⁹⁹⁾ Как известно, хутба (молитва о здравии царя во время пятничного собрания в мечети) и начертание имени на государственной печати являются привилегией монарха в мусульманских странах.

¹⁰⁰⁾ Т. е. аварцы Закатальского округа.

¹⁰¹⁾ Если биографы Надир-шаха не говорят о победе его над аварцами при сел. Чох, то надо полагать, что они умалчивают о его поражении и здесь. Очевидно, персидские войска были разбиты. Иначе шах не так уж внезапно вспомнил бы в августе месяце о приближении зимы и о срочной необходимости устройства зимнего лагеря под Дербентом.

¹⁰²⁾ «Разруха Ирана».

¹⁰³⁾ След. в 1741 году.

¹⁰⁴⁾ Тут получается хронологическая невязка: канун II—1154 г. Г—приходится на январь 1742 г., между тем как в январе 1742 г. Надир-шах

предпринял уже четвертый свой поход в Дагестан, тогда как здесь речь идет о возврате из третьего похода. Надо полагать, что в подлиннике по ошибке указан месяц Канун II вместо июня, и тогда возвращение Надир-шаха из третьего дагестанского своего похода должно быть приурочено к 5 июня 1741 года, что вполне вписывается со всеми датами предшествовавших и последовавших событий.

¹⁰³) «Кюшелек» содержит 500 турецких пиастров или около 30¹/₂ руб. золотом, след. 20 кошельков—600 руб. золотом.

¹⁰⁴) Т. е. двухбунчужное знамя; чем больше бунчуков (конских хвостов) на знамени, тем ранг обладателя знамени выше.

¹⁰⁵) Около 60 руб.

¹⁰⁶) В начале июня.

¹⁰⁷) Двустигшие на перс. яз.

¹⁰⁸) Мы предпочитаем дать буквальный перевод текста этого звучного и красивого стихотворения. При этом, желая избежать слишком детальных объяснений своеобразных оборотов языка восточной лирики, даем также следующий в о л ь н ы й перевод:

Ах, прожита в неведении юность счастливая.

Остаток же дней приходится посвятить лишь раскаянью
в том, что не ценил ты счастья.

Сердце рвется к черному локону. Но берегись увлечься—допустишь оплошность, и оно будет разбито.

Ведь твоя власть и богатство лишь дар слепой судьбы.

А ты, муравей ничтожный, воображал, что сам ты мудро
создал их.

Какая тоска. Даже совестно ее выражать.

Да и как ее выразить? Не найдешь слов. ✓

Успокоение душе дает лишь чистый ветерок.

Пропитанный утренним ароматом гиацинта.

Но поэзия теперь не в почете, не всякий ее понимает.

Так замкни же уста, певец, и не расточай сокровенных дум.

¹¹¹) К сожалению, неясно в какие «те времена» возник такой адат, а главное, каковы были предпосылки создавшие этот адат. Возможно, что тройственный союз Фатали-Хана, шамхала и даргинской республики (с акушинским кадием во главе, в качестве президента) сыграла в данном случае роль решающего фактора. Хитрый Фатали-Хан, фактически выдвигавший на пост шамхала того или иного своего протеже, мог использовать свою популярность среди даргинцев для выявления «их мнения», а затем опираться на эту «волю масс» для инспирировки «соглашения союзников».

¹¹²) Фатали-Хан полностью использовал появление в Дербенте русского отряда, чтобы свести счеты со всеми своими врагами и вернуть себе потерянные территории.

¹¹³) Это вмешательство народа в распри между соправителями и мирный раздел территории самим населением между кадиями и майсумами указывают, что эти правители еще не успели проработать крестьян настолько, чтобы сделать их своим слепым орудием, и что в те времена народу еще нужны были беки, как правители.

¹¹⁴) Хотя в подлиннике и сказано «был назначен», но само по себе это выражение не дает основания предполагать назначение кем-то со стороны, или свыше, ибо оно могло состояться и в форме признания его прав остальными наследниками умершего уцмья.

¹¹⁵) 1795 году соответствуют последние шесть месяцев 1209 и первые шесть месяцев 1210 года Гиджры, так как последний (1210) год наступил в первых числах июля 1795 года.

¹¹⁶) Гелерен-Гюресен—значит «придешь—увидишь».

¹¹⁷) Т. е. ничего не похитив

¹¹⁸) Его, т. е. Ага-Магомед-шаха.

¹¹⁹) Выражение «остальные дагестанские владетели» в данном контексте может вызвать предположение, что автор относит к Дагестану также Грузию. Но, конечно, такое предположение было бы ошибкой, ибо автор в данном случае соединяет Грузию с Дагестаном как общую территорию мелких государств, в коих персидское влияние сменялось влиянием русским.

¹²⁰) Наш автор не упоминает о союзном договоре, заключенном 26 декабря 1802 года, в городе Георгиевске между ханом Кубинским, Дербентским, Талышинским и «горскими владельцами», по мысли Александра I об образовании из этих владений «Федеративной коалиции» под верховным покровительством России (см. Козубский. История Дербента стр. 128). Интересно, что в этой коалиции Дербентский и Кубинский хан Шихали занимал «первое место», которое, по крайней мере, среди дагестанских ханов принадлежало также и его отцу Фатали-Хану.

¹²¹) К сожалению, автор не называет имени карабагского поэта, сложенного поэму о нашествии аварцев. Надо полагать, что здесь лишь первые три полустишия представляют отрывок из той поэмы, а последние три прибавлены передатчиками в качестве прибауток.

¹²²) Надо полагать, на остров Сару, куда впоследствии из-под Баку высадились и отряд кн. Цицианова, когда этот князь был неожиданно убит.

¹²³) Нанби-султане—заместитель в управлении государством.

¹²⁴) Под «самовластным заместителем» Нухинского «законного» хана Салим-Хана автор, очевидно, разумеет Сулейман-Хана, которого посадил в Нуху на должность хана Ширванский Мустафа-Хан.

¹²⁵) Как известно, шамхал Мехти был женат на Пери-Джиган-Ханум, дочери Фатали-Хана, и потому считал себя наследником Дербентского хана, поскольку права Шихали-Хана и Гасан-Хана опирались либо по оппозиции Дербентского общества, либо по распоряжению русского начальства.

¹²⁶) И Сумбат и Уччугатль—селения Лакского округа.

¹²⁷) Т. е. в Акуше или в «Акушинском, т. е. Даргинском округе».

¹²⁸) Далее следует арабский текст договора, а затем перевод текста на азербайджанский язык. Мы даем перевод арабского текста, несколько более сжатого, чем азербайджанский.

¹²⁹) Эта дата соответствует 19 февраля 1813 года.

¹³⁰) В азербайдж. переводе после слова ж и т е л я добавлено в скобках: «известно, что под жителем разумеется мужчина, ибо плата за убийство женщины составляет у них половину того».

¹³¹) В азерб. переводе прибавлено: «(составляет двести пятьдесят рублей)».

¹³²) Мелкая серебряная монета.

¹³³) В азерб. переводе этого примера «даст-ли одиш другому одиш куруш» и т. д. не приведено, так как ничего не сказано о мере зерна, хотя смысл постановления передан полностью.

¹³⁴) В данном случае мы переводим слово медресе словом студия. Медресе может быть названо в ы с ш е й школой, если только его сопоставить с мектебом, т. е. начальной школой, но медресе дает и среднее и высшее образование в зависимости от продолжительности обучения, предназначенной для отдельных студентов (мутааллимов) иногда даже 15 лет.

¹³⁵) Араб. заглавие: Икаматул бурхан аля пртидиди уафган Дагестан.

¹³⁶) Крепость «Бурния».

¹³⁷) Мусульманский 1217 год соответствует времени от 29 мая 1831 до 18 мая 1832 года.

¹³⁸⁾ Здесь повидимому простая ошибка в месяце, ибо взятие с. Умры произошло 17 октября, а не декабря (см. Козубский, Даг. сборн., вып. 1, от. II, стр. 182).

¹³⁹⁾ Можно понять так, что они (мюриды) восприняли целые «реки истины», но можно понять и так, что они получили от аллаха (ибо «Истина» один из титулов аллаха) целые «реки» (подраз.) благоденствия.

¹⁴⁰⁾ Т.е. так называемый з и к р.

¹⁴¹⁾ Этому образному выражению можно было бы дать вольный перевод: «пока я не был з а л и т счастьем».

¹⁴²⁾ Сел. Согратль в Гунибском округе. Автор называет Аварским владением, или просто Авар, все районы, населенные аварами (Авария).

¹⁴³⁾ Двустышие на перс. яз. Букв. перевод: Благо в двух мирах есть. толкование следующих двух принципов: с друзьями ласковость, с врагами компромисс.

¹⁴⁴⁾ Тарикат буквально значит п у т и о с т ь в смысле правильного поведения.

¹⁴⁵⁾ Козубский приписывает (очевидно, по ошибке) это деяние Шамиллю (Даг. сб., в. 1, отд. II, стр. 182).

¹⁴⁶⁾ Текст арабского стихотворения Гаджи-Юсуф-Эфенди местами видимо искажен в печатном экземпляре Асари-Дагестан, что вполне допустимо, если иметь в виду, что в нем много слов, редко встречающихся и без сомнения незнакомых наборщику. Исправить текст можно было бы, если достать копию стихотворения у когонибудь из арабистов, но нам не удалось это сделать. Тем не менее, смысл каждой фразы, полагаем, правильно передается нами верно.

¹⁴⁷⁾ Как мы видели выше, Сайд-Эфенди Араканский был плотнее войны, приносившей с собой большие бедствия населению Дагестана. Он удраживал (безрезультатно) Кази-Мулла от выступления и открыто высказывался против выступления Гамзат-бека, который за это хотел наказать почетного ученого, но в виду его богатства из своего дома, ограничился конфискацией его библиотеки.

¹⁴⁸⁾ Под «зверенышами» автор мог разуметь мюридов Гамзат-бека, но вернее, здесь мы имеем гиперболу, отмечающую «зверский» хафактер убийства старой ханши.

¹⁴⁹⁾ Бейтул-мал—«дом ценностей» государственная казна.

¹⁵⁰⁾ Закят узаконенные нариатом отчисления мусульман в казну из своих доходов и с капитального доходного имущества (напр., со стад, скота, с денежных капиталов и пр.). Там, где мусульмане не составляют всего государства, сами плательщики распределяют приплатяющийся закят между бедняками, вдовами, сиротами и муллами.

¹⁵¹⁾ Хуме—одна пятая часть военной добычи, установленная нариатом в виде дохода казны.

¹⁵²⁾ Полномочие на наставничество шейх выдавал мюриду, прошедшему все «ступени достижений» и усвоившему «тайбы» тариката. Такой мюрид получал название м а л ь у и (тот, кому «разрешено», подраз. «тати наставником, или муришдом, и иметь своих мюридов»).

¹⁵³⁾ Принимные наставления в тарикате макибендииским.

¹⁵⁴⁾ Ятагом называется помещение для вочлега баранты на зимних или летних пастбищах. Вилотную к этому помещению примыкает и землянка для пастухов, сообщающаяся обычно с первым дверью и окном.

¹⁵⁵⁾ 1851 год совпадает с 9 ю последними месяцами 1267 и 3-ми первыми 1268 гл. Гиджры.

¹⁵⁶⁾ Деяния Шамиля с одной стороны и русских войск, действовавших против него, с другой, так подробно освещены в русской военной литературе, что отказ автора от их изложения не вызывает сожаления. цитировании русскими источниками необходимо только иметь в ви-

ду, что при оценке результатов сражений и при квалификации участвовавших в войне трущ и сил авторы зачастую выявляют «патристическую» точку зрения, лишнюю необходимой объективности.

¹⁵⁷⁾ Вред в смысле наказания за участие в бунте.

¹⁵⁸⁾ Эту поговорку в данном случае можно понять двояко. Автор хочет сказать и л и то, что вместе с подвергшимся сильным «лишним» втигунит в восстание и те, кто не подвергался лишениям, и л и ж е, что вместе с виновными в восстании подверглись каре и не виновные.

¹⁵⁹⁾ Даем вольный перевод письма—стихотворения, имеющего исторический интерес, несмотря на субъективную обрисовку событий. Необходимо только иметь в виду е а т и р и ч е с к и й подход автора.

¹⁶⁰⁾ Легендарный шах, имевший во всем полушах.

¹⁶¹⁾ Букв. «сколько гордо гуляющих беков и офицеров сразу ушло в прах презрения». Необходимо заметить, что в момент восстания автор тоже был офицером и служил пайбом в Южной Табасарани, и что когда восставшее население его участка на митинге потребовало от него отказаться от русской службы и примкнуть к восстанию, то и он (в качестве «сырого полена») воспылал общим огнем возмущения и сорвал с себя погоны, бросил их прочь. Кажется, только в этом и выразилось его участие в восстании, за которое он был потом сослан на поселение в Россию. Впрочем «аллах лучше знает».

¹⁶²⁾ Букв. «Внял в ошибку, видя опасность». Как и в других районах восстанием руководили п е б е к и, к которым, однако, парол предъявлял определенное требование выполнить свой исторический долг, т.е. стать «предводителями на войне».

¹⁶³⁾ Т.е. из Кюринского округа.

¹⁶⁴⁾ Хункяр—титул турецкого султана; тоже, что властитель, государь и проч.

¹⁶⁵⁾ Букв. «Афат и Шахнамаз в списке правительственных служащих стали начальниками канцелярии». Но от старика мы не можем ожидать объективной передачи фактов. Вероятно, оба эти лица завладели помещением окружного управления и суда и хозяйничали над делами и книгами здесь совершенно п е в ы п о м и н я я при этом никаких ф у н к ц и й революционной в л а с т и.

¹⁶⁶⁾ Боязнь полицейской цензуры видна и без признания автора и при том не только в этом письме, но и во всей книге, как только речь заходит о царе, его заместителях, губернаторах и прочих властях.

¹⁶⁷⁾ Эта арабская поговорка, возникшая на исторической почве, употребляется для выражения бесполезности запоздалой помощи вообще, а также в смысле русской поговорки «снять голову, по волосам не плечут».

¹⁶⁸⁾ Двумя последними предложениями автор хочет сказать, что по воле аллаха дематогическое выступление зачинщиков смуты достигают своей цели. Но разумеется, воля аллаха тут ни при чем, а дематогия не выдает никакого движения, если нет к тому объективных причин.

¹⁶⁹⁾ По мысли автора, чистое общение с начальством дало бы ирреально Дагестану дружбу начальства, которое в свою очередь, заравняло бы жителей своими хорошими правами и сделало бы их более культурными.

¹⁷⁰⁾ Т.е. в Мокку.

¹⁷¹⁾ Кудей—поклонник святости, священнослуж.

¹⁷²⁾ Сюда двенадцати (подраз. имамов)—шхиты.

¹⁷³⁾ Т.е. трех первых халифов, предшественников Али.

¹⁷⁴⁾ Стихи на перс. яз. на темы: хвалить и мочь, воздай добром за зло и проч.

¹⁷⁰⁾ Словом «пятистишие» мы не вполне точно переводим мухаммас, — термин, относящийся к такому стихотворению, где к а ж д ы е п я т ь размеренных полустиший составляют один стих. При чем четыре полустишия рифмуют между собой, а последнее полустишие рифмуется с начальным стихом и, следовательно, не меняется до конца всего стихотворения, как бы оно длинно ни было. Такую же форму имеют приведенные выше арабские обличительные стихи Гадики-Юсуф эфенди Аксайского против мюридов.

¹⁷⁶⁾ «Во имя аллаха» в смысле «в добрый час».

¹⁷⁷⁾ Сравнение возлюбленной красавицы с острой блестящей саблей довольно часто встречается в персидской поэзии. При чем блеск сабли служит предметом сравнения красоты, а острый клинок символом власти красавицы над жизнью влюбленного поэта.

¹⁷⁸⁾ В должности секретаря, ведущего всю служебную переписку по управлению ханством.

¹⁷⁹⁾ Джуз — одна тридцатая часть Корана, не совпадающая с делением на главы (суры).

¹⁸⁰⁾ В Мекке.

¹⁸¹⁾ Т.-е. могилы Магомета.

¹⁸²⁾ Т.-е. к пророку Магомету.

¹⁸³⁾ Меджидун — «одержимый дьянами» (духами). Так назывался герой печального романа, безнадежно влюбленный и скитающийся вдали от людей, не находя нигде покоя.

¹⁸⁴⁾ Эта правдивая характеристика нравов правящего бекекого сословия объясняет нам, почему автор слишком сильно прихваливает самых заурядных беков и хабов, если только они не придерживаются системы грабежей, убийств, арестов и насилий.

¹⁸⁵⁾ Букв. «порвав узы согласия с ним».

¹⁸⁶⁾ Мудитахидом называют такого ученого богослова-законоведа, которому его научное «усердие» (иджтихад) дает право с а м о с т о я т с я и о толковать догматы веры и предписания шариата, опираясь на первоисточники (текст корана, слова и действия пророка). Прежде чем стать мудитахидом, надо сначала «погрузиться в море науки», т.-е. стать «глубоким» ученым (мутабаххир).

¹⁸⁷⁾ Суинна — предания о делах и словах пророка.

¹⁸⁸⁾ Т.-е. пророка Магомета.

¹⁸⁹⁾ Повидимому шейх Салих Йеменский считал сектантством даже ортодоксальные «толки» шафийтский, ханефитский и др. Если так, то это делает честь его отвращению к схоластическому догматизму вообще.

¹⁹⁰⁾ Речь идет, очевидно, о химических свойствах элементов материи и их строго определенных соотношениях в химических соединениях. Химия относилась арабами к тайным наукам, и ею занимались отдельные ученые в своих лабораториях. Впрочем, едва ли у Дамадан-эфенди была оборудованная лаборатория. Возможно, что он изучал лишь алхимию (средневековую) по каким-нибудь пованным в его руки учебникам.

¹⁹¹⁾ Руководящий толковник, учебник по шариату.

¹⁹²⁾ Зарир, или Дарир («несчастный») — авторитет Магомад-эфенди Кумухского.

¹⁹³⁾ Обращение к аллаху.

¹⁹⁴⁾ Хронограмма «ассарали» соответствует (см. прим. 10) числу 1275.

¹⁹⁵⁾ Строго говоря, и о с в я щ е н и я, как таинства, у мусульман нет, но, поскольку тарикат сопрягается с мистикой, мы считаем возможным допустить этот термин для обозначения инициативы, даваемой мюридом тому из мюридов, который, пройдя все ступени по пути к истине, постиг ее наконец вполне. Лишь мюриды самой старшей ступени получали от шейха полный ответ на вопрос «в чем истина». Шейхи име-

ли безграничный авторитет в глазах своих мюридов. В Передней Азии некоторые из них доходили до того, что отменяли Коран, называя персонально себя «истиной», а так как это слово является одним из титулов Аллаха, то ортодоксальные мусульмане считали таких шейхов еретиками, а их мюридов третировали как отверженных сектантов.

¹⁹⁶⁾ Т.-е. по тарикату.

¹⁹⁷⁾ Касидой называется стихотворение, посвященное близкому описанию какого-либо героя. В большинстве случаев касида есть о д а или хвалительный гимн. Но иногда она бывает сатирой, т.-е. осмеянием героя. В касидах шейха Яраги восхваляется Аллах, его качества, его воля. В общем раскрытие воли Аллаха есть вдохновенное толкование мусульманской религиозной истины, но толкование не схоластическое и логическое, а интуитивное и мистическое, что и составляет сущность т е о р и и тариката. Касиды шейха Яраги называются «па т», потому, что рифмующий слог в них от начала до конца та, где «т» пишется, а «я» лишь подразумевается.

¹⁹⁸⁾ Помогли не преподавать, конечно, а построить помещенье медресе. Алкадарское медресе состоит из трех комнат — келий для учащихся, с отдельным в каждую из них входом прямо с улицы. Снаружи они запираются высящим замком, а внутри деревянным засовом, а земляной пол в них покрыт частью рогожей, частью войлоком или широким персидским половиком. Мутааллимы (студенты) поселяются здесь со своим тюфячком, подушкой, одеялом, шубой, собственными учебниками и с кое-какой провизией (напр., пудом муки, кувшином масла и пр.) при чем раньше прибывшие уплотняются / чтобы дать место и вновь поступившим. Если число студентов превышает 8—9 человек, то позже приехавшие живут в ауче кунака, либо за небольшую плату, либо (чаще) за первоначальное обучение его малышей грамоте, молитвам и чтению Корана. Обычно в каждой келье сожители имеют общий стол, вскладчину, а выпечка хлеба производится всеми обитателями медресе сообща: каждый дает муку на определенное число туреков и сборная мука шередается какой-нибудь женщиной, пекущей туреки для себя, и она печет бесплатно для студентов. Вообще помочь студентам считается обязательным. Общество позволяет им брать дрова из общественного леса, при чем один дает им в пользование топор, другой арбу с быками. Затем они получают покровительство по случаю похороп, плату за чтение корана на могиле, за отпевание и омовение покойника, а в период сбора хлебов им уплачивается зякат. Но в общем они живут бедно. Звонящая каминная труба обеспечивает им вентиляцию помещения и летом и зимой, при чем в холодное время они сидят укутанные в свои овчинные. Преподавание производится на квартире у преподавателя в куначке, куда студенты приходят по очереди, при чем чаще всего каждый получает отдельный урок и лишь иногда бывает, что двое или трое проходят одну и ту же книгу и получают урок совместно. Старшие (разумеется, бесплатно) помогают младшим готовить урок.

¹⁹⁹⁾ Здесь обращение во 2-м лице к самому себе, а в предыдущем стихе к умершему.

²⁰⁰⁾ Хронограмма: а (1) + р (200) + горт (1000) + д (1) + д (1) + а (1) + (30 + а (1) + м (40) = 1278.

²⁰¹⁾ «Много преподавал и обучал», следует читать в смысле «дал образование многим молодым людям», или (что в сущности то же самое) имел в своем медресе много студентов.

²⁰²⁾ Т.-е. совершивший хадж и в Мекку и в Медину.

²⁰³⁾ Букв. является с б о р н и к о м безграничных совершенств.

²⁰⁴⁾ Авторитеты Шуая («Радикальный»), Сипихри («Небесный»), Кумри («Луный»), так же, как и авторитет Абас-Кути Банкханава Куд-

си («Священный»), нельзя переводить буквально, так как ни один восточный автор сам себе не даст таких эпитетов. Напротив автоэпитеты обычно берутся отрицательные (недостойный, обладающий недостатками и пр.). Поэтому указанные автоэпитеты должны быть поняты, как произведенные от предметов в полонении: **Жуан**—«жрец солнечного луча», Сипхри—«служитель неба», Кумри (в азерб. произношении Гумри)—«раб луны», Кудей—«почитатель святости».

²⁰⁵⁾ Жилы в смысле мускулы тела. В ранах в смысле в б о л е з н я х.

²⁰⁶⁾ Разумеется речь идет о «листьях и плодах жизни». Листья—развлечения, а плоды—результаты трудов,—оказавшиеся никчемными.

²⁰⁷⁾ Такие выражения, как о т ц ы н е б е с н ы е, в е с т н и к и з п е б ы т ь я, при отсутствии «покорности аллаху» и прочих подобных выражений мусульманского благочестия, указывают на личность, влияние персидской поэзии эпохи возрождения национального самосознания (13 век Хр. эры).

²⁰⁸⁾ Бейдави—арабский богослов второй половины 13 в. Хр. эры. Его толкование Корана под заглавием «Анварут-тевайль ва асарулта виль» (Пути откровения и тайны толкования) носит также сокращенное название Тебсирул-кади (Толковник кадия) и служит учебником в высшей школе.

²⁰⁹⁾ Бурхания-кати—решающее толкование или «Твердое руководство».

²¹⁰⁾ 2-го октября 1834 года.

²¹¹⁾ Восточные авторы дают оводим произведениям причудливые заглавия, почти никогда не указывающие на их содержание, а как бы образно характеризующие их значение. Напр., в данном случае «с л и я н и е д в у х м о р е й» можно понять, как совпадение речений, полученных двумя различными методами, или основанных на предпосылках двойного рода (напр., логических и юридических). Обычно заглавия состоят из двух полоний, рифмующихся между собой. Разумеется в переводе на другой язык рифма исчезает, а цветистая образность не всегда бывает понятна.

²¹²⁾ Разумеется, не все упомянутые здесь «ученые» и «писатели» дагестанские одинаково заслуживают внимания. На ряду с действительно замечательными лицами мы имеем здесь ряд таких, которые лишь могли учить, читать коран нараспев или обладали красивым почерком, что, конечно, имеет и свою ценность, принимая во внимание отсутствие здесь типопечатапия на арабском языке и нужду в рукописных учебниках. Наш автор, как общее правило, хватит всех, отмечая, в виде исключения некоторые личные недостатки лишь у немногих лиц, напр., у Барка-кади Акунинского. Не умаляя ничего значения и вполне признавая, что каждый из упомянутых ученых, преподавателей и писателей сыграл свою роль в культурного работника, все же мы должны выделить из них таких выдающихся лиц, которые в н е с л и н е т т о н о в о е и м н о в о з р а ж е н и е м е с т н о й к у л ь т у р н о й с р е д ы.

Таковы: 1) «Корифей среди ученых» Гаджи-Магомед-эфенди Кудутлинский, который, выйдя из рамок ортодоксальной доктрины шариа, взял кое-что от свободолюбивающего Еменского шейха Садика, и вместе с тем на критику социально-правовых условий своей эпохи (конца 17 века). С него именно начинается в Дагестане р а с ц в е т арабской образованности.

2) Современник его Дамадан-эфенди Мугийский, который как бы дополнил его, будучи специалистом по части тайных наук, т.е. метафизики, мистики и эстествознания, ибо эстествознание при эмпирическом усвоении свойств веществ без знания законов природы и без

знакомства с соответствующей научной гипотезой, изводится на ступень «тайных» наук.

3) Саид-эфенди Араканский, известный своей оппозицией имамам пользовавшийся большим авторитетом и влиянием и оставивший солидные труды по юриспруденции и богословию.

4) Гаджи Шафи-эфенди Согратльский, первый создавший начальным учебникам на местном (аварском) языке.

5) Мехги-Магомед-эфенди Согратльский, оставивший труды по философии и логике.

6) Абдулла-эфенди Согратльский (Шайтан-Абдулла), специалист по математике и астрономии.

7) Мирза-Али-эфенди Ахтинский, универсальный ученый, преподававший как гуманитарные, так и естественные науки (физику).

8) Первый в Дагестане учитель тариката Магомед-эфенди Браги, воспитавший имамов и давший посвящение в шейхи между прочим такому выдающемуся муршиду, как современник Шамилы шейх Джамалуддин-эфенди Кумухский.

9) Али-ахунд Дербентский, автор четырехтомного самостоятельного толкования Корана (в рамках шиитской доктрины).

Мы полагаем бы правильным выделить этих лиц в истории Дагестана, как незамыслимых двигателей восточной культуры, достойных занять место на страницах истории не только Дагестана, но и вообще мусульманского востока. Что касается нашего автора, то, отмечая признательны за имя среди дагестанских ученых авторитет шариаиста и знатока литературы, мы должны сказать, что он своими произведениями до некоторой степени сглаживает теоретическую и практические шероховатости и противоречия, существующие между суннитами и шиитами, как это между прочим видно из заключительного стихотворения в этой книге.

²¹³⁾ Заключительное стихотворение.

²¹⁴⁾ Намек на черные и красные чернила, в которых «плавают» тростниковые перья автора.

²¹⁵⁾ Слово «джавхар» означает: 1) сущность, 2) субстанция, 3) драгоценный камень, сокровище. В фантастическом разговоре автора со своим пером происходит игра слов на почве различного понимания этого слова.

²¹⁶⁾ Такая же игра слов получается на почве различного понимания слова «ара», означающего: 1) тленное благо, 2) случайность, 3) феномен, явление (в противоположность субстанции).

²¹⁷⁾ Букв. «перевернул». Тоже получается игра слов.

²¹⁸⁾ Хронограмма, соответствующая 1308, а именно: $u = \text{алиф} + \text{вав} = 1 + 6$, $n = 300$, $a = 1$; r горт = 1000. Ушаг = $1 + 6 + 300 + 1 + 1000 = 1308$.

Автор намекает на общезвестную истину, что «часть меньше целого», которая в «суб'ектвном восприятии и не подкрепляется, как, напр., в данном случае.

1310 г. Г., т.е. в середине июля 1892 г.

В мире през арабской поэзии звезды и планеты принимают участие в судьбе людей. Есть «звезда счастья», «звезда несчастья» и проч. Под Вострой, здесь разумеется не греческая богиня Ласоты в образе женщины, а ярко сверкающая в небе планета, как «звезда любви». Греко-латинская мифология проникла к арабам, но «абстрактный» склад арабской мысли привнес ее в классическую художественности, придав ей характер мистического символизма в духе древних астрономов.

²²²⁾ Указание на частые случаи убийств на почве любви и ревности.
²²³⁾ Скрижали небесные служат для записи добрых дел и грехов людских. Автор говорит, что они почернели от записей грехов, ибо так уж много грешат люди.

²²⁴⁾ Гайдар (Лев)—прозвище халифа Али.

²²⁵⁾ Т.-е. Гасану и Гусейну, сыновьям Али.

²²⁶⁾ Магди—двенадцатый и последний имам из рода Али.

В этом стихотворении выявляется определенно шиитский автор, хотя он правоверный суннит. Как противник религиозной розни среди мусульман, он здесь подчеркивает отсутствие непримиримых разногласий между ними в основном вопросе—о шиитских имамах.

Оглавление

От редакции	3
От автора :	5
Вступлениe	8
Глава первая	17
Глава вторая	23
Глава третья	31
Глава четвертая	42
Глава пятая	44
Глава шестая	56
Глава седьмая	62
Глава восьмая	75
Глава девятая	92
Глава десятая	97
Глава одиннадцатая	102
Глава двенадцатая	118
Заключение	138
От автора	161
Дополнение	162
От переводчика	165
Примечания переводчика	168

26974

